

СВАДЬБЫ НЕ БУДЕТ

r o m a n



Журналист Дима
Полуянов наконец-то
сделал Наде
предложение, и это стало
самым опасным
приключением в их
жизни.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Annotation

Наконец-то Надя Митрофанова дождалась – любимый Дима сделал ей предложение! И сразу же новоиспеченных жениха и невесту пригласили в реалити-шоу «Свадьба навылет». Для съемок выбрали глухую безлюдную деревню, где участников поселили в заброшенных домах без удобств и заставили участвовать в жестоких конкурсах. Но это было еще не главным испытанием! В режиме ток-шоу ведущая вызывала на сцену одного из конкурсантов и предъявляла залу неопровергимые доказательства его неприглядных поступков в прошлом. Все с напряженным любопытством наблюдали, удастся ли паре остаться после этого женихом и невестой. Но вскоре выяснилось, что цена этих разоблачений – не только разорванная помолвка, но и жизнь всех присутствующих...

- [Анна Литвинова, Сергей Литвинов](#)

○

○

○

- [notes](#)

○ [1](#)

○ [2](#)

○ [3](#)

○ [4](#)

○ [5](#)

○ [6](#)

○ [7](#)

○ [8](#)

○ [9](#)

○ [10](#)

○ [11](#)

○ [12](#)



Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Свадьбы не будет

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Урна разинула пасть и будто просила: «Выброси!»

Надя уже занесла букет над черным зевом, но в последний момент отдернула руку. Цветы – охапка астр и в середине зачем-то одинокая белая роза – благодарно прижались к ее груди.

«Подарю лучше в метро кому-нибудь», – решила Митрофанова.

Но, будто назло, за всю дорогу – ни единого располагающего лица. Пассажиры от мала до велика отгородились от мира наушниками, уткнули лица в гаджеты. Никого радовать не захотелось.

Выбралась из подземки, заглянула в любимый магазинчик у дома.

– Привет, Надюша. За пироженками? – улыбнулась знакомая продавщица. – Эклеры рекомендую. Безе исключительное.

Надя мужественно отвернулась от витрины, протянула через прилавок букет:

– Это вам.

– Ой… – смущилась женщина.

И вдруг решительно заявила:

– Не возьму.

– Почему? – опешила Митрофанова.

Продавщица лукаво улыбнулась:

– Лучше домой отнеси. Пусть твой божок позлится.

– Мой кто?

– Ну, ты заходишь с ним иногда. Такой пуп земли, вечно нос в небо.

Ничего себе – Димочку приложила! Хотя обычно Полуянов нравился женщинам средних лет. Надина начальница его просто боготворила. Да и эта продавщица всегда улыбалась журналисту, кокетничала. Вот двуличная!

Надя немедленно бросилась на защиту любимого:

– Глупости вы говорите!

А тетка гневно произнесла:

– Уже детишек пора в школу водить, а твой хахаль все тебя манежит!

– Слушайте, не лезьте в чужую жизнь! – разозлилась Надежда. – Мы сами разберемся.

Никаких пирожных покупать не стала, пулей вылетела из магазина. Но слова продавщицы упали на благодатную почву. Больше никуда пристроить букет она не пыталась. Принесла домой, бережно подрезала стебли, художественно расположила цветы в старомодной хрустальной вазе. Астры напоминали про школу. Одинокая белая роза – про первые влюбленности в старших классах.

Пусть собран букет неумело, мужской рукой, настроение он ей поднял.

В историко-архивной библиотеке, где работала Митрофанова, читателей сильного пола – добрая половина. Причем не полубезумные поэты, а публика весьма респектабельная. Особенно в Надином зале, куда без степени (как минимум!) кандидата наук вообще не пускали.

Митрофанову («даму приятной пухлости» – как острили более юные сотрудницы) джентльмены вниманием не обходили.

Любили с ней поболтать, с удовольствием на бюст четвертого размера пялились.

Прежде ограничивалось комплиментами, максимум – легким флиртом. В основном со стороны пожилых, если не сказать древних. Но сегодняшний букет был от молодого человека. Да какого!

В зал всемирной истории повадился ходить известный блогер Артем Кудряшов. По статусу ему, конечно, положено сидеть со студентами, но начальница иногда *неостепененных* пускала – если приносили из вуза письмо-просьбу с печатью.

Артем вместо документа принес огромную коробку конфет, сдобрил презент ослепительной улыбкой, обрушил на даму, падкую на лесть, водопад комплиментов.

А едва огляделся-обустроился – принял осаждать Надежду.

Она в буфет – парень хвостом за нею. Выходит после первой смены – караулит у двери. Искусщает: «В католическом соборе – тут в двух кварталах! – потрясающий органный концерт. Начинается через двадцать минут. Идем?»

Библиотечные черви в большинстве своем очкарики. Худощавые, спину горбят. А на Артема посмотришь – глаз отдыхает. Спортивен, белозуб. Анекдотами сыплет. Книги заказывает захватывающие – о преступности в девятнадцатом веке. На носу романтический шрам. И блог у него интересный. Митрофанова подписалась – стала двадцать тысяч

какой-то.

И пусть ее сердце навсегда отдано Диме, но Артему она всегда улыбалась. Чай не фотомодель, поклонниками грех разбрасываться. К тому же Полуянов вечно занят – работой и собой. Романтические ужины у них давно только дома, без свечей, еще и готовь, а потом убирай. На ее день рождения не постеснялся уехать в командировку. Автопробег по России – уверял, что это чрезвычайно важно, отказаться никак нельзя.

Именно в день торжества заехал в такую глушь, где даже сотовой связи не имелось. Цветы с курьером, правда, прислал. И еще телеграмму: что поздравляет и в старой шкатулке на шкафу спрятан подарок. Надя почему-то решила, что найдет там кольцо. Или билеты в Париж. Когда увидела десять тысяч – сразу стало скучно.

Праздновать в дамском коллективе тоже показалось тоскливо. А вечером Митрофанова одиноко включила фильм «Красотка» и окончательно себя растр авила.

Зато Артем на следующее утро явился в библиотеку с изящным букетом и мягким укором:

– Ты почему мне ничего не сказала?

– О чем?

– Что у тебя день рождения был!

– Подумаешь, событие, – поморщилась Надя.

– Лучший день в году! – авторитетно заявил молодой человек. – Ну, ничего. Второй день свадьбы иногда бывает даже ярче первого.

– Чего-чего?

– Это я к слову. Сегодня тебя похищаю. На весь вечер.

И она позволила себя украсть. Программу Артем придумал эффектную: сначала сходили на квест, а потом в ресторан, где полная темнота, и ужинать пришлось вслепую. Митрофанова в подобных местах прежде не бывала. Ужасалась, восторгалась, иногда визжала и очень боялась, что блогер начнет к ней приставать. Однако тот лишь проводил до дому и старомодно чмокнул в щеку на пороге подъезда.

А сегодня – вообще безо всякого повода – Артем снова с цветами явился. Когда пили чай с булочками в библиотечном кафе, уверенно взял ее руку в свою.

– Ты чего? – попыталась вырваться Надя.

Но он только сильнее сжал ее ладошку – уверенно, словно хозяин. А второй рукой выложил на стол два билета в Театр Фоменко. Анонсировал:

– «Сон в летнюю ночь».

– Как ты достал?! – ахнула Митрофанова.

– Архаично. В день начала продаж в кассы поехал.

Настоящий змей-искуситель! Надя просилась у Полуянова на этот спектакль с того самого дня, как ему «Золотую маску» дали. И Дима ей обещал. Много раз. Но доехать до театра или попросить знакомых так и не удосужился. А вот Артем – сделал.

– В следующий вторник. Отговорки не принимаются.

Надя отказываться и не собиралась. Димке можно наплести про девичник или что на работе новые книги допоздна принимали. Но к букету сожитель (что за мерзкое слово!) может придраться.

Однако Полуянов, когда пришел, лишь покосился на вазу в гостиной – и сразу двинулся в кухню:

– Слона бы съел.

Обычно она сразу и радостно бросалась кормить любимого, но сегодня вдруг шлея под хвост:

– А здороваться кто будет? Пушкин?

Дима взглянул изумленно:

– Привет. У тебя, что ли, ужина нету?

С утра Надя собиралась прибежать с работы, быстренько запечь на гарнир к вчерашним отбивным картошечку, сделать салат. Но с мечтаниями и раздумьями ничего не успела.

Сунула мясо в микроволновку, в морозилке отыскала мороженый шпинат, выложила на сковородку. С маслицем, с приправами – очень даже сойдет.

Но Полуянов принюхался и решительно заявил:

– Траву не буду. Есть какие-нибудь грибы, огурцы соленые?

– Я тебя в субботу за грибами звала – сам не пошел, – напомнила Митрофанова.

– Что ты вредная такая сегодня? – Он попытался хлопнуть ее по попе, но она увернулась.

Надя вовсе не собиралась ссориться. Но с языка вдруг само собой сорвалось:

– Да потому, что надоело: «Дай. Подай. Я». Король нашелся! Ты обо мне когда-нибудь заботиться пробовал?

– Конечно! – возмутился Дима. – Я тебе в воскресенье кофе в постель принес.

– А цветы ты когда мне дарил? Не на Восьмое марта, а просто так, без повода?

Ляпнула – и жутко на себя разозлилась. Черт, что ли, за язык тянет?

– Ага... – Полуянов отложил вилку. – Я, значит, как интеллигентный

человек увидел, но промолчал. Однако ты хочешь сцену ревности. Ладно, давай устроим. Мне несложно. Итак, кто сей? Очередной старичок? Академик, профессор? С квартирой в Столешниковом переулке?

— Зря издеваешься, — ледяным тоном произнесла Надя. — Я тебе сто раз говорила: старички меня не интересуют. И вообще...

— Газ выключи, — примирительно напомнил Полуянов. — Шпинат твой горит. Так и быть. Клади. Съем. Ты завтра в какую смену?

— Во вторую.

— Переносись. В «Современник» пойдем.

Вот это да! Два приглашения в театр за один день!

— Какой спектакль? — с интересом спросила.

— Не спектакль, — поморщился Дима. — Мне премию будут вручать.

— За что?

— За талант мой непреходящий. «Самый правдивый... нет — искренний журналист». Как-то так.

— Димочка! Поздравляю! — бросилась любимому на шею.

Артем — мигом из головы прочь.

Едва закончили ужин, Надя кинулась к шкафу делать ревизию. Дима встал на пороге спальни, предупредил:

— Платье в пол не надевай. Форма одежды обычна, многие с работы пойдут.

Но она все равно постаралась выглядеть максимально стильно и элегантно.

Однако едва вошла в «Современник», поняла: зря она наряжалась, словно на прием в Букингемский дворец. Ее юбка средней длины и дорогущий приталенный пиджачок абсолютно потерялись в буйстве стилей, красок и бижутерии.

Журфаковцы явились в кислотных майках и немыслимых рваных джинсах, светские хроникеры — кто в мехах, кто в платье под леопарда. Девицы из «Молодежных вестей» дружно обрядились в мини, телевизионная тусовка блеснула светской небрежностью, к которой Надя стремилась, но никак не могла достичь.

Да еще Диму постоянно обнимали, целовали, поздравляли, отводили в сторонку, а Митрофановой оставалось только переминаться в одиночестве с ноги на ногу и растерянно улыбаться.

У столов с закусками плотно сомкнулись ряды оголодавших, едва появлялись официанты с шампанским, бокалы расхватывались мгновенно, Полуянова совсем унесло водоворотом знакомых, и Надя уже всерьез подумывала забиться куда-нибудь в уголок да повисеть в социальных сетях,

пока не начнется официальное действие.

Уже и одинокий стульчик себе присмотрела – у дальнего окошка, но вдруг услышала радостный возглас:

– С ума сойти! И Надюшка здесь! Ты с кем?

Митрофанова захлопала глазами: Артем! Да при параде: костюм, белая рубашка, малиновый галстук-бабочка.

– Я... я со своим знакомым пришла... – пробормотала неопределенно.

Коллектив «исторички», конечно, знал про ее знаменитого жениха, но лично Артем не спрашивал, есть ли у нее *друг*. А сама Митрофанова о своем семейном положении не докладывала. Тем более что и положения никакого нет. Полгода прошло, как Дима позвал ее замуж, но заявление в загс так и не подали. Полуянов не предлагал, гордая Надежда не напоминала.

– И где твой спутник?

– С коллегами общается. – Надя не удержалась. Поморщилась.

– Тогда я имею все права тебя похитить.

Артем властно взял ее за руку, повел за собой, толкнул неприметную дверку. За ней оказался буфет. Здесь тоже были накрыты столы – только народу почти никого, и официант с шампанским к ним сам бросился.

– Вип-зона, – прокомментировал блогер.

Быстро набрал тарталеток с красной икрой, семгой, лососем, креветками. Усадил Надю на диванчик, поднял свой бокал, взглянул в глаза:

– Ну, за тебя?

Митрофанова покраснела.

Зазвенел хрусталь. Они молча выпили. К соседнему дивану небрежной походкой про дефирировала медийная персона – то ли певец, то ли шоумен, лицо определенно знакомое. По Наде мазнул равнодушным взглядом, ее спутнику кивнул:

– Привет, мистер Арт.

– Мистер кто? – удивилась Надя.

– Арт, искусство! Кто-то ляпнул, когда стрим делали, так и прицепилось, – отмахнулся Артем.

– Делали – что?!

– Не забивай себе голову, – улыбнулся он.

– Ты какой-то очень загадочный, – пробормотала Митрофанова. – С каких это пор блогеров приглашают в вип-зал?

– У премии генеральный спонсор – колбасный завод. А я их иногда хвалю. Они мне платят и вообще очень любят.

В этот момент затренькал старенький, похожий на школьный, звонок.

А в Надиной сумочке в то же самое время задержал мобильник.

– Прости. – Она нажала на «прием».

– Где ты ходишь? – заворчал в трубке Полуянов. – Я давно в зале, первый ряд, середина. Устал уже твое место отбивать.

– Сейчас приду, – вздохнула Митрофанова.

Виновато взглянула на Артема:

– Меня ждут.

И помчалась на Димочкин зов.

Но тщетно искала в первом ряду пустое кресло. Пришлось ориентироваться на Димкину встрепанную, как всегда, шевелюру. Нашла, подошла, обнаружила: с обеих сторон от Полуянова восседают наглые тонконогие девицы.

Увидели Митрофанову, дружно наступились. Та, что справа, положила руку Диме на колено. Левая умоляюще прижала тощие лапки к груди:

– Димочка! Ты ведь меня не выгонишь?

– Я могу уйти в вип-буфет, – не растерялась Митрофанова.

– Тут есть? – удивился Дима.

– Да. Но он не для всех, – улыбнулась Надежда.

– Ой, ну прямо такая звезда! – пробурчала та из девиц, что наглее.

Ее рука поплыла по Диминой ноге – от колена к бедру.

Полуянов (Наде показалось, что с сожалением) отвел вожделеющую длань. Произнес примирительно:

– Лялечка. Все наши в седьмом ряду. Иди к ним. Оттуда и видимость лучше.

Хамка Лялечка неохотно поднялась. Молвила зловеще:

– Ладно, Полуянов. Ты ко мне еще приползешь.

И очень фактурно завиляла задом – все мужчины, кто сидел поблизости, глаз не сводили с этого зрелища.

Митрофанова злохнулась в отвоеванное кресло. Подозрительно спросила:

– И зачем ты к этой профурсетке ползаешь?!

– Бумага. Картриджи. Ручки, – закатил глаза Полуянов. – Из-за тебя теперь придется все это покупать.

Надя победно улыбнулась. После шампанского в буфете для своих и влюбленного взгляда Артема тусовка перестала казаться совсем уж омерзительной. И ведущие, которые наконец появились на сцене, тоже оказались приемлемыми. Мужчина – импозантный бородач с канала «Культура», девушка – неизвестная, но хотя бы голос невизгливый.

– Приветствуем вас на вручении «Золотых молний»! – торжественно

провозгласил бородатый.

– Самой престижной премии, которой удостаиваются только те, кто поразил нас в самое сердце! – подхватила его напарница.

– Ох, чую, умрем со скуки, – прошептал Наде на ухо Полуянов.

– Почему?

– У них номинаций – штук сто. И каждый будет волынить: «Спасибо маме, папе, бабушке, дедушке».

– И ты тоже спасибо скажи. Мне, – строго произнесла Надя.

Бородатый ведущий посмотрел на нее укоризненно – разболталась, мол, тут! – и Митрофанова виновато умолкла.

А девушка на сцене радостно произнесла:

– Итак, наша первая молния улетает к мудрейшему, обаятельному и вечно молодому Владимиру...

Она назвала фамилию, и зал загрохотал аплодисментами.

Надя с восторгом наблюдала, как известный артист (все знали: ему совсем недавно стукнуло сто) вполне себе бодрой походкой торопится к сцене. Бородач кинулся было помочь ему подняться, но нестареющий отвел руку:

– Спасибо, миленький. Я пока сам, без клюки.

Надя вместе со всеми яростно зааплодировала. Шепнула Димочке:

– Ты в хорошей компании.

Однако следующим вызвали отнюдь не Полуянова.

Едва патриарх покинул сцену, ведущая проникновенно прошелестела в микрофон:

– Открою вам секрет. Раньше я отдыхала с легкими романами. Читала их везде: в самолетах, метро, очередях. Но в этом году мир для меня изменился. Я открыла для себя новый вид чтения. Удивительный. Остроумный. Неповторимый. Он называется блог. Исключительный, искрометный, почти наркотический жанр. И лучший в нем – Артем Курдяшов!

– Елки-палки! – ахнула Надя.

Артем, стремительно двигаясь к сцене, дружески ей помахал.

– Ты его знаешь? – удивился Дима.

– Ну… да. Он в мой читальный зал ходит. – Митрофанова покраснела.

Блогер – на сцене – с элегантным поклоном принял «Золотую молнию» и букет.

– Что вдохновляет вас на ваши посты? – обратилась к нему ведущая.

– Дождь. Снег. Скорость. Спорт. Хорошие книги… – Он на долю секунды задумался. – А еще улыбка самой удивительной в мире девушки.

– Как ее зовут? – ревниво поинтересовалась ведущая.

– Ее зовут Надя. И она... – сымитировал удивление, – она, оказывается, тоже здесь!

Лихо спрыгнул со сцены – прямо к ногам Митрофановой.

Свет прожекторов, объективы телекамер бросились за ним. Надя перепуганно закрыла ладошкой рот. Артем, нимало не смущаясь, встал на одно колено и вручил ей букет.

По залу прошелестел гул, из седьмого ряда, где сидел коллектив «Молодежных вестей», загоготали.

Митрофанова скосила глаза на Димочку – пожалуй, впервые в жизни она видела его растерянным.

И отлично. Пусть поволнуется!

Царственno приняла букет. Как должное, подставила щеку под поцелуй Артема.

Когда свет софитов переместился обратно на сцену, Полуянов хмыкнул:

– И этот хлыщ ходит в библиотеку?

– Да. Почти каждый день.

– А ты его, значит, вдохновляешь?

Полуянов выглядел откровенно уязвленным. Наде наконец стало стыдно. Она пробормотала:

– Я вообще не знала, что он тут будет. И... и не вдохновляла его никогда.

Девица, что сидела рядом с Димой, вытянула шею, как гусь – прислушивалась к их диалогу.

– Все, Надька. Проехали, – поморщился Полуянов.

Дальше сидели в молчании.

Димины очереди подошла только на втором часу. Зал явно устал, и аплодисменты журналисту достались куда жиже, чем закоперщикам – пожилому актеру и молодому блогеру.

Когда Полуянов взял из рук ведущей «Золотую молнию», из ряда «Молодежных вестей» выкрикнули:

– Дима! А кто тебя вдохновляет?

По залу пронесся хохот.

Но журналист не смутился. Перехватил микрофон и весело произнес:

– А то вы не знаете! И, раз такой случай, хочу спросить на всю страну. Надя, пойдем завтра подавать заявление в загс?

По залу понеслись свист, улюлюканье, аплодисменты.

Митрофанова сидела вся красная. Телекамеры снова нацелились на

нее. Народ оборачивался, глазел.

Ведущая взяла у Димы микрофон и подвела итог:

– Да, действительно незачем читать романы и смотреть мыльные оперы, коль скоро они разворачиваются прямо на наших глазах!

А девица, что сидела рядом с Димой, гневно обернулась к Наде и прошипела:

– Редкостная ты... профурсетка!

* * *

На следующее утро Полуянова вызвал главный редактор.

В приемной, подле милой и нестареющей секретарши Марины Максовны, восседала Нелли Косоурова – она вела в «Молодежных вестях» светскую хронику и вчера тоже присутствовала на вручении «Золотых молний». Дима редко замечал, кто во что одет, но сейчас даже его ошеломил ярко-рыжий лисий жилет с завязками-лапками, алые кожаные штаны и бордовая помада под стать буйству красок.

– Ну что, голубок? Силки захлопнулись? – Нелли устремила в его сторону ястребиный нос и указующий перст с крашенным в черное ногтем.

Весть о грядущей женитьбе «золотого пера» с самого утра широко обсуждалась в редакции. Однако искреннего поздравления Полуянов пока не услышал ни одного.

– Тридцать седьмая, – холодно констатировал он.

– Чего? – захлопала совиными глазами хроникерша.

– Тридцать седьмая глупая шутка. Причем не лучшая.

– Как вообще можно шутить на такие темы! – вздохнула Марина Максовна. – Я вот, Димочка, за тебя просто очень рада.

– Продешевил ты, Полуянов, – хмыкнула Нелли. – Мог бы на любой фотомодели жениться, а выбрал себе какую-то толстушку-простушку. Что вечерами-то делать будете? Огурцы вместе солить?

Полуянов не любил ссор с коллегами. Но сейчас – когда нервы уже были на взводе – не удержался:

– По-моему, это ты, Нелли, продешевила.

– Не понимаю, о чем ты. – Цвет лица хроникерши стал оранжевым под стать лисьему жилету.

– О твоей статье про певицу Юнону. Не стыдно прославлять бездарность всего-то за бесплатный уик-энд в Сочи! А журналисту из «XXX-пресс» целых двести тысяч, говорят, заплатили.

Марина Максовна тактично отвернулась. Нелли прожгла Полуянова ненавидящим взглядом. Дима обратился к секретарше:

– Не знаете, зачем я главному?

Та по-матерински улыбнулась:

– По-моему, он заставит тебя писать отчет.

– Какой?

– Ну, я ведь и отдел писем теперь. Как раз вчера шефу докладывала: читатели очень просят рубрику «Испытано на себе» возродить. А ты – очень вовремя! – женишься. Сможешь поделиться интересным опытом.

– Ни за что! – охнул Дима.

Вчера в такси, по дороге домой, вдохновленная Митрофанова уже успела его утомить. Чирикала без умолку: ресторан, гости, костюм, обязательно поехать на мост и повесить замочек. Полуянов не слушал, кивал. Пусть планирует что хочет. На скромную роспись (между делом, в джинсах, и сразу побежали на работу) подругу все равно не уговорить. Слишком долго она ждала. И не скрывала, что горда собой. Даже какого-то Джона Барримора ему без малейшего смущения процитировала: «Невесты не счастливы – они торжествуют победу».

Если главный действительно поручит ему описывать свои злоключения, он немедленно уволится.

– Полуянова зови! – гаркнул шеф, проигнорировав селектор.

Голос у него зычный – толстые стены и двойные двери не преграда.

Дима неспешно выдвинулся. Пока пересекал приемную, проходил сквозь предбанничек, мимолетно подумал: «Хотя мужской взгляд на свадьбу – тема вообще нормальная. Но только ведь от иронии не удержишься. А Надька потом дуться будет».

– Ну, поздравляю! – Главнуга удостоил Полуянова высшей чести: не просто приподнялся в кресле, но вышел из-за стола, пожал руку. И дальше – не кивнул, чтобы садился на место для подчиненных, а повел в уголок кабинета, где стояли два мягких кресла.

«Значит, не разнос. Разговор равного с равным. Может, еще и кофе велит подать?»

Но звонка секретарше не последовало.

Главный провалился в мягкое кресло, возложил ногу на ногу, констатировал:

– Женишься, значит. Что ж. Давно пора. Вы по любви – или м-м... обстоятельства вынуждают?

– А вам-то что до обстоятельств? – усмехнулся Дима. – Я в декретный отпуск в любом случае не пойду.

– Вот есть в тебе, Полуянов, препротивнейшая черта, – поморщился главнюга. – Обязательно надо выделяться. Паясничать. На обычный вопрос вместо ответа – съерничать.

– Тайна личной жизни. Имею право хранить, – упорствовал Дима.

«Хотя зря я. Начну воду мутить – точно слухи пойдут, что Надька беременная. Тогда вообще все достанут».

И Полуянов поспешил поправиться:

– Извините. Обстоятельств у нас никаких нет. Просто решили наконец узаконить давние отношения. А тут и повод подвернулся – в торжественной обстановке девушку в загс пригласить.

– Другой разговор, – одобрил главный. – Значит, никакой беременности. Хорошо. Скажи, это всё та же Надя, что в библиотеке работает?

– Да.

– Такая… – пощелкал пальцами, – пухленькая, милая? Еще глаза у нее, как ромашки?

– Э… не понял ваш образ.

– За тобой оборачивается. Как цветок за солнцем. А какое образование у нее?

– Высшее.

– Физически подготовлена?

– На фитнес ходит.

Дима все больше не понимал, куда клонит редактор.

А уж когда начальник тоном продавца гербалайфа спросил: «Хотите вместе поехать в кругосветное путешествие?» Полуянов совсем опешил.

Главный извлек из внутреннего кармана лист бумаги, с выражением зачитал:

– Поездка состоится на лайнере уровня пяти звезд. Предоставляется каюта-сьют с балконом и джакузи на седьмой палубе. Восемь перелетов бизнес-классом. Пятьдесят семь стран, семьдесят пять городов. Все включено плюс на карманные расходы – десять тысяч. Долларов.

Полуянов улыбнулся:

– Любой нормальный человек просто обязан спросить: «Что нужно сделать?»

– Твое вчерашнее признание вовсю по телевизору крутили. А сегодня мне с утра электронное письмо. Телеканал «Просто the best» запускает шоу для пар. Приз победителям – кругосветное путешествие. Сейчас идет кастинг. Но вас с Надей готовы взять сразу.

– «Просто the best»? Никогда о таком канале не слышал.

– А сейчас их до черта развелось, – фыркнул шеф. Снова уткнулся в бумажку, пробубнил: – Кабельный. Молодой, динамичный. Аудитория уже сейчас больше пятидесяти миллионов. Пятьсот два города, шестьдесят регионов страны. У них там главный спонсор, – редактор взметнул правую руку, – к высоким сферам приближен. Поэтому деньги есть. Сериалы свои снимают, теперь на выездное шоу замахнулись.

– И в чем его суть?

– Условное название – «Свадьба навылет».

– Оптимистично.

– Участники – десять пар, только что подавших заявление в загс. Задача шоу, – главнога снова подглядел в шпаргалку, – выяснить, что побудило жениха и невесту пойти к алтарю, и проверить, насколько крепким будет их брак.

– Психологи будут оценивать совместимость? Тоска, рейтинг – ноль, – приговорил Полуянов.

– Не только. Тут написано: «Также будущих супругов будут ставить в экзистенциальные обстоятельства, проверять, насколько оба готовы поддержать друг друга в сложной ситуации».

– Надьку бросят в бассейн с крокодилами и станут смотреть, нырну ли я за ней?

– Это не «Фактор страха», и никаких угрожающих жизни конкурсов не будет. К тому же все участники обеспечиваются за счет телекомпании страховкой на крупную сумму.

– Зачем страховывать, если ничего угрожающего?

– Дима! Ты придираешься, как на базаре, – поморщился главный. – Не хочешь – не надо. Письмо не тебе – мне прислали. А у нас в редакции парочек полно. Кину сегодня клич на планерке – народ драться будет.

– Но я так понял, участвовать предложили именно нам с Надей?

– Каналу от нашей газеты нужна статья. Никакой цензуры – пиши что хочешь, только вставляй себе «Просто the best» да «Свадьба навылет». А кому такую синекуру отдать, решать буду я.

«Да ладно врать! Сам ведь сказал: увидели нас вчера по телевизору и решили пригласить».

Однако спорить не стал. Кротко произнес:

– Спасибо за доверие.

– Материал каналу нужен большой, с продолжением в нескольких номерах. Понимаешь, к чему я веду?

– Нет.

– Жених – самое бестолковое существо в мире, – не удержался от

тридцать восьмой за сегодняшний день шутки главный редактор.

И раздельно, словно обращался к младенцу, проговорил:

– Канал заинтересован, чтобы статей в центральной прессе вышло как можно больше. Поэтому отсюют вас точно не первыми.

– А по какой схеме там выгоняют?

– Жюри нет. Зрители эсэмэски будут слать. За кого меньше всего голосов – тем говорят до свидания. По итогам недели.

– Разве канал может на это влиять?

– Ой, Дима, не строй из себя наивного мальчика! – поморщился главный. – Будешь хорошие статьи делать, никто тебя пальцем не тронет. Пусть народ хоть миллиард эсэмэсок против пришлет. – И рубанул: – Все. Уговаривать больше не буду. Мне это ни с какой стороны не выгодно. Съемки – больше двух месяцев. На работе тебя нет, зарплату плати. Потом, если победишь, еще в кругосветку усвистаешь.

– Ладно, – не стал больше спорить Дима. – Мы рискнем.

В конце концов, если Надька вдруг упрется – отказаться они всегда успеют.

* * *

Готовиться к свадьбе Надя начала немедленно и сразу утонула в потоке информации и рекламы. Хорошо было раньше (ей мамуля рассказывала): единственный «свадебный» магазин. Пяток на всю Москву приличных ресторанов. Обязательная программа – Красная площадь да Воробьевы (тогда еще Ленинские) горы.

А от нынешнего многообразия просто с ума сойдешь. Митрофанова по пути на работу купила свадебный журнал – и застряла уже на платьях. Десятки ателье и частных портных, магазины, каталоги, прокат...

Двадцати минут в метро ей не хватило. Когда встала на свое рабочее место за стойкой, журнал прихватила с собой. Положила под толстенный том энциклопедии. Жадно листала, пока никого из читателей. Дверь у них в зале со скрипучей пружиной, если кто-то входил, успевала прикрыть неподложенное чтиво солидным талмудом.

Но Артем таинственным образом прокрался абсолютно неслышно. Подошел, облокотился на стойку локтями. Грустно сказал:

– Я такой дурак!

Надя пошла румянцем:

– Почему?

– Сам спровоцировал… этого твоего.

– Ничего ты не спровоцировал! – возмутилась Митрофанова. – Мы с Димой уже много лет вместе. И предложение он мне сделал давно. А вчера его просто для всех озвучил.

– Жаль, что ты на роль кошки согласна, – вздохнул парень.

– Кого?

– Будешь мурлыкать, обеспечивать уют. Стоять перед мужем-звездой на задних лапках.

Митрофанова сначала думала обидеться. Но лишь усмехнулась:

– Кошки на задних лапах стоять не умеют. И вообще, Артем, прости – я тебе ничего и никогда не обещала.

– Не обещала. Но я видел: тебе интересно со мной. Вот твой альфа-самец и почувствовал, что рыбка с крючка срывается. Неужели не понимаешь? Полуянов в тебе только домохозяйку видит. Ведомую. Обслуживающий персонал. Хотя ты абсолютно самостоятельная единица. Умная, смелая, вообще потрясающая! Мы бы с тобой не патриархат, а классную семью создали. Веселую. На взаимном самоуважении.

И жалобно добавил:

– И вообще, меня можно только сосисками кормить. Или китайской лапшой.

Надя постаралась взять себя в руки. В конце концов, женщина всегда должна быть мудрее.

– Артем! На самом деле потрясающий – это ты! Зачем тебе библиотекарша, домоседка?

– Позволь мне самому решать, – усмехнулся.

– Хорошо. Значит, я – не хочу за тебя замуж. Давай останемся друзьями. Будем вместе ходить в буфет, в театр или на концерт.

– Но я-то на большее надеялся, – смешно сморщил нос.

– Мы с Полуяновым одной цепью скованы. Не разорвать, – твердо произнесла она.

– Я могу любые кандалы расковать, – самонадеянно произнес молодой блогер.

А Надя вдруг поняла: да просто ловелас он, и никто больше. Готов всех хоть сколько-нибудь симпатичных девушек обаять. А если «добыча» при своем парне – ему это только интереснее.

– Ладно, – задумчиво заключил Артем. – Давай пока сменим тему. Тебе понравилось быть звездой?

– Ага, – улыбнулась Митрофанова.

Сегодня, пока она ехала в метро на работу, ее абсолютно точно

узнавали! Пассажиры (не все, конечно) шушукались, кое-кто пальцем показывал. Девицы поглядывали с завистью, сильный пол с интересом. А начальница и вовсе горько вздохнула:

– И почему к тебе, Митрофанова, вечно мужики липнут?

Когда Артем ушел, Надя с минуту глупо улыбалась. Столько всего приятного! Нежданно свалившаяся популярность. Грядущая свадьба.

Но очень скоро радостные мысли сменились тревожными. Вдруг подумалось: а с чего блогер вообще взялся за ней ухаживать? Зачем молодому, красивому и популярному скромная библиотекарша?

«Сколько он в наш зал ходит? Месяц? Чуть больше. И сразу начал ко мне клинья подбивать. Комplименты, концерт, на день рождения праздник устроил, в театр пригласил. А вчера мы вроде как случайно на церемонии встретились. И он своим букетом действительно спровоцировал Димку мне предложение сделать. Может, все это специально организовано?!»

Однако всерьез размышлять на тему, что кто-то неведомый целый заговор сплел, чтобы их с Полуяновым поженить, не стала.

Банальная счастливая случайность. Ангел-хранитель своим крылом коснулся.

* * *

Полуянов пришел с работы рано и очень задумчивый.

Надя приняла у него куртку, поцеловала, прижалась, вдохнула любимый запах, спросила сочувственно:

– Тебя сегодня поздравляли или жалели?

– Марина Максовна сказала, что рада.

Сбросил мокрые ботинки – как всегда, не на коврик, а на пол.

Надя много лет боролась с безалаберной привычкой. Но в последний год плюнула. Положила в прихожей тряпку и лужи вытирала сама. На самом деле пять секунд занимало.

– Ой, прости, опять забыл, – привычно извинился Полуянов. И прямо в коридоре бухнул: – Митрофанова, ты в шоу на ти-ви участвовать хочешь?

– Смотря в каком.

– То есть сразу не отказываешься? – В его голосе прозвучало удивление.

– Ну... я поняла, что телевидение – великая сила, – весело улыбнулась девушка. – На меня сегодня прямо оглядывались, прикинь? И это оказалось очень приятно.

– Да ладно! На меня никто не смотрел.

– Ты на машине. И просто не замечал. А меня узнавали, честно! Хотя лицо на экране только мелькнуло! Так что за шоу? Мы в главных ролях или просто статистами будем?

– Блин... – Прошел в гостиную, плюхнулся в кресло, произнес раздосадованно: – Я всегда думал – ты скромница и равнодушна к славе.

– Я славы не ведала – потому и была равнодушна, – парировала Митрофанова. И потребовала: – Да что за шоу, расскажи!

– На самом деле это не какая-то там встреча в студии, а целый проект. Вроде «Голодных игр». Участвуют десять пар. И всех их последовательно убивают.

– Дима!

– В смысле, выкидывают.

– А чего делать-то надо?

– Я пытался навести справки. Но телеканал молодой. И шоу совсем новое, сценарий в строгом секрете. Знаю только основной смысл: проверить пары на прочность. Насколько будущие муж и жена готовы постоять за друг друга. Но будет, похоже, нескучно. Там продюсер Клычко-Желяев. Слышала про такого?

Надя наморщила лоб:

– Это который в КВНе участвовал? И пранкер? Президента Грузии разыграл?

– Ну, пранкером он раньше был. И между делом. А вообще, Клычко-Желяев много кто. Артист. Юморист. Режиссер. Очень приличную, кстати, короткометражку снял. А с год назад ему каналом доверили управлять.

– А еще симпатичный, по-моему, – вспомнила Митрофанова. – Не он случайно ведущим будет?

– Нет. Вести проект будет бывшая вице-мисс мира. И три соведущих – звездочки рангом пониже.

– Жаль.

– На новое шоу – по слухам – у Клычко-Желяева огромный бюджет. Лучших сценаристов, редакторов, операторов отовсюду переманивает. Павильоны, декорации обещает специально под свое детище строить. Так что могут и избу поджечь. Пойдешь туда меня спасать?

– Конечно! – тоном истинно некрасовской женщины отозвалась Надя. – Чего бояться? Дадут ведь специальный костюм.

– Просто не узнаю скромной библиотекарши! – покачал головой Полуянов. – Зачем тебе это надо? В актрисы собралась?

– Нет. Димочка, как ты не понимаешь? – Надя пересела с кресла к

нему поближе, на подлокотник дивана. – Я ведь столько лет ждала, когда мы поженимся! В какие только истории вместе с тобой не влипала! И разве можно после всего этого банально выпускать голубей и бить посуду на пороге загса? А тут хотя бы надолго запомнится. Особенно если мы победим.

– Ну, не знаю, – с сомнением пробурчал Полуянов. – Соревноваться, у кого любовь крепче? Как-то несерьезно.

– Зато есть все шансы выиграть. По крайней мере у меня, – улыбнулась Митрофанова. – Короче, что надо делать? Идти на кастинг?

– Ты и на это готова?

– Почему нет?

Он вздохнул:

– На кастинг не надо. Нас берут, потому что я работаю в «Молодежных вестях». И согласился вести репортаж со съемочной площадки. Но я был уверен, что *ты* откажешься.

Недавние страхи охватили Надю с новой силой.

Артем специально с ней познакомился. Потом спровоцировал Диму, и тот сделал ей предложение. Сразу же после этого их пригласили в шоу. И там случится что-то ужасное.

Но обсуждать ситуацию с Димкой девушка не стала.

Она видела: тому не слишком хотелось выступать на ти-ви в роли жениха. Услышит ее сомнения – с удовольствием скажет: «Давай откажемся». И все.

А Надя – счастливая невеста – наоборот, желала раструбить о своей победе на весь мир.

И она твердо сказала:

– Я согласна участвовать.

И даже про главный приз не спросила.

* * *

Двери в зал групповых тренировок стеклянные, и Артур с удовольствием наблюдал, как на финишной части («отжималочке») умирали остальные девчонки. И как легко выполняла упражнение его Кристи. Спинка идеально прямая, попа не провисает, амплитуда – до самой земли. Когда были в тренировочном лагере на Бали, инструктор непечатно орал на тех, кто пытался себе жизнь облегчить – руки не до конца сгибал. Многие считали – их унижают, американки вообще приплели пресловутый

«херрасмент». А его ласточка – лицо в слезах, руки от напряжения трясутся – безропотно тыкалась носиком в траву.

Она вообще упорная, его девочка. И послушная. Иногда сам чувствовал, что перебарщивает. Когда заставлял по морозу пробежать «десятку» или сделать на жарком пляже пятьсот упражнений на пресс. Но Кристиинка никогда не укоряла. И не молила о пощаде. Всхлипывала, вытирала слезы, но послушно исполняла все, что он ей велит. Понимала: Артур ей только добра желает.

В итоге слепили совместным усилием почти идеал. Фигура, гибкость, сила, координация, ловкость, скорость – все параметры совершенны. Плюс точеное лицо и обаятельная улыбка.

Нынешним летом поехали на море, в Краснодарский край. Решили, что подтягивать плавание лучше в открытой воде, чем в бассейне. Так его Кристиночка там фактически семью кормила. Разоряла немудрящие южные аттракционы. «Провиси на турнике две минуты – получи ящик шампанского». Мужики-амбалы бесстрашно шли, не сомневались: смогут. Делов-то – даже не в жиме висеть, а на вытянутых руках. Однако валились на землю секунд через сорок. А его девочка подошла, разглядела бутылки, сморщила носик: «Я отечественного производителя не пью». Хозяин окинул хрупкую фигурку насмешливым взором, заявил громогласно: «Я тебе на французское дам!»

- Сколько? – не отставала Кристина.
- Да ты и двадцати секунд не сможешь.
- А если смогу? А вы обманете?
- Давай, мужик! Деньги на бочку! – зашумели разгоряченные зрители.
- Народу еще больше подтягивается, всем интересно.
- На. Пятьдесят тысяч дам! – целую пачку вытащил, положил на землю, прижал бутылкой шампанского.
- Ну, красавица, покажи ему!

И Кристина показала. Висела на турнике и насмешливо улыбалась, когда видела, как хозяин бледнеет, краснеет, выпучивает глаза. Мелочиться не стала – продержалась целых сто восемьдесят секунд. На закуску раз пять подтянулась. И только потом спрыгнула.

– Рэмбо. Как есть – Рэмбо! – в ужасе пробормотал какой-то пьянейший мужичок.

Хозяин молча сунул Кристине купюры, прошипел в ухо Артуру:

– Чтоб я вас тут больше не видел.

Но они приехали на машине. А курортных поселков в крае не счесть. И аттракционов полно. Велосипед с болтающимся рулем. Тирсы всех видов.

Гири по тридцать два килограмма – это уж он сам. Каждый вечер развлекались.

– Выгодные получились гастроли! – сияла Кристина по дороге домой.

Она, хоть и красотка, много не требовала. Купи ей костюмчик спортивный от Стеллы Маккартни (можно на распродаже), угости низкокалорийным салатиком – уже счастлива.

А больше всего радовалась тому, что ей не надо работать.

Артур тоже нигде не служил.

Но оба были постоянно заняты. То кастинги, то съемки в рекламе – купальники, плавки, дезодоранты. Их постоянно звали на конкурсы. «Мистер и мисс фитнес». «Идеальное тело». Призы иногда оказывались стоящими – годовой запас белковых коктейлей или поездка в Турцию например. Абонементы в спортивные клубы им – ходячей рекламе здорового образа жизни – тоже доставались бесплатно.

Кристинка не скрывала, что ее абсолютно устраивает порхать вольной птичкой, бесконечно и бесплатно совершенствовать тело, ловить восхищенные взгляды. Откуда в семье берутся деньги, девушка не интересовалась. Когда Артуру приходилось на несколько дней уезжать, сцен ревности не устраивала и вопросов не задавала. Ибо из поездок он всегда привозил изрядную стопку купюр.

Но мужчина давно хотел сменить профессию. Ибо его дело было слишком, чрезвычайно, чрезмерно рискованно. Счастье, что до сих пор цел. Но не идти ведь в таксисты или на завод?

Он постоянно мониторил сеть, искал применение легальным талантам – своим и Кристины. И когда наконец увидел объявление, сердце екнуло. Сразу понял: конкурс «Свадьба навылет» – не просто шанс. Они в нем обязательно победят. А дальше – помимо кругосветки – придут и слава, и деньги. И появится возможность больше не ставить на карту все ради хлеба насущного.

* * *

Белый ворон. В детстве так дразнили, а сейчас, когда волосы поседели, нос заострился – стал на самом деле похож.

Николай всегда плевал на то, что о нем говорят. Мама с раннего детства внушила: «Собака лает – караван идет». Коля и шел куда считал нужным. Мальчишки прорывались в тогда еще полуподпольные секции карате, а он играл в шахматы. Одноклассники осваивали ролики со

скейтбордами – Николай катался на пенсионерских беговых лыжах. Подростки яростно давили прыщи и бегали по свиданиям, а он ходил с мамой в консерваторию. Искренне считал: «Реквием» Моцарта даст ему куда больше, нежели чириканье какой-то девчонки.

Мама прожила до восьмидесяти восьми, и Коля всегда был при ней. Даже отдохать вместе ездили. Почему нет, если оба любили архитектуру барокко, музей Прадо и термальные источники Италии?

Маменька – королевски прекрасная в своем эгоизме – жениться его не гнала, внуков не просила. Не скрывала: сын под боком ее устраивает. «Зачем тебе это ярмо? Пока жива, борщ я всегда сварю, а яичницу сварганиТЬ ты и сам умеешь». Вечера проводили интересно: сканворды, занимательные задачки, музыка, книги. *Потребности* (не слишком великие) Николай удовлетворял с замужней коллегой.

Когда мама умерла, пару месяцев казалось: он живет в пустоте. Тосковал, яростно колотил кулаком в стену, даже пил (хотя мама спиртное резко не одобряла). А потом пообвыкся. Книги ведь остались. И музыка. И сканворды. И зима наступила. Каждую субботу с воскресеньем Николай натягивал допотопный, но любимый спортивный костюм, брал старенькие, проверенные временем лыжи и отправлялся в парк Кусково. Знал его вдоль и поперек. Изредка, когда солнце и настроение под стать, выходил к людям – кружил вдоль бывшего имения графов Шереметевых. Но чаще на душе было мрачно – тогда катался по глухим, только им изъезженным тропкам-лыжням.

Там и встретил свою Василису. Морозным ветреным днем. Красна девица в ярко-розовой осенней курточке загребала легкими кроссовками глубокий снег и в голос рыдала.

В первую секунду Николай испугался: сумасшедшая. На улице минус двадцать, а она в рваных джинсах. И горло всем ветрам подставила – какой там шарф, куртка – и та не застегнута! Но развернуться и убежать не успел – девчонка завопила:

– Даенька, стойте!

Николай никогда не любил сомнительных приключений. Но разглядел: нос и щеки у девчонки побелели, совсем ведь замерзнет. Неохотно двинулся в ее сторону.

Заблудшая – к нему, кричит дурниной:

– Где тут выход?

Не удержался, хмыкнул. Из машины, что ли, выбросили? Но снега кругом по пояс, и тропка следов – только ее, петляющая.

Проложил лыжню прямо к ногам девчонки, спросил строго:

– Как ты сюда попала?

Хлюпнула:

– Топиться шла.

– Чего? – опешил.

– Да тут, говорили, река есть. Не замерзает.

Опять засмеялся.

Девушка обиделась:

– Я точно знаю: есть! И вода там почти горячая, потому что в ней выбросы!

– Есть, – согласился Николай. – Только глубина реки – от силы полметра.

– Мне что, сейчас идти *поглубже* искать? – окрысилась девчонка.

– Нет… нет, конечно, – смутился.

Снял варежку, протянул:

– Щеки и нос разотри.

– Не, – помотала головой. – Больно.

– Надо, – почувствовал себя всесильным. – Терпи.

Минут пять растирал сам, на девчачий писк не обращал внимания.

Наконец отпустил. Странница буркнула:

– Лучше бы коньячку дал согреться!

– Не употребляю.

– Ты на машине, что ли?

– Нет, на автобусе.

– На автобусе – с лыжами? – продолжала допрос.

– А что? У меня есть чехол. И ехать всего четыре остановки.

– Тяжелый случай, – проговорила красавица. И потребовала: – Куртку снимай. А то совсем погибну.

– Ты ведь и собирались, – напомнил он.

– А теперь передумала, – отрезала девушка. Протянула ему ледяную лапку. – Давай знакомиться. Василиса.

– Николай, – взял эту лапку обеими руками, постарался хоть немного согреть.

– Но-но! – вырвалась. Приказала: – Давай, Николай, лыжню прокладывай, а я за тобой.

– И куда мы идем?

– К тебе, куда ж еще? Чаю-то хоть нальешь?

Говорок у девицы не московский, не шибко грамотный. И глаза ушлые. Но Николай почему-то сразу уверился: ампула с клофелином в ее кармане не лежит. Не похожа была Василиса на хищницу. Просто бедняга,

глупышка.

Когда добрались домой, немедленно отправил гостью в ванну. Напутствовал:

– Набери очень горячую, чтобы еле терпеть могла.

Сбегал к шифоньеру, принес два чистых полотенца.

– А одеться во что? Штаны промокли... – Василиса с любопытством вертела головой, и Николай – впервые в жизни – устыдился спартанской своей квартиры. Они с мамой оба не любили излишеств. Никаких хрусталий, подушечек, рюшей. Зубная паста «Мятная», мыло дегтярное.

– Сейчас халат принесу.

Махровое чудовище ему подарили на работе. Николай подарок даже не распечатал – смешно, он, что ли, Обломов какой?

Разодрал целлофан (руки слегка дрожали). Халатище оказался пятьдесят шестого размера. Николай представил, как будет вынимать из груды зеленого плюша крошечное тело Василисы, и в низ живота ударило горячей волной.

Ох, осторожнее надо.

Протянул девушке халат. Строго спросил:

– Зачем ты топиться решила?

– С работы поперли, – хлюпнула носом.

– Нашла проблему!

– С квартиры тоже... – взглянула почему-то опасливо.

– Не заплатила?

– Ну... типа того.

– А сама откуда?

– Славная станица Пачулки. Сто км от Кропоткина. – Вздохнула, прибавила: – С тоски подохнуть. Билет-то хоть купишь?

– Куда?

– Куда-куда! Обломалась я Москву покорять. Домой поеду.

И захлопнула перед его носом дверь ванной комнаты.

Николай прошел в гостиную. Мама укоризненно и строго смотрела с большой фотографии, вставленной в красивую рамку. Он отчего-то устыдился, снял портрет со стены, сунул в комод. Впервые в жизни подумал, что ворох шахматных журналов и занимательной математики на журнальном столе смотрится глупо. Но ничего убирать не стал. Его жизнь – его правила. Купить Василисе плацкартный билет – и пусть катится в свои Пачулки или как там их.

Но румяная, согревшаяся пичуга явно вознамерилась сломать его игру. Вышла – халат волочился по полу, словно плащ королевы, зевнула:

– Есть хочу – сил нет! – И скомандовала: – Муку давай мне, кефир – оладьи сделаю.

И Николай послушно пошел на кухню. Мама никогда не готовила оладий – ели только покупные, из кулинарии.

Сначала он считал – их роман на неделю. Секс быстро приестся, а о чем ему говорить с девчушкой, которая едва девять классов вытянула?

Но Василиса задержалась в его доме сначала на месяц, потом на другой. Причем нисколько не пыталась *подстроиться*. Будто хозяйка в доме, убрала в дальний шкаф журналы по занимательной математике. Категорически отказывалась играть в шахматы и кататься на лыжах. Но с удовольствием внедряла свои правила. Пиво с креветками по субботам. Кинотеатр с попкорном по воскресеньям. Глупые ток-шоу вместо канала «Культура».

Мама предупреждала: «Когда женщина берется тебя переделывать, это ужасно».

Однако Николай вопреки всем прогнозам и здравому смыслу чувствовал себя счастливым. Да, «Реквием» Моцарта вместе с Василисой не послушаешь, зато как уютно стало в квартире! С кухни настоящей едой пахнет. А в песне «Рюмка водки» даже есть какая-то своя, пронзительная струна.

Да и сдержать гостью из Пачулок ему не пришлось. Девушка слегка пообвыклась и мигом устроилась в косметический салон массажисткой. Денег приносила побольше, чем его зарплата. Да еще постоянно участвовала в разных рекламных конкурсах. Николай смеялся, когда она бесконечно отсыпала этикетки, коды, придумывала немудрящие стишкы с упоминанием марки товара. Денег победы не давали, но годовой запас молока и стирального порошка они получили.

А в конце лета Василиса приняла загадочный вид. Потащила Николая сначала в свой салон – стричься, выдергивать волоски, что выглядывали из носа. Потом долго выбирали джинсы, спортивную рубашку, блейзер – за покупки заплатила сама.

– Что ты задумала? – обеспокоился Николай.

Ну, она и объяснила: на телевидении объявили конкурс. Для будущих супругов. И молитвенно сложила руки на груди:

– Коленька, ты не думай! Я замуж не прошусь, и квартира мне твоя не нужна. Просто там приз – кругосветное путешествие по высшему классу. И вообще интересно. Поучаствуем в съемках, на людей посмотрим, встряхнемся.

– Но получится, что мы врем. Раз на самом деле не собираемся

жениться. – задумчиво молвил он.

– А что такого? Подадим заявление в загс, чтобы до кастинга допустили, а на роспись потом не приедем. Чтоб ты знал, на регистрацию чуть не половина пар не является. Успевают поссориться.

Не по душе ему была авантюра. Но Василиса так просила, так умоляла, что в конце концов он сдался. Коли печать в паспорт ставить не надо – действительно ничего страшного.

* * *

Реклама экстрасенсов – ерунда и вранье. Но настоящие прорицатели все-таки существуют. Только коротают они свои деньги не на битвах перед телекамерами, а в психушках.

Федор Матвеевич, главный врач дома скорби города Грибовска, понял это давно. И успешно (а также абсолютно бесплатно!) использовал дарования своих подопечных в личных целях.

Ужасающе костистая Нинель не могла назвать сегодняшнее число, зато за минуту наложением дрожащих пергаментных рук снимала любую мигрень. Безнадежный шизофреник, бывший банкир, довольно точно предрекал, когда вырастет или упадет рубль.

А Василий Васильевич (прочие больные не любили его за буйный нрав и ночное недержание) ванговал того пуще. За год предсказал авиакатастрофу «Ан-148» в Раменском, страшную аварию на трассе под родимым Грибовском и смерть отставной теннисистки Яны Новотны.

Федор Матвеевич сам лично в барский спорт не играл, но на девчонок в юбочках поглазеть любил, обладательниц «Больших Шлемов» (особенно тех, кто красотки) знал. Доктор хорошо запомнил, как спорил с убогим: «С чего бы ей умирать? Сорок лет, тренированная, работать не надо, денег куча». Он специально промониторил Интернет: нигде ни слова о том, что экс-спортсменка больна. Однако Василь Васильич злился, тряс немытой бородой, стучал себя кулаком в грудь:

– Червь! Червь ее изнутри точит!

И через пару дней во всех новостях: Яна Новотна умерла от рака.

Федор Матвеевич тогда сильно впечатлился. Даже задумался: может, к делу пророка приладить? Возить по клиентам, заставлять будущее предсказывать? Но быстро от этой идеи отказался – слишком уж часто Василь впадал в несусветное бешенство, и тогда усмирить его могли только четверо санитаров или двойная доза снотворного.

И пусть предсказательный бизнес у доктора не задался, но проводить интересного пациента он стал каждый день. Заходил в палату, бесстрашно присаживался на край кровати, требовал весело:

– Ну, дорогой Василий Васильевич, что сегодня?

– Погода хреновая, – буркал тот.

А то и вовсе к стене отворачивался.

Но Федор Матвеевич давно привык не обижаться на больных. А уж прорицатели тем более имели право на капризы.

Холодным октябрьским вторником врач ушел с работы пораньше. Помог сыну с математикой, послушал, как дочка играет Шопена. Почистил картошки, самолично провернул мясцо для котлет. Жена – довольная, что ужин к ее приходу почти готов – метнула на стол бальзамчик на травах, горло прогреть. Дети (редкость!) между собой не скандалили, сериал по телевизору оказался весьма приличным – повтор «Одной жизни на двоих» показывали.

Супруга прихлебывала чаек и благодушно не замечала, как Федор то и дело подливает в свою кружку божественно-огненный напиток.

И в этот момент зазвонил телефон. Молодой ординатор. Голос рыдающий:

– Васильич опять бушует.

– Аминазина три кубика. Ты что, маленький? – сурово укорил Федор Матвеевич.

– Да я хотел. Но у него видение, а вы вроде интересуетесь...

– Я дома чай пью. Пусть тебе скажет.

– На три буквы послал. Говорит, чтобы вы срочно шли. А иначе, грозится, весь наш город погибнет.

– Это он загнул. – Федор Матвеевич благодушно потрепал женушку по бедру.

– Гонцы смерти какие-то едут! – страдальчески выкрикнул ординатор.

Со стороны выглядело – обычный бред параноика. Но сериал сменился выпуском новостей, бальзамчик – пока разговаривал по телефону – супруга прибрала. Доктор встал, потянулся, предупредил:

– Отлучусь на часок.

Вечерняя прогулка – отличная замена снотворному.

Он в быстром темпе прошагал полтора километра до юдоли скорби и застал Василия Васильича в самом плачевном состоянии. Мясистое лицо заливали слезы, мокрая борода вздыбилась страшными клочьями. Рвался, все силы вкладывал, чтобы разорвать путы, приковавшие его к кровати, – санитары, ясное дело, подстражовались.

Доктор махнул парням:

– Отвяжите.

Ординатор с благоговением наблюдал, как только что буйный, крушащий мебель больной упал перед главным врачом на колени, уткнулся лицом ему в ноги.

– Сгинь, – махнул молодому доктору Федор Матвеевич.

Но дверей в психбольницах нет, и ординатор прекрасно услышал их разговор:

– Зло к нам в Грибовск везут. Прямо сейчас. Вижу много людей, три машины большие.

– Грузовики?

– Нет. Один фургон, в нем механизмы, компьютеры.

– Лаборатория?

– Нет. Какие-то пульты. Мониторы. И два автобуса с людьми.

Вдруг выкрикнул:

– Господь всемогущий, не к нам они! На грунтовку свернули. Между собой говорят: в Селютино им надо!

– Это где ж такое? – наморщил лоб Федор Михайлович.

Пророк будто не услышал. Продолжал бормотать:

– Едут. Лес кругом. Шофер матерится – дорога дрянь. В Шибаевке планируют привал делать.

Шибаевку – село неподалеку от Грибовска – доктор помнил. Лично принимал оттуда больного с острым алкогольным психозом.

– А что за люди? Кто они?

– Разные. В одном автобусе москвичи. Наглые. В другом – народ попроще. Эти друг друга первый раз видят. Волками на соседей смотрят. На круг человек где-то сто.

– И все едут в Шибаевку?

– Нет! – взорвался Василий Васильевич. – В Селютино они едут. С лица земли его стереть!

– Что его с земли стирать? – наконец вспомнил доктор. – Эта деревня и так вымерла давно.

Но сумасшедший больше ничего не сказал. Принялся биться, плакать, и даже опытный Федор Матвеевич смог его успокоить только изрядной порцией лекарства.

* * *

Телевидения и всего, что с ним связано, Надя заочно боялась. Да и Полуянов пугал: с участниками программ телевизионщики обычно не церемонятся. Заставляют по два часа ждать любого пустяка, тыкают, гадости говорят, приникают.

Однако в «Свадьбе навылет» все оказалось культурно. По крайней мере к Митрофановой обращались только на «вы» и чрезвычайно уважительно.

– Вас не затруднит подъехать на консультацию к стилисту? Не возражаете заглянуть к нам – снять мерки, чтобы мы могли подобрать вам одежду?

Какая девушка откажется! Тем более что на программу не какие-то начинающие цирюльники работали, а настоящие звезды.

Известный стилист (Митрофанова однажды приценивалась к его услугам, но отдать бы пришлось ровно половину зарплаты) сейчас – абсолютно бесплатно! – посоветовал ей кардинально изменить стрижку и цвет волос. Когда Надя испугалась, давить не стал. Извлек лэптоп. Сфоткал ее, поколдовал в фоторедакторе, показал:

– Вот так примерно получится.

Митрофанова взглянула на красавицу, царственно взиравшую с монитора, и безропотно уселась в кресло.

А Полуянов – когда вечером увидел – не сказал ничего. Но даже ужина не потребовал. Набросился прямо в коридоре голодным и страстным волком. Вот и верь после этого, что мужчины – якобы! – женских причесок вообще не замечают.

Съемки «Свадьбы навылет» должны были проходить в Энской области, Грибовском районе. Семьсот километров от столицы. Когда Митрофанова спросила: «Почему так далеко?», ей заученно отбарабанили:

– В больших городах шагу не сделаешь – везде нужны разрешения на съемки. С интерьераами еще хуже. В кафе снимать – только за деньги, в учреждение – любое – вообще не попадешь. Декорацию построить – как особняк. Плюс участники в большинстве своем – не москвичи, значит, на гостиницах разоришься. Поэтому и едем в деревню. Жилье – бесплатно. Павильон построили за гроши. Натуру снимай где хочешь.

Полуянова аргументы не впечатлили. Мрачно сказал:

– Специально везете в глушь, чтобы там издеваться.

– Зря вы. У нас не «Слабое звено». Все будет позитивно и комфортно, – обиделась девчушка из редакторской группы.

– Мобильники в вашем Кукуеве, конечно, не ловят, про Интернет вообще никто не слышал.

– Ничего подобного! – триумфально возразила девушка. – Специально для нас вышку сотовой связи поставили, вай-фай тоже имеется – абсолютно бесплатный.

– А удобства? – строго спросил журналист.

Редактор виновато улыбнулась:

– Пяты звезд не ждите. Но домики подновили. Свет есть. Питанием обеспечим.

Когда вышли из «Останкино», Митрофанова укорила:

– Дима, что ты цепляешься? Вроде такой любитель приключений. В палатках жил – никогда не жаловался.

Он поморщился:

– Я люблю в истории сам влипать. А здесь ощущение, что меня, как телка, на заклание ведут.

Надя – та про свою теорию заговора больше не вспоминала. Грядущая возможность стать телезвездой абсолютно вскружила голову. Раньше считала, что не тщеславна, но сейчас, едва представляла, что ее – ее! – будут показывать по телевизору дважды в неделю в прайм-тайм, просто дух захватывало.

Все ведь в библиотеке увидят! И Артем Кудряшов. И бывшие одноклассники-сокурсники. И соседи! И все узнают, что они с Димой теперь не просто сожители, но без пяти минут официальные супруги!

В библиотеке родимой – уже ажиотаж. Начальница пыталась вредничать, отпуск не дать. Но когда ей лично позвонил сам генеральный продюсер – неподражаемый Клычко-Желяев, – препоны чинить перестала. Однако взяла с Митрофановой клятву, что та обязательно упомянет перед телекамерой их читальню и зал всемирной истории.

– И лично вам спасибо скажу! – улыбнулась Надя.

Шефина, похоже, поверила.

За пару дней до отъезда по электронной почте прислали список, что можно брать с собой. Оказалось сурово. Из одежды – только белье и спортивный костюм – *все наряды для съемок безвозмездно предоставляет телеканал «Просто the best»*. И по весу жесткое ограничение – не больше десяти килограммов. «Пронести лишнее не получится, на входе в автобус багаж взвешивается, при сомнениях не исключен личный досмотр».

Правда, сверх норматива разрешалось брать любые гаджеты, пять килограммов продуктов и даже алкоголь.

– Трудно будет в двадцать килограммов на двоих уложиться, – расстроилась Надя.

А Полуянов мрачно добавил:

– Это все цветочки. Ягодки дальше начнутся.

– Да ладно! – беззаботно отмахнулась Митрофанова. – Авиакомпании сейчас тоже ограничения по багажу вводят.

Накануне выезда позвонили из редакторской группы, сказали:

– Не забудьте взять у таксиста чек, мы компенсируем вам все расходы на проезд до «Останкино».

Ограничений по сумме не прозвучало, и Дима из вредности заказал представительский «Мерседес». Проехать, правда, пришлось, от их квартиры на ВДНХ до «Останкино», – всего ничего. Но выход из кожаного салона иномарки получился почти голливудским. Прочие парочки – почти все уже прибыли, толпились у автобуса – посмотрели враждебно.

Надя жадно разглядывала конкурентов – всех видела в первый раз. Робко произнесла:

– Здравствуйте.

Из восемнадцати человек только пятеро откликнулись вялым: «Привет». Остальные промолчали, а кое-кто и отвернулся.

– Не обращай внимания, – шепнул Дима.

Надя благодарно улыбнулась. Больше ни с кем общаться не пыталась, но рассматривать продолжала.

Очень разная публика собралась.

Вот парочка – вылитые Барби и Кен. Светловолосые, стройные. За ручки держатся. Смотрят друг на друга влюбленно. А рядом с ними – почти комические персонажи. Мужчина – явно за пятьдесят, в устаревшем ворсистом спортивном костюме, спутница – юная, шустрая, в мини-юбке, с ярко подведенными глазками. Следующая пара – мускулистый брутальный красавец лет сорока, рядом с ним – леди, породистая, под стать. Но стоят в метре друг от друга, смотрят в разные стороны. Уже поссориться успели?

Дима шепнул:

– Даже не пытайся гадать.

– О чем?

– Кто из них победит.

– А чего мне гадать? – нахально улыбнулась Митрофанова. – Я и так знаю. Победим мы.

– Пожалуйста, заходим, садимся! – заверещал смешной тонконогий блондинчик.

На входе в автобус, как обещали, устроили кордон. Сумки взвешивали, куртки просили расстегнуть. Но особо не придириались – только у очкастой, сурово ученой девицы конфисковали с десяток толстенных книг.

Та попыталась возмутиться:

– Чем там еще заниматься, в деревне?

– Интернет высокоскоростной. Все что надо найдете, – успокоил ее блондинчик по имени Жека.

Должность у него была – костюмер, но услужить пытался во всем.

В полдень караван – фургон с ПТС, два автобуса (один с телевизионщиками, второй с участниками) – ринулся пробивать столичные пробки.

Ярославка, Кольцевая, скоростная Новая Рига... Народ в автобусе сидел нахоленный, молчаливый. Дима взялся крушить монстров в телефонной игрушке. Надя снисходительно взглянула в его охваченное азартом лицо, положила любимому голову на плечо и задремала. Проснулась оттого, что автобус нещадно тряслось. За окном серели ранние сумерки. По стеклам размазывался дождь.

– Грибовск проехали, – обернулся к ней Дима. – С шоссе свернули. Теперь грунтовка пошла.

– Куда дальше? – Митрофанова сладко потянулась.

– Какая-то Шибаевка скоро будет.

– Ох, ну и дыра! – Надя опасливо косилась в окно, на заброшенные поля и реденький чахлый лесок.

Ни щита рекламного, ни ларечка. Только мрак, дождь, бесконечная тряска.

Одна из героинь – невеста пожилого дядечки – завела заунывное, народное:

– Эх, матушка, грустно мне,
Боярыня, скучно мне,
Ой да люли, ой да люли,
Боярыня, грустно мне.

Прочие пассажиры морщились, но концерт не прерывали.

– Резва ноженька болит,
Эх, ретивое сердце щемит.
Эх, матушка, скучно мне,
Боярыня, грустно мне.

– Вот кошмар! – шепнула Полуянову Надя. – Слушай, а кто они, наши

конкуренты? Откуда, чем занимаются?

– Кое-кого я узнал, – прошелестел в ухо Дима. – Видишь, во втором ряду сидит? Рыжий. У него свой канал на ютюбере. А за нами парочка – которые все время матом говорят – это блогеры. Популярные у подростков.

– И ты журналист. Ничего себе! Целых четверо публичных персон на одно шоу! – удивилась Надя.

Полуянов обиделся:

– Нашла с кем меня равнять.

Наконец впереди показалась Шибаевка: пара тусклых фонарей, мрачные оставы домов.

– Остановка пятнадцать минут! – объявил водитель. – Последний магазин на пути! У кого водки мало, можете взять еще, больше шмонать не будут!

– Да куда вы нас везете-то? – Молодайка оборвала свой печальный напев.

– Всего ничего осталось. Еще километров пятьдесят.

– О боже! – откинулась на спинку сиденья Надя.

– А как место-то называется? – нетерпеливо спросил Полуянов. – Или опять секрет?

– Да теперь что скрывать? Почти приехали, – усмехнулся шофер. – В деревню Селютино едем.

А сумасшедший Василий Васильевич, засыпая от лекарств, именно в это секунду сонным уже голосом повторил:

– В Селютино. Сеять там смерть. Смерть. Смерть...

* * *

Их было больше десяти тысяч. А осталось только двадцать. Двадцать анкет. Двадцать лиц.

Отбирали, разумеется, самых ярких. Необычных. От титулов и регалий пестрело в глазах. Мисс фитнес из города Королев. Лучший пожарный из Тихвина. Победители кулинарных конкурсов, участники экстремальных шоу. Имелись также кандидат наук, мастер спорта по шахматам, выпускник лондонской бизнес-школы, журналист известной газеты, победитель международного танцевального конкурса, популярный диджей, ведущий успешного канала на ютюбере – почти каждый мог чем-то похвастаться.

Но и те, кто без титулов, несомненно, себя проявили. Поразительной смелостью или удивительной подлостью. Тихони с виду обращаются в

лидеров. Рубахи-парни станут плакать от ужаса. Каменные лица и олимпийское спокойствие сохранить не сможет никто. Не зря кандидатов вместе с шеф-редактором отбирала целая свора психологов.

Официальные критерии были объявлены во всеуслышание: обаяние, умение говорить, желание побеждать и харизма, много харизмы.

Однако многих успешных и ярких отсекал лично он. Наложил по праву Хозяина вето.

Подчиненные, конечно, гадали, чем ему не угодили многие перспективные, эффектные пары.

Но лишь большой босс знал еще один очень важный критерий отбора.

В шоу могли участвовать только те, кто занимал активную позицию в социальных сетях. Те, кто вел блоги, ежедневно выдавал посты, имел подписчиков.

А тот, кто Всемирную паутину не любил, безжалостно отсекался.

И еще от него потребовали обязательно взять в команду нескольких паникеров. Людей, кто легко впадает в истерику и тянет в пучину страха остальных.

Хозяин честно выполнил оба требования.

* * *

Селютино выступило из мрака лишь в десять вечера. Убогая деревенька: пара десятков домов, разбросанных по холмам, на окопице – новый, но чрезвычайно уродливый ангар. Правда, фонари горели приветливо. И вышка сотовой связи подмигивала красным глазом.

Автобус зашевелился, зашуршал сумками. Особых дружб за долгую дорогу не завязалось, но несколько имен Надя уже знала. Ярко накрашенная юница, что развлекала их заунывным пением, звалась Василисой. Ее старомодного спутника величали Николаем.

Девчонка ринулась к выходу первой. Однако двери автобуса оставались закрытыми.

– Эй, дядя! Ты что нас маринуешь? – напустилась Василиса на шофера.

Тот развел руками:

– Начальство велело. Ждем, пока аппаратуру выставят. Будут ваш выход снимать. Причешись пока, носик припудри.

– А почему гримеров нет? – возмутилась красотка.

Ответа не получила, лихорадочно бросилась обратно в кресло –

обновлять макияж собственными руками.

Надя тоже достала зеркальце. Лицо после тряской дороги уставшее, на щеке вмятинка – отлежала на Димином плече.

Вздохнула:

– Только бы крупный план не снимали!

– Митрофанова! – хмыкнул журналист. – Ты прямо такая звезда капризная стала. Скоро отдельный гrim-вагончик потребуешь.

– А что мне – крокодилом под телекамеры выходить? – сердито прошептала она.

Но подумала в первую очередь не о себе – о любимом. Тщательно пригладила Димину всклокоченную шевелюру. Проворчала:

– Вот тебе усталость и небритость даже идут. Везет вам, мужчинам.

Впрочем, аппаратуру и свет выставляли довольно долго. Надя успела и о себе позаботиться. Наклеила под глаза специальные нашлепки от отеков и синевы, лицо накрыла одноразовой увлажняющей маской и в течение пятнадцати минут предавалась релаксу. А макияж накладывать вообще не стала. Но выглядела в итоге куда свежей тех, кто все это время «штукатурил» усталые лица.

Наконец прозвучала команда:

– Выходим! Медленно, не торкаемся!

На улице успели соорудить настоящую съемочную площадку. Суeta, софиты, операторы с камерами, четыре девушки-ведущие с микрофонами – вокруг каждой суетится гример.

– Надо будет что-то говорить? – шепнула Надя Полуянову.

– Откуда я знаю? – раздраженно пожал плечами он.

Кен и Барби (или как их там по-настоящему зовут?) вышли первыми и теперь стояли в окружении двух операторов, перед ними – очаровательное создание в резиновых сапожках и с микрофоном. О чем спрашивают? Про впечатления от поездки?

Надю с Димой тоже начали снимать прямо от дверей. Полуянов тащил обе их сумки, подал своей спутнице руку. Еще одна интервьюерша (тоже в резиновых сапогах, похоже, они для «Свадьбы навылет» – обязательный элемент униформы) кинулась к Митрофановой:

– Скажите, Надя, ваш жених всегда так галантен?

– Конечно, – отзвалась невеста.

Что еще добавить – не знала.

– Как прошла дорога? – Ведущая продолжала лучиться дружелюбием.

– Нормально.

– Стоп. О боже! – К ним подскочила желчная прокуренная дама.

Быстро представилась: – Анастасия, шеф-редактор.

И без церемоний принялась распекать:

– Вы – две снулье, скучные селедки! Что это за ответы? «Конечно»! «Нормально»! Кто, черт возьми, будет такое смотреть? Давай, Зая, – обернулась к интервьюерше, – снимай дубль два.

Отошла за камеру и погрозила будущей чете Полуяновых кулаком.

– Как прошла дорога? – Зая в резиновых сапогах исполнила на бис ослепительную улыбку.

Надя в отчаянии взглянула на Полуянова. И Дима выручил. Заговорщицким тоном ответил:

– Мы все десять часов сочиняли с Надей роман.

– И о чем он? – заинтересовалась девушка.

– Конечно, про деревню Селютино. Вон, видите, домик на самой окраине? (Один из операторов послушно обернулся в ту сторону, куда указывал Димин перст.) Там будет жить маньяк. А еще здесь обязательно должны иметься колдуны, вепри, пара-тройка вампиров...

– Но развязка вашего романа, конечно, будет счастливой?

– Да. Мы с Надей всех победим.

Митрофанова с восторгом взглянула на Димку. Какой он все-таки замечательный!

А Зая интригующим тоном произнесла:

– Что ж, у вас есть шанс проявить себя прямо сейчас.

Камеры нацелились на нее, и девушка выдала анонс:

– Отдохнуть с дороги у героев не получится. Первый конкурс мы начинаем немедленно. Сейчас Надя с Димой пройдут в их дом, и у них будет целых два часа на то, чтобы превратить казенное и весьма запущенное жилье в уютный уголок. А мы с вами станем наблюдать за тем, как они справляются.

– Ничего себе! – вырвалось у Нади.

– А прийти в себя, поспать с дороги? – улыбнулся в камеру Полуянов.

– Так не на чем спать! – жизнерадостно отозвалась девушка в сапожках. – Диван в паутине, постельное белье не гладжено! Что будете делать, Надя?

И Митрофанова выпалила:

– Подумаешь, беда! Уж чего-чего, а убираться я умею.

– Снято! – выкрикнула из-за ее спины шеф-редактор.

Снисходительно похвалила:

– Сойдет. Для сельской местности.

И заторопила:

– Быстро. Свет в доме уже выставлен. Сейчас снимаем ваш проход. Потом цепляем микрофоны, и пошел обратный отсчет. Будет ровно два часа. И никаких поблажек.

– Надька, – шепнул Полуянов, – имей в виду. *Красиво* стряхивать паутину я не умею.

– Значит, пойдешь колоть дрова, – фыркнула Митрофанова.

В отличие от журналиста она ни капельки не смущалась из-за конкурса. Подумаешь, уют навести! Все бы задания такими были!

* * *

Игра шла жесткая: никаких вторых дублей, никаких пересъемок. Голая хроника: как будущая семья Полуяновых вошла в ледяной, пыльный, загаженный дом. Крупным планом: Надины ахи по поводу пустых водочных бутылок и засохших колбасных шкурок на полу гостиной. Зверское лицо Полуянова, метнувшего в прибежавшую на шумок крысу собственный ботинок.

Дима в обстановке полного разорения и хаоса явно растерялся. Пробормотал: «Тут надо минимум сутки прибираться». Надя, которая считала, что этот конкурс – вызов лично ей, оборвала:

– Слушайся меня – и все будет!

– У вас в семье матриархат? – немедленно встремляя Зая.

– Только сегодня, – жестко улыбнулась Митрофанова.

И засыпала журналиста командами: найти тряпки. Утюг. Включить бойлер. Вынести мусор.

Дима старался, но ей все время казалось – он ползает, будто в замедленной съемке. Сама она носилась по дому с космической скоростью.

Счастье, в доме нашлись резиновые перчатки, и маникюру ничего не угрожало. С остальным оказалось хуже. Пылесоса или хотя бы веника не имелось. Подметать пришлось метлой – пыль в доме стояла столбом, да еще печка упорно гнала дым в горницу. Герои программы и съемочная группа постоянно чихали. Дима ко второму часу беготни начал еще больше сбавлять темп, а вот Надя, наоборот, ускорилась. Помимо обязательной программы – уборка, постель, ужин, – прилагала все силы, чтобы навести хотя бы минимальный уют. На чердаке нашла репродукцию «Утро в сосновом лесу» в рамочке под стеклом, тщательно отмыла, протерла. Из собственной сумки извлекла три маленькие вазочки. Сказала Полуянову:

– Сбегай, пожалуйста, каких-нибудь веток еловых наломай!

К ней поспешила Зая (так и не снявшая своих фирменных резиновых сапог):

– С собой можно было взять только десять килограмм, и вы не пожалели места под вазы?

Надя только плечами пожала:

– Я и занавески тюлевые взяла. Не люблю, когда в доме голо.

И крикнула Полуянову:

– Димочка! Тут карниза нет – вот леска, будь другом, натяни ее над окном. Штору повесим.

Съемки закончились в половине первого ночи.

Немудрящий, но мило сервированный ужин был съеден, постель застелена, дом пусть и не сиял идеальным порядком, но выглядел вполне себе жирым.

Шеф-редактор Анастасия сизошла:

– Молодец, Митрофанова! Было что снимать. Только в следующий раз говори побольше.

– Я делом была занята. Некогда болтать, – буркнула Надя.

Когда съемочная группа наконец оставила их одних, Полуянов выдохнул:

– Мы молодцы. Не подкачали.

– Естественно. Но благодаря кому? – строго спросила Митрофанова.

Ждала комплимента, однако журналист не сомневался ни секунды:

– Конечно, благодаря мне! Кто тебе картину повесил? И крысу убил?!

Вытащил ноутбук и завалился в постель.

Надя слой за слоем оттирала лицо от пыли. Журналист в это время подключил вай-фай – тот оказался безо всякого пароля, удивленно воскликнул:

– Скорость приличная! А я про Интернет не верил. Думал, обманут.

– А смысл им врать?

– Для драматизма. Когда в глухи, да без связи с внешним миром, что угодно можно воротить. Только представь: утром выходишь, а во дворе труп. Полицию не вызовешь – телефоны не работают. И ясно, что убийца – где-то здесь. Рядом.

– Фу, Дима! – поморщилась Митрофанова. – Никакой фантазии. Я таких детективов читала миллион.

Она сложила грязные ватные диски в банку из-под кофе (временное мусорное ведрышко, других пока не имелось), рухнула в постель, оповестила:

– Сейчас умру.

– Умирай, – великодушно разрешил Полуянов. – Я за тебя все сделаю.
– Ты о чем?
– Забыла? Мы должны в Интернете отчитываться. О каждом нашем дне.

– Димусик, – моляще сложила ладошки, – но ты ведь напишешь что-нибудь за меня? Мой пароль на фейсбуке – Dimulia...

И не договорила. Уснула.

* * *

Первым делом, едва явившись на службу, Надина начальница всегда заваривала себе чай в кружке с профилем Лермонтова. Но сегодня впервые в жизни отступила от традиции. Поставила кипятиться воду, а потом сразу открыла фейсбук. И жадно впилась очами в пост Митрофановой:

Нет, ребята, это далеко не тропический рай. Деревня. Изба настоящая, деревянная. Две комнатки: спальня и, как здесь говорят, зал. Газа нет, топить надо дровами. Спасибо хоть плитка электрическая имеется. А удобства, извините, на улице. И выходить ночью во двор довольно страшно. Климат тоже очень российский – дождь и дубак.

*Зато сколько народу **на нас** работает! Я просто со счету сбилась. Шеф-редактор плюс ее трое помощников. Директор программы. Два линейных продюсера. Режиссер-постановщик. Операторы. Видеоинженеры. Осветители. Гримеры. Генерального продюсера – который Клычко-Желяев – пока не видела. Но удивительного и так хватает. Жека – костюмер, ассистент и вообще вездесущий – красит глаза. Вы понимаете... Осветитель Глеб предается медитации – прямо на работе. И его не ругают. Терпеливо ждут последнего «О-мм». Шеф-редактор курит как паровоз, но бычки по-европейски кладет в конвертик, а потом в карман. И вообще у нас деревня не совсем обычна. Фонари везде. Асфальт только что положили. Urny стоят!*

Все хорошо, короче. Только любимой историко-архивной библиотеки не хватает. И наших чаепитий с любимой начальницей.

Пожилая библиотекарша покровительственно улыбнулась. Поставила лайк. Молодец, Митрофanova! Держит слово. Не забывает родную обитель.

* * *

Ведущих в шоу было только четверо, поэтому конкурс на домовитость снимали два дня. Четвертым пришлось наводить уют с колес, остальным выпало дополнительное время. Хотя покидать дома участникам запретили, стражников у дверей не стояло. Кто хотел, легко вывешивал, в чем суть первого испытания. И во многих окнах до утра горел свет – пары заранее чистили-намывали помещения, готовились к съемкам.

Артур тоже сгонял на разведку, быстро вернулся, сказал Кристине:

– Давай подымайся. Надо хоть минимально бардак разгрести.

Но его всегда послушная девочка наморщила носик:

– И не подумаю. Меня укачало. Ничего делать вообще не могу. Особенно по хозяйству.

– Хочешь вылететь? На таком пустяке?

– Да ну, Артурчик, брось. – Она сладко потянулась. Лениво встала с дивана, обняла жениха. – Никто нас не выгонит. Кого тут еще снимать? Старичка в костюме «Большевичка»? Толстушку-библиотекаршу? Ученую даму в очках? Давай лучше банишки. Утро вечера мудренее. Как-нибудь выкрутимся.

И он поддался ее уверенности. Да и глаза слипались. Прилегли на незастеленный диван просто подремать – и провалились в глубокий, до десяти утра, сон.

Зато на следующий день оба выглядели прекрасно. Дом перед телекамерами убирали неумело. Зато поразили Анастасию и всю редакторскую группу тем, что выгрузили из сумок и красиво разложили две скакалки, степ-платформу и даже килограммовые гантельки. И на обед ели свежую морковку (каротин), банан (калий) да белковый коктейль.

Многие смогли себя проявить.

Огнеборец из Тихвина умело починил ветхую проводку и с большим жаром прочел телезрителям лекцию о пожарной безопасности.

Василиса с вечера замесила тесто для фирменных оладий, дом вымыла заранее – только в нескольких местах оставила пыль, чтобы было чем перед телекамерами заняться.

В аутсайдерах сразу оказались две пары.

Двою подростковых блогеров во время уборки и съемок беспрерывно ругались, да так, что половину реплик пришлось запикивать.

Победитель танцевального конкурса с супругой диджеем оказались абсолютно безрукими. Печку растопить не смогли, одеяло в пододеяльник вставляли минут пятнадцать, еду разложили на газетках.

Анонсы «Свадьбы навылет» шли по каналу «Просто the best» уже месяц. Первый выпуск программы собрал неплохой рейтинг, народ активно

включился в СМС-голосование.

На последнем месте оказались скандалисты-блогеры. На предпоследнем – безрукие танцор и диджейка. Эсэмэсок в их защиту пришло почти вдвое больше. Однако волею Хозяина выгнали именно их.

Не потому, что плохо убрали. За то, что в другом ленивы. Двое суток в Селютино, а никто из бездельников ни разу в Сеть не вышел, ни единого поста не написал.

Вот пусть и отправляются домой.

* * *

Жена с подругой по телефону чирикала – про телевидение, массовку и съемки, но Федор Матвеевич женской болтовне внимания не придал.

Однако тем же вечером остался в юдоли скорби сверх положенного по КЗОТу и в восемь вечера обнаружил, что больница абсолютно пуста. Дежурная медсестра, санитары, ординатор, больные на свободном режиме – все испарились. Зато из холла на полную мощь орал телевизор.

Там доктор и застал весь дружный коллектив: медперсонал – в креслах, пациенты – на стульчиках или на полу развалились. А на голубом экране рафинированная девица на фоне покосившегося сарая неумело тюкала топором по полену. Каждый удар (с риском отрубить себе пальцы) вызывал у зрителей взрыв дикого хохота.

Федор Матвеевич пристроился было в уголке, но подхалимка-медсестра заметила, вскочила, почти силком толкнула на блатное место в первом ряду. Сама интимно устроилась на ручке кресла, рядом, и начала громким шепотом просвещать:

- Это шоу новое. У нас снимают! В Селютино!
- Где?! – Доктор мигом вспомнил откровения Васильича.
- Ну, деревня. В наших краях. За Шибаевым.
- Подожди-ка. Не тарахти.

Федор Михайлович впился в телевизор глазами. Девица наконец сумела расколоть полено надвое. Подхватила обрубки, бросилась в избу, завопила:

- Витенька! Так пойдет?

Сухопарый Витенька (который с важным видом сидел подле жерла печи) благосклонно принял поленья, распорядился:

- Иди, дальше руби.

Манерно, двумя пальцами, запихал дрова в топку.

Публика снова зажала, принялась комментировать:

– Вот индюк! Да не, это она овца!

Через пять минут доктор уже знал формат и суть шоу. Встал с кресла, строго сказал медсестре:

– Никого сюда не сажай. Сейчас приду.

Василий Васильевич сладко храл. Психиатр потряс его за плечо. Когда мутные глаза распахнулись, шепнул:

– Пойдем. Покажу кое-что.

Больной взглянул опасливо:

– Током бить будешь?

– Дурак.

И привел Василя к телевизору. Снова сигнал с кресла медсестры. Усадил на ее место буйного. Теперь сам примостился на ручке кресла. Сообщил:

– Вот. Селютино. Ты этих людей видел?

Первую минуту сумасшедший только хлопал глазами.

Но дальше действие переместилось в другой дом. Здесь наводила уют еще одна пара – классически красивый мужчина лет сорока и милая женщина несколько младше.

Василий нахмурился. Подался вперед, вцепился в подлокотники.

Оба персонажа на экране действовали умело. Он ловко водил утюгом по простыне. Она надевала на подушки наволочки. Только лица у обоих – совсем не радостные. Не то что не разговаривают – даже не смотрят друг на друга.

Молодая ведущая в платье под пейзанку и резиновых сапожках попыталась расшевелить пару. Подошла к мужчине, спросила:

– Анатолий! Вам дома часто приходится гладить?

Тот пожал плечами:

– Я постельное вообще не гляжу. Но Алла сказала – надо.

Ведущая переместилась к женщине:

– Алла, Анатолий может приготовить омлет?

Девушка отчего-то смутилась.

– Ну... наверно.

– Тоже мне. Супруги! – с нескрываемым презрением произнесла медсестра.

А Василий Васильевич ткнул мясистым пальцем в экран и завопил:

– Вот оно! Зло! Вот! Вот!!!

– Где? – быстро спросил доктор.

– От него беда пойдет! Смерть! От него!

– Ты про что? Объясни!

Однако ответа врача не добился. Прорицатель заблажил, начал рвать волосы, колотить по полу ногами. Санитары неохотно оторвались от экрана, поволокли больного в палату. Медсестра с крайне недовольным лицом поспешила набирать в шприц лекарство. Когда Василь успокоился, по телевизору уже шли новости.

– Вечно вы все испортите! – проворчала сестричка.

И санитары с молчаливыми недовольными лицами ее поддержали.

* * *

Ходить друг к другу в гости по условиям шоу не разрешалось. Однако бродить по окрестностям никто не запрещал. Но Надя и по хорошей погоде гулять не большая любительница, а в сырость, тем паче в дождь, ее никакими калачами не выманишь. Потому Полуянов гулял в одиночестве и нисколько от этого не страдал. Ему всегда был нужен час, а лучше два наедине с собой. В суетной Москве достигать искомого оказалось, что удивительно, легче, нежели в деревенской глупши: на работе – свой кабинет, плюс в пробках – ты в машине, собственной ракушке, никто не мешает мечтать и думать. А здесь, хотя плотность населения не больше чем один человек на километр, ты постоянно на людях. Вечная Надя под боком. Шеф-редактор Анастасия не скрывала: в обязанности ее помощников входит постоянно общаться с героями. Наблюдать, как те ведут себя вне съемок, в обычной жизни, в быту. Соперники-соратники тоже жаждали пообщаться. Прощупать, выведать слабые места. Или просто поболтать от скуки. Да еще неизвестность утомляла. Конкурс на хозяйственность сняли – и все, тишина. Чего ждать? К чему готовиться? Чем заняться?

Анастасия сказала:

– В Интернет свои впечатления выкладывайте.

Вопрос – о чём? Что дождь целый день? И что он собственоручно целую поленницу дров наколол?

В общем, Дима с первого дня принял бродить по окрестным лескам.

Решительно ничего интересного или красивого в них не было. Наполовину обглоданные елки, кривоватые дубки, печальные осины. Грибы – исключительно свинушки. Надя к ним относилась с подозрением, жарить отказывалась.

Зато однажды Диме попалась шальная, оставшаяся от лета малина – до сих пор кислая и зеленая, хотя поздний октябрь на дворе. Лося встретил,

абсолютно непуганого. Вороны на него злились, каркали. Белки нахально подходили вплотную, вставали на задние лапы, передними моляще царапали джинсы. Орехов у Полуянова не имелось, но местное зверье оказалось не слишком требовательным – и хлеб принимали со счастливыми мордами.

А на второй день, когда начало смеркаться, Дима встретил в лесу практически лешего – мужика в рваном ватнике, с лапами, обросшими шерстью, и клочковатой щетиной.

Дядька – не старый еще – сидел на бревне, обсасывал беззубым ртом куриную ножку (точно такие им с Надей доставили в пластиковых контейнерах на обед).

На Полуянова взглянул строго. Спросил:

– Ты работаешь? Или из клоунов?

Дима понял. Фыркнул:

– Из вторых.

– Вот охота вам? – задумчиво молвил мужик. – Деньги, что ли, хорошие платят?

– Ничего не платят.

– А зачем тогда?

– Слава. И типа отпуск, – поморщился Полуянов. (Шоу – хотя пока только один конкурс прошел – раздражало его все больше.)

– Я бы лучше поработал, чем в могиле лежать, – злорадно изрек абориген.

– Чего?

– Да операторы ваши базарят, а я подслушал, – хитро улыбнулся мужик. – Будут вас живьем закапывать.

– Зачем?

– Конкурс такой. Сможешь ли вылезти. Нет, лучше уж мешки грузить, – поежился мужик и протянул Полуянову волосатую длань. – Петр.

– Дмитрий. Ты здесь живешь?

Полуянов решил сразу на «ты», без лишних церемоний.

– Ну да. Могиканин. Последний, – не без гордости отозвался мужик. – Пока ваши не понаехали, у нас тут вице необитаемый остров был. Грязь, темнотища, свет на два часа в день давали. Все побегли – в Грибовск, в общаги, кто куда. А я чужим кланяться не люблю. Сидел, ждал, когда и у меня будет праздник. И дождался. Теперь король. Телевизор смотрю, телефон мобильный купил!

– А много народа в деревне было?

– Когда-то колхоз имелся. Коров триста голов. Поля. Картошку, свеклу садили. Как кончился коммунизм – все и зачахло. Хорошо, я инвалид, пенсия есть. И корова. А щаз, – приосанился гордо, – мне и зарплату назначили.

– За что?

– Написано – охранник. На деле – тяжести таскаю. Ну, и снимают меня. Для колорита.

– А что в лесу делаешь?

– Расследование веду, – приосанился Петр.

– Как ты сказал? – усмехнулся Дима.

Абориген понизил голос:

– Да вчера я тут, на поляне, двух лихих людей видел.

– Лихих?

– Джигиты. Куртки черные, глаза злющие. Меня увидели – залопотали по-своему. И бежать! Я бы по ним пальнул, – вздохнул печально, – так не из чего. Не выдали мне табельного оружия.

– Ты начальству доложил? – спросил Полуянов.

– Да. Анастасия испугалась. Сказала, что решетки на окна закажет. А пока велела операторам обязательно дежурного оставлять.

«Восточные люди крадутся через лес, чтобы стащить телекамеру? Вряд ли, – подумал Полуянов. – Может, просто на съемки хотели поглязеть?»

– А вообще народ-то интересуется? – спросил Петра. – Все-таки телевидение. Наверняка ведь приезжают. Из Шибаева, из Грибовска?

– Та, может, и хотели бы, – хмыкнул Петр. – Но сюда только «узик» пройдет. И то не факт – дожди каждый день, на дороге грязи по самые яйца. Так что, Дима, – шутливо погрозил пальцем, – захочешь сбежать, а не выйдет. Завязнешь.

– Зачем мне бежать? – улыбнулся Полуянов. – Мы сюда побеждать приехали.

* * *

Полуянов пришел домой, когда начало смеркаться.

Надя встретила в сенях – глаза горят, новости рвутся с губ:

– Ой, Дим! Я все узнала! Завтра новые конкурсы будут! Боюсь ужасно!

Он немедленно вспомнил страшилки Петра про кладбище, но в лице не изменился. Спокойно спросил:

– Мы участвуем?

– Не знаю, – вздохнула досадливо. – Сказали, опять возьмут четверых. Кого именно – страшная тайна.

– А что надо делать?

Полуянов снял изгвазданные кроссовки. Митрофанова мигом подхватила обувку, переставила на газетку (на чердаке обнаружилась целая стопка макулатуры).

– Говорят, локации разными будут. И испытания разными.

– И какими?

– Если бы я знала! – вздохнула она. – Но Василиска видела: режиссер, Анастасия и операторы вместе на кладбище ходили. А еще, говорят, что-то на речке затевают.

Полуянов, после того как расстался с Петром, прогулялся на деревенский погост. Увидел там много свежих следов и две свежевыкопанные могилы. Наде ничего говорить, конечно, не стал.

– Я к Насте и так и этак подступала, но она прямо сфинкс какой-то, – продолжала тарахтеть Надюшка. – Только и сказала: завтра к восьми быть готовыми. В любом случае. За нами или сразу придут – или надо будет вторую смену ждать, в два. Или вообще до послезавтра.

– А из дома выходить можно?

– Сказали, ни ногой. Но, как я поняла, – Митрофанова понизила голос, – охранять нас никто не будет.

Драматическая пауза.

– И что ты предлагаешь? – Дима, конечно, догадался, но пусть Надюшка гордится, что сама придумала.

– Давай, если нас с утра не возьмут, проследим! Чтобы хоть в курсе быть! До речки далеко. Но до кладбища можно запросто пешком.

– Давай. Но будет только хуже. – Пожал плечами журналист.

– Почему?

– Потому что ты еще больше перепугаешься.

* * *

По результатам голосования Артур с Кристиной пока стояли далеко от кругосветного путешествия – только пятыми. Кристишка нервничала, бурчала: «Будто я виновата, что красиво подметать не умею!»

Артур в отличие от нее не волновался ни капли. Считал: «хозяйственный» этап – проходной. Любое шоу держится на экшене. Риск,

нервы, опасности, преимущества в доли секунды. Вот где народ будет ссыпаться. А они с Кристиной в самом важном компоненте любую пару из оставшихся девяти обойдут. С большим преимуществом. Что станет делать очкастая кандидатка наук, если, допустим, увидит медведя? Заверещит и немедленно сдастся. А Кристишка – без проблем взлетит на дерево. Да ещё и ему поможет, рогатину сверху скинет.

Когда были в тренировочном лагере в Таиланде, как над ними только не издевались! Из клетки под водой они с невестой выбирались (безо всякого резерва кислорода, между прочим). По тросу через пропасть ходили. С вагона на вагон (а поезд на приличной скорости несся!) перепрыгивали.

А здесь у них и конкурентов нет. Когда Кристина вчера во дворе добивала свою ежедневную тысячу прыжков на скакалке, подошла Василиса. Простодушно призналась: «Я и двадцати раз не смогу». А уж когда Артур раздобыл в сарае десяток кирпичей и взялся разбивать их ребром ладони, целый восхищенный партер собрался. Как только не называли: и Джеки Чаном, и Ван Даммом!

– Вряд ли они что-нибудь совсем сложное устроят, – успокаивал Артур свою Кристиночку. – Не дураки, понимают: народ чахлый, переломается. Да и возможностей здесь нет. Ни моря, ни гор, ни обрывов. Что-то совсем примитивное. Построят веревочный городок в лесу и организуют забег на времена.

– Хорошо бы! – улыбнулась его милашка, известная любительница черных трасс.

Но хотя он и не ждал максимальной нагрузки, все равно разбудил девушку спозаранку. Заставил пробежать кросс, отжаться, попрыгать. Сам бегать не стал – подкачал пресс, руки. Чтобы разбудить реакцию, вволю попинал самодельную грушу.

Кристина прискакала с улицы румяная, возбужденная. Сообщила:

– Движуха в деревне. В машины доски грузят, веревки.

Артур насторожился:

– Зачем?

– Ты ведь сам говорил про веревочный городок, – напомнила его птичка.

– Городок за час до съемок не построишь, – отмахнулся Артур. – Что-то другое затеяли.

Но предположить, что конкретно, не успел – в дом, как всегда вихрем, ворвался женоподобный костюмер Жека.

Одежду подобрали быстро: для Кристины – ярко-красный спортивный

костюм и белый пуховичок, ему – тоже спортивное одеяние, ядовито-акриловый ультрамарин.

– Чего делать-то надо будет? – нетерпеливо спросил Артур.

Жека масляными глазами уставился на обтянутые узкими брюками причиндалы спортсмена, произнес с придуханием:

– Не дрейфь, красавчик! Обычные «веселые старты».

Погрузились в «уазик» и выдвинулись. Когда покидали деревню, Артур заметил: у дороги, за кустами, таятся две фигуры. Напряг орлиное зрение, углядел: конкуренты. Журналист и библиотекарша.

Российская пародия на джип, неспешно буксую, набирала ход, но Надя с Димой бросились не за машиной – наискосок. Напролом через полузамерзший бурьян.

– Наблюдатели хреновы! – проворчал Артур.

– Чего? – обернулся из-за руля Жека.

Но спортсмен не стал сдавать противников. Пусть следят. Выиграть это им не поможет.

* * *

Кладбище при деревне Селютино по непонятным причинам устроили не за окопицей, а в километре от нее. Официальная безобразно раскисшая грунтовка вилась по краю давно заброшенного поля, но Надя с Димой побежали напролом, через негустой лесок.

Митрофанова изо всех сил старалась не отстать, но поспевала в такт тренированной поступи Полуянова с огромным трудом. Журналист досадливо подумал: «В конкурсах на выживание толку от нее будет мало».

Теперь не осталось никаких сомнений: героев действительно везут на кладбище. Надя разнервничалась окончательно.

Пропыхтела, изо всех сил стараясь не сбить дыхание:

– Дим! А вдруг как в Томе Сойере будет?

– Что?

– Труп заставят выкапывать. Настоящий.

– Блин, Митрофанова, ты Уголовный кодекс читала когда-нибудь? – разозлился он.

– А зачем мне?

– Чтоб знать: есть такая статья – осквернение могил. И за нее дают реальный срок. И что ты вообще трепыхаешься, скулишь прежде времени?

– Я хочу по телику эффектно смотреться, – вздохнула она. – Но если

увижу труп, буду очень некрасиво визжать.

– Не будет никаких трупов, – заверил журналист.

– Почему?

– Я вчера ходил на кладбище, – признался Полуянов. – Там действительно вырыты две свежие ямы. Но они пустые.

– Вчера были пустые. А сегодня туда покойника положат, – горько вздохнула Надежда.

Они прокрались, пригибаясь к земле, до кладбищенской ограды. Съемочная группа яркими точками распалась по всему погосту. Дальше идти было нельзя.

– Правда, могилы только что выкопанные, – севшим голосом произнесла Митрофанова.

Есть ли что внутри, из укрытия было не разглядеть, но Надя все равно открыла рот – завизжать.

– Тихо! – яростным шепотом приказал Полуянов.

Послушалась. Глаза перепуганные.

Он без жалости бросил выданную телевизионщиками куртку на землю у подножия древней березы. Кивнул подруге:

– Садись.

От зияющих ям их отделяло метров сто пятьдесят. Могилы под сенью облетевых деревьев просматривались неплохо.

«Уазик» с героями остановился у центрального входа на кладбище. К машине бросились вездесущая Анастасия и парочка ведущих-пейзанок (антураж цветастых платьев сегодня сменили на приличествующее моменту черное). Из авто минут десять никто не выходил. А когда задняя дверь джипа распахнулась, оттуда под руки вытащили Кристину. Глаза ее были завязаны черной лентой, но испуганной девушка не выглядела.

Спокойно дала Анастасии с Жекой взять себя под руки, провести меж крестов и памятников.

Маленькая процессия остановились метрах в трех от разрытой могилы. Шеф-редактор приказала:

– Стоять. Не двигаться. Молчать. Повязку не трогать. Евгений, следи за ней.

И бодрой рысцой бросилась обратно к машине, откуда облаченные в траурное пейзанки тем временем извлекали Артура – тоже с завязанными глазами.

Его подвели к соседней могиле.

Никаких предварительных инструктажей не последовало.

Бодрое «Мотор идет!» сопроводилось зловещим карканьем

вспуганного суетой воронья.

– Доброй ночи, дорогие Артур и Кристина! – роковым голосом начала одна из псевдокрестьянок. – Да, для вас сегодня ночь. Вы ничего не видите. И понятия не имеете, что сейчас будет происходить.

– Хотя конкурс простой до банальности! – Вторая ведущая почти не скрывала издевательских ноток в голосе. – Вам – не снимая повязок с глаз! – нужно всего лишь сделать десять шагов. Только десять. Только прямо. Десять шагов по прямой за минуту. Дальше разрываете грудью ленточку финиша. И все! Вы победили! Вы остаетесь в шоу плюс получаете дополнительный приз. Миллион. Миллион русских рублей. Неплохое подспорье для молодой семьи!

– Однако на пути вас могут подстерегать опасности, – вкрадчиво произнесла первая.

– Какого рода? – спокойно спросил Артур.

– Медведи. Львы. Тигры. Шальная пуля. Потерявший управление автомобиль.

– Мы не можем защищаться с завязанными глазами! – Голос Кристины чуть дрогнул.

– Включайте осязание, обоняние, слух. Интуицию, наконец, – посоветовала крестьяночка.

– Вам не обязательно доходить до финиша обоим, – продолжила разъяснения вторая пейзанка. – Даже если только один из вас за минуту преодолеет маршрут, вы все равно получите миллион. Итак, вы готовы начать свой путь к триумфу или к смерти?

– Да, – хором отозвались жених с невестой.

Голоса бодрые – Надя прямо позавидовала.

– Тогда три-два-один! Пошли! – громко скомандовала ведущая.

Ни один из пары не сдвинулся с места.

– Кристи, ты меня слышишь? – быстро сказал Артур.

– Пять секунд, – металлическим голосом объявила крестьянка.

– Вспомни: Таиланд. Лес. Змеи. Идешь очень медленно, ощупываешь землю ногой.

– Десять секунд. И ни одного пока шага. Пятнадцать.

Артур с Кристиной, словно слепые со стажем, вытянули руки и медленно двинулись вперед. В паре метров перед каждым зияла разверстая могила.

– Они ведь убоятся! – в ужасе прошептала Надя.

– Брось. Этого не допустят.

Но уверенности в Димином голосе не прозвучало.

Метр пройден.

– Двадцать секунд. Быстрее! – безжалостно поторопила ведущая.

Артур продолжал семенить крайне медленными шажками. А Кристина занервничала. Чуть прибавила шагу, нога ее зависла над пустотой, девушка не удержалась – и сорвалась вниз.

Раздался ужасающий крик. Дальше визг. Потом плач.

Мужчина мгновенно сорвал повязку с глаз. Озирался буквально долю секунды – потом молнией бросился к яме.

Оттуда раздавался уже не рев – вой.

– Не такая она и железная, – произнесла Надя.

Получилось довольно злорадно.

– Сорок секунд, – спокойно констатировала ведущая. – Артур еще может дойти до финиша и получить миллион.

Мужчина взглянул с презрением:

– Пошла ты!

Встал на колени у края могилы, спокойно произнес:

– Кристи. Это не настоящий труп.

Голос девушки доносился приглушенно, но Надя смогла разобрать:

– Слизь! Он воняет!

– Манекен. Муляж.

– Он в синих пятнах! И в плесени!!!

Митрофанову передернуло. Артур безапелляционно изрек:

– Прекрати истерить!

Снова встремляла ведущая:

– Можете продолжать беседу. Но речь уже не идет о миллионе. Если через пять минут Кристина не выбирается из могилы, вы оба покидаете шоу. Время пошло.

– Отпихни труп и вставай! – приказал Артур. – Не смотри на него.

Слезы вытрях. Ноги целы?

Ответа девушки Надя с Димой не услышали. Зато отлично разобрали уверенный приказ ее спутника:

– Вспоминай, как по скалам лазили. Ищи выступы. Пробуй выбраться.

– У вас четыре минуты, – предупредила ведущая.

– Тут не за что зацепиться! – пропищала Кристина.

– О’кей. Отойди. Я прыгаю, – быстро ответил Артур.

И без малейшего сомнения исчез в бездонной яме.

– Ты бы так сделал? – Надя прижалась к Полуянову.

Он не ответил. Горячо произнес:

– Эх, зря он! Надо было лучше веревки вязать.

– Из чего? Да и времени нет, – резонно возразила Митрофанова.

Не прошло и минуты, как из могилы показалась голова Кристи. Она, похоже, стояла у жениха на плечах.

– Раз, два, три – джамп! – скомандовал глухой голос.

И девушка буквально вылетела на поверхность.

Но немедленно упала на живот, склонилась в могилу, откуда только что выбралась, протянула руки.

– Опору найди сначала! – громко скомандовал Артур. – А то вместе свалимся!

Кристина сообразила мгновенно:

– Поняла!

Развернулась на 180 градусов. Накрепко вцепилась руками в могильный памятник, что стоял рядом. Вытянулась в струну. Длинные ноги исчезли в могиле.

– Держишься? – уточнил Артур.

– Да!

Наде показалось – она видит, как на руках Кристины вздулись вены. Лицо девушки покраснело, а через секунду из ямы показалось лицо Артура. Едва тот коснулся поверхности, немедленно отпустил подругу, легко подтянулся на руках, выбрался.

– Тридцать секунд, – встряла ведущая.

– Жаль, у нас нет российского флага, – улыбнулся Артур.

Обнял Кристину за талию, и оба не спеша, триумфально проделали оставшиеся несколько шагов и разорвали своими телами бумажную ленточку финиша.

Ведущие-пейзанки немедленно кинулись к ним:

– Кристина, что вы почувствовали, когда земля ушла из-под ног?

– Меня учили не думать, а мгновенно принимать группировку, – улыбнулась красавица. – Впрочем, упала я на что-то мягкое и совсем не ушиблась. Гораздо страшней было, когда на меня свалилась эта мерзость. Труп – просто жуткий, ничего не скажешь!

– Артур, вы тоже боитесь мертвецов? – Пейзанка обернулась к спортсмену.

– Мертвые не кусаются, – усмехнулся он.

Ассистенты тем временем принесли веревки с крючьями, выволокли из могилы мертвое (или похожее на мертвеца) тело. Оператор взялся снимать крупный план. Кристина поспешило отвернулась.

– Вы были уверены, что сумеете выбраться?

– В самой себе – нет, – смущенно улыбнулась красавица. – Но я знала:

Артур меня все равно спасет.

Ведущая констатировала:

– Он мог заработать миллион. Но решил вместо этого спасти свою девушку. Посмотрим, как оценят его поступок телезрители.

Анастасия громко выкрикнула:

– Снято! Перерыв один час!

Операторы и технический персонал потянулись в фургон ПТС. Кристина с Артуром в обнимку отправились к «уазику».

Надя затравленно взглянула на Полуянова:

– Дим, я такого не переживу!

Тот обнял ее:

– А что, собственно, страшного? Все под контролем. Кристи сказала – она свалилась на что-то мягкое. Каналу невыгодно, чтобы мы ноги ломали.

– А труп?

– Просто очень правдоподобный муляж. Ты в комнате страха никогда не бывала? В Стамбуле, кстати, мертвецы воняют по-настоящему.

– Но если ты прыгнешь за мной в могилу, я тебе не смогу помочь вылезти, – вздохнула она. – У меня руки слабые.

– Значит, я спасу и тебя, и себя, – усмехнулся Полуянов. – Или мы просто обойдем эту яму.

– Надеюсь, – слабо улыбнулась Надя.

Но уверенности в ее голосе не было совсем.

Кладбище тем временем опустело.

– Будем ждать следующих жертв? – спросил Дима.

– Не хочу, – поежилась Митрофанова.

– Может, до речки дойдем? Там, наверно, тоже снимают. Как раз ко второй смене успеем.

– Не доплетусь. Туда пять километров, – вздохнула Надя. – Может, ты сам?

– Зачем? – пожал плечами он. – У нас все равно будет по-другому. Лучше не знать.

* * *

Этим вечером их впервые охраняли. Когда на Селютино упали сумерки, Надя оделась, собралась за новостями, но уже через пять минут, очень разочарованная, вернулась. Пожаловалась Диме:

– Глеб у калитки стоит. Никуда не пустил.

- Это еще кто такой?
- Ой, Дима, мы тут уже третий день, а ты никого не знаешь! Осветитель малость чокнутый. Который мантры читает.
- И зачем он стоит?
- Анастасия приказала. Чтобы мы между собой ничего не обсуждали.
- А если через забор? – заинтересовался Полуянов.
- Глеб говорит, по всей деревне патрули. Кого поймают – сразу прочь из шоу. И штраф.
- Неужели всю ночь будет стоять?
- Не знаю, – вздохнула Надя.
- Да и не факт, что другие тебе расскажут, что с ними было, – задумчиво произнес Полуянов. – Мы все конкуренты. Зачем давать сопернику лишнюю информацию?
- Я думала среди телевизионщиков поболтаться, – убитым голосом отозвалась Надя. – Хотя бы чего разведать...
- Митрофанова, деструктивно это! – укорил Дима. – Ходить собирать ужастики. Расслабься. Ты не умрешь и даже не ушибешься. А если из шоу вылетим – оно мне и так надоело.
- Однако сегодняшнее зрелище произвело на Митрофанову неизгладимое впечатление. Она весь вечер сидела бледная. Трепыхалась:
- Дима! Я не хочу в могилу! И в речку не хочу!
- У нас будет легкий конкурс, – твердо заявлял он. – Я тебе обещаю.
- Наоборот. Что-нибудь еще хуже, – замогильным голосом изрекала Митрофанова. Минут на десять умолкла, снова вскидывалась: – Речка, речка... Там, наверно, пиявки есть?
- Ну и что?
- А если... если нас с тобой их кушать заставят?!
- Полуянов расхохотался.
- Это уже было. В «Факторе страха». А у нас психологическое шоу. Совсем другая опера. И аудитория другая.
- Но иногда даже приличным людям хочется клубнички, – вздохнула Надежда. – Вот я, например. Однажды честно искала «Культуру». И вдруг зацепилась. Казино. На постаменте – машинка новенькая. И куча народу соревнуется, чтобы ее получить. Но знаешь, что для этого надо было сделать? Слопать африканского пещерного паука. И представляешь, я стала смотреть.
- Подумаешь, милый паучок, – хмыкнул журналист. – Прекрасное, питательное, богатое протеинами блюдо.
- Ага, милый. Размах лап – восемнадцать сантиметров. И еще клешни.

А есть живым надо. Меня чуть не стошило.

– Но ты продолжала смотреть.

– Ага, – опустила глаза Надежда. – Смотрела, словно заворожили. Девица визжит, паук ей в губу вцепился, кровь хлещет. Но она все равно ест, представляешь? И ведь не постановка, по-настоящему все!

– Выиграла она машину?

– Жди. Выиграл парень, который целых шесть этих тварей слопал.

Надя поежилась. Дима обнял ее за плечи:

– Зачем ты вспоминаешь про это?

– Боюсь. Вдруг нам что-нибудь в этом роде устроят?

– Надя, я гарантирую. Никакую дрянь нас есть не заставят.

– А я думаю, от них можно ждать что угодно.

* * *

Библиотекарша разбудила Полуянова в половине восьмого – перепугана была пуще вчерашнего. Трагическим шепотом сказала:

– Посмотри, что оператор снимает.

Дима зевнул. Выпрыгнул из кровати. Подошел к окну.

Занимался серый, промозглый, тускло осенний день. Дождь то начинался, то отступал. Деревья энергично встряхивались под порывами ветра. По раскисшей колее брела задумчивая корова – собственность Петра. Вокруг нее сутился Мишаня – самый креативный из операторов. То шел вровень, снимая неспешную поступь, то совал камеру прямо в морду животному (корова презрительно отворачивалась).

– Человеку дали задание найти колорит, – прокомментировал Полуянов. – Применяем метод дедукции, делаем вывод: нас ждет типично деревенский конкурс. Типа кто больше молока надоит. Ты, кстати, умеешь?

– Скорее, мы будем пить сок из коровьих глаз, – мрачно скривилась Надя.

– Что?!

– Нужно взять коровий глаз в рот, прокусить его и выжать оттуда сок. Когда наберется полстакана – выпить. Побеждает тот, кто быстрее успел.

Тут уже и Диму перекосило:

– Ты сама придумала эту мерзость?

– Нет. Видела в «Факторе страха». Ты меня бросишь, если я откажусь это делать?

– Я тебя брошу, если ты согласишься, – заверил он.

Надя взглянула просветленно.

У скособоченной калитки их домика, породив фонтаны грязи, притормозил «уазик». Жека в жизнерадостно-красных резиновых сапогах ворвался в дом:

- Эй, Полуяновы, сладкая парочка! Вы готовы?
- До восьми еще полчаса, – проворчал Дима.
- А одеть вас? Все проконтролировать?
- Будто мы маленькие, – улыбнулась Митрофанова.
- Да вы гораздо хуже!

Жека критически оглядел Надин серый свитер, черные брюки. Вскинул выщипанную бровь:

- Ты в этом на съемки собралась?
- Так дождь ведь. Грязь.

– И что? Сливаться со всей этой мерзостью? Надька! Сколько раз тебе повторять! Пятно в кадре – то есть ты! – должно быть ярким. Быстро веди меня в свой будуар – или где у тебя там шкаф?

Надя закатила глаза, но спорить не стала. Перед отъездом на съемки они подписали контракт, и там имелся пункт, что выбор и утверждение одежды для съемок лежат на телевизионщиках. Они же предоставили наряды – Надя считала, что безвкусные и чрезмерно яркие. Митрофанова отчаянно пыталась от них увиливать, но Анастасия с Жекой в два голоса убеждали: приглушенные тона на экране вообще не смотрятся.

– Ты что, хочешь быть самкой соловья? Серой мышкой?! – возмущался Жека (хоть его самого не снимали, парень одевался всегда пестрее, чем самый экзотический попугай).

Дима остался ждать в зале. Услышал веселый Жекин приказ:

- Давай молнию тебе расстегну!

И Надин ответный фырк:

- Отвали!

Усмехнулся. Чего Надя злится? Жека безопасный, девочки его не интересуют ни капли. Одна только патриархальная Надюшка и стесняется при нем раздеваться.

Полуянов принес себе кофе, развалился с дымящейся кружкой в продавленном кресле. Перебранка в спальне затягивалась:

- Не надену я желтое с зеленым шарфом, даже не надейся! – возмущалась Надежда.
- Черт с тобой, давай тогда желтое с фиолетовым.
- Еще хуже! Почему этот свитер нельзя?
- Потому что он красный.

- И что?
- Красное сегодня под запретом.
- Почему?
- Э-э... будет с фоном сливаться.
- А что у нас будет фоном? – Надюшка мигом сменила тон на ангельский.
- Ничего не скажу, – отрезал Жека. – Просто указание. Никакого красного. Все.

В итоге Надежда явилась перед Димой в желтой водолазке и фиолетовых леггинсах. Самого Полуянова за пару минут обрядили в ярко-белый свитер и синие джинсы.

– Он уделается через двадцать минут! – пригвоздила Митрофанова, когда увидела.

– Переоденем, – заверил Жека. – У нас белых свитеров – на пять дублей.

А Надя, едва сели в машину, испуганно шепнула Диме в ухо:

- Почему красное-то нельзя?
- Бог знает. Стены в коровнике, наверно, такого цвета.
- Стены в коровниках серые, – печально возразила Надя. – А красное запретили, потому что нас кровь пить заставят.
- Ты опять за свое?
- И белый свитер на тебе специально. Чтобы на нем алые пятна эффектно смотрелись.
- Жека! – Полуянов перекрикнул рев мотора и свист ветра. – Надюха боится, что вы сегодня будете кормить нас червями!

Редактор отвернулся от руля, демонически хмыкнул:

– Черви, милашка, это давно устарело. Вас ждет гораздо более жестокое испытание.

И радостно расхохотался, когда Надя изменилась в лице.

Ехали довольно долго. Двадцать километров ухабистой грунтовки вытрясли всю душу, но когда колдобин поуменьшилось, пошло куда веселее. Покосившиеся заправки неведомых марок и фанерные приюты для дальнобойщиков постепенно сменялись блеском известных логотипов.

- Цивилизация! – блаженно протянула Надя.
- Мы, что ли, в Грибовск едем? – оживился Полуянов.
- Размечтался! – хмыкнул Жека. – Ты контракт подписал – сидеть в деревне. Вот и сиди.

И свернул с уже почти безъямной трассы на очередную раскисшую тропу.

– О, нет!

По сторонам замелькали избушки. Опять деревня. Джип сбавил ход.

– Шило на мыло. Чего было тащиться? – буркнул журналист.

Впереди виднелся фургон ПТС. Операторы, осветители, видеомастера, ассистенты наперебой щеголяли разноцветьем резиновых сапог.

Жека подогнал джип вплотную к скособоченному сельскому домику. Полуянов начал было неспешно выбираться, но от крыльца к нему мигом бросились, подхватили под руки, затащили внутрь. Надя попыталась споткнуться, но и ее мигом запихали в помещение. Только и успела заметить через полурухнувший забор, что участок немаленький. И посредине вырыт огромный котлован.

А внутри оказалась наскоро оборудованная гримерка. Обоих мигом взяли в оборот. Грим, прически, петлички, скрытый под волосами наушник, наставленья редактора:

– Не сутулиться, не мекать, ногу на ногу не класть. Полуянов, рот открои! Широко.

– Зачем?

– Проверять тебя будем. А то полезешь в кадр со жвачкой.

– Что сегодня будет-то?

– Сначала просто поговорим, – отмахнулась Анастасия. Крикнула в пространство: – Начинаем?

– Мы готовы, – отозвался металлический голос режиссера-постановщика из развернутой в полевых условиях аппаратной.

Надю с Димой буквально швырнули на неудобные деревянные стульчики. И сразу понеслось:

– Камера, мотор?

– Мотор идет.

Появилась пейзанка-ведущая. Ее воздушное платье в цветочек от дорогого дизайнера в грубых декорациях избы смотрелось полным диссонансом. Но так, наверно, и надо, рейтинговое шоу – всегда игра против правил.

– Доброе утро, Надя, здравствуй, Дима, – поздоровалась девица ангельским тоном.

Ответить не дала. С ходу предложила:

– Хотите миллион?

О призе оба уже знали, поэтому не растерялись. Дима деловито спросил:

– В какой валюте?

– В рублях, но это тоже немало. Все молодые семьи сидят без денег, – улыбнулась красавица в платье за многие тысячи. И вкрадчиво спросила: – Только на что вы готовы ради этих денег?

– Реагируй, – прошипел в Надином наушнике злющий голос Анастасии.

Ее постоянно наставляли: ведущей надо не просто быстро отвечать, но перебивать ее. Спорить. Насмехаться. Даже ссориться. У Надежды раскрепоститься перед камерой пока не выходило. Характер не базарный, голос тихий. Да и попробуй вклинисья, когда пейзанка тараторит со скоростью три слова в секунду!

– Червей есть не буду, – все-таки всунулась с наболевшим.

– Придется. Сегодня после дождичка мы приготовили для вас целое ведро очаровательных, жирнейших экземпляров! – мгновенно отозвалась девушка.

– Дима, ты ведь обещал! – Надя вскочила.

Ухо взорвалось криком шеф-редактора:

– Сядь, дура!

Надя опять забыла: к поясу прицеплен передатчик, и если резко вскакивать, он обязательно упадет на пол. Поэтому возмущаться можно, но только сидя.

На лету подхватила черную коробочку, плюхнулась обратно на стул.

– А я ради Нади съем хоть два ведра ваших червей, – беззаботно произнес Полуянов. – Что в них плохого? Чистый белок. Не зря рыбам нравится.

– Надежда, а вы? На что готовы вы ради возлюбленного? – не отставала от нее ведущая.

В голове вертелись сплошные банальности. Одну из них Надя и произнесла:

– Я за Димочку жизнь отдам.

– Вот так. Красиво и лихо. – Девушка хитро улыбнулась. – А если ты будешь знать, что он тебе изменяет, все равно отдашь?

– Я умру за него, даже если он меня бросит. Я живу только для Димы.

– Какое трогательное взаимное пожертвование! – иронически выплюнула пейзанка. – Ладно. Говорить красиво умеют все. Посмотрим теперь на вас в деле. Итак, задание.

Надя обратилась в слух, но из аппаратной раздалось:

– Стоп. Снято.

А Надю с Димой заторопили:

– На улицу быстро! Пока дождя нет!

– Так что делать-то надо? – в отчаянии выкрикнула библиотекарша.

Рядом с ней неслась гример, пудрила на ходу нос. Жека бежал рядом, тараторил:

– Короче, ща пойдете в лабиринт. Там сундук, в сундуке миллион. Найдете – он ваш. Один дубль. Времени десять минут.

К Наде с Димой снова кинулись ассистенты. Нацепили на головы каски.

– Это зачем?

– Чтобы кирпич на башку не упал, – хмыкнул Жека.

Анастасия снисходительно объяснила:

– Не только для этого. Видишь, в ней глазóк? Это камера вмонтирована. Будешь сама себе оператором. Ну, и мы тебя будем снимать – с плеча. Спереди и сзади. Не смей идти молча. Обязательно говори. Можно материться. Плакать. Ругаться. Только не молчать. Ни в коем случае не молчать! Понятно?

Их провели мимо котлована, груды арматурин, внушительной горы мешков с цементом, спрятанных под целлофановой пленкой.

– А где лабиринт-то? – азартно спросил Дима.

– Вот! – Жека триумфально показал на выстроенные в четыре этажа ряды поддонов с кирпичами.

– Не понял… – пробормотал журналист.

– В одном квадратном метре – двести с чем-то кирпичей. Площадь дома – больше двух тысяч. В общем, завезли до хрена, – произвел подсчет Жека. – На штуки мы не считали. Но в длину – почти двести метров, в ширину – сорок. Между рядами – дорожки. Узкие. Вот вам и лабиринт а-ля рус.

– Какой ужас! – Надя ошеломленно отступила.

И немедленно нарвалась – ведущая кинулась к ней:

– Вы боитесь?

– Я…

– Ничего она не боится! – пришел на помощь Полуянов. – А я так вообще все детство лазил по стройкам.

Поддоны, поставленные один на другой, тянулись насколько хватало глаз. Сгруженые – как водится в России – небрежно. Не ровнехонько один над другим, а со сдвигом. Вторые снизу выглядели относительно устойчиво, но третьи-четвертые казались чрезвычайно шаткими.

– А если нас прибьет?! – истерически выкрикнула Надя.

– У вас есть каски. И страховка. Тоже практически «каско», – сострила ведущая. Задушевно обратилась к Наде: – Не расстраивайтесь. Если

Полуянов погибнет, мы дадим вам дополнительное время, чтобы отыскать миллион.

– Дима... – Митрофанова не сводила глаз с высоченной, но такой беспечно-непрочной стены. – Я... я не пойду.

– Посмотрим, сможет ли любимый ее уговорить! – лучезарно улыбнулась ведущая и отошла.

А желчная Анастасия – уже не на камеру – выплюнула:

– Можешь не ходить. Сразу вылетаешь из шоу плюс штраф за срыв съемочного дня. Как раз миллион. У тебя есть?

– Проходы очень узкие. Можно застрять.

– Да ладно. Не такая ты толстая, – фамильярно отозвалась шеф-редактор. – Мы, пока прятали сундук, прошли абсолютно спокойно. – И заорала: – Туча идет! Снимаем! Митрофанова, ныряй сюда! – показала ей на узкий лаз в левом крыле. – Полуянов, ты пойдешь с другой стороны! Таймер! Начали!

И Надя, словно в пучину, кинулась куда ей сказали. Одно утешало: сначала в лабиринт вошел оператор. Если что, кирпичи на него первого свалятся.

– Не молчи! – зашипел наушник голосом Анастасии.

– Итак, я вступаю на поиски сокровищ! – как могла беспечно произнесла девушка. – Дима, ты слышишь меня?

– Да, Надюха! – Голос приглушенный, словно придушенный. – Сундук должен быть наверху. Влезай на нижний поддон и заглядывай с него на третий!

Она немедленно выполнила указание. Но пока обследовала первые (явно пустые) тайники, оператор исчез. Митрофанова оказалась одна. Со всех сторон ее обступали кирпичи. Красные. Дорожка между поддонами становилась все более узкой, теперь ей приходилось протискиваться боком. Ветер усилился. Солнце окончательно скрылось в тучах. Над головой раздался зловещий скрип. Надя задрала голову. Самый верхний, четвертый поддон медленно, но неуклонно сползал. Прямо на нее. Она взвихнула и бросилась вперед. Сзади раздался грохот упавших кирпичей. Надя – чуть не впервые в жизни – выразилась непечатно.

– Надюха! – Голос Димы едва различим. – Ищи сундук!

– Тут поддон грохнулся! – взорвалась она.

– Да ладно! Пара кирпичей. Это специально для антуража. Все под контролем. Ищи!

Впереди сорвались еще два кроваво-красных бруска, разбились прямо под ее ногами.

– Плевать на сундук! Я боюсь!

Ветер завывал все сильнее. Бог знает, специально ли телевизионщики подлаживались под прогноз или погода, наоборот, спутала их планы.

Теперь не просто отдельные кирпичи – вся конструкция пришла в движение. Стены дрожали, верхние поддоны опасно шатались.

– Митрофанова. Полуянов. Встали. Не двигаемся. Пережидаем, – прозвучал в наушнике голос Анастасии.

Шеф-редактор впервые звучала не саркастически.

Небо заволокло тучей. Ветер взвыл еще яростнее. Поддоны с кирпичами, словно живые, покачивались, скрипели, бормотали.

– Полуянов! – гаркнула Анастасия. – Куда ты прешь?!

– Ищу сундук, – беззаботно отозвался Дима.

– Стоять, я сказала тебе!

Надя затравленно огляделась. Лабиринт пока еще держался. Но ветер усиливался с каждой секундой. Кирпичи, казалось, насмешливо улыбались, смыкаясь вокруг нее. И даже если прямо сейчас броситься к выходу – она не успеет!

И вдруг в наушнике раздался счастливый голос:

– Вижу сундук!

– Полуянов! Не двигайся! – взмолилась шеф-редактор.

А дальше послышался страшный треск. Грохот. Взрыв.

Надя затравленным кроликом обернулась: целый огромный поддон сдвинулся с места... поехал... рассыпался в осколки – в полу шаге от нее! Но где-то в глубине конструкции грохотало еще ужаснее.

– Надька! – услышала она Димин голос. – Черт! Меня завалило! Не могу! Дышать нечем! Помоги!

Любимый, судя по всему, находился в нескольких шагах – но в глубине лабиринта.

А кирпичи теперь летели со всех сторон.

Перед Надей было два пути. Один – в гущу этого ада. К Диме. Вытаскивать его. Спасать.

И второй – на воздух. На свободу. Серая полоска воли виднелась совсем рядом.

Она – в приступе животного страха – не колебалась ни секунды.

Антилопым скачком выскочила наружу.

И попала прямиком на оператора.

– Полуянов! Мы идем к тебе! Держись! – воскликнула Анастасия.

Ветер, словно по заказу, стих. Редакторская группа, водитель, ассистенты, линейные продюсеры, Жека – все бросились в глубь

лабиринта.

А Надя опустилась на жухлую траву и зарыдала. И когда спустя минут десять на волю вывели красного от кирпичной пыли Полуянова, к любимому даже не подошла. Ей было очень стыдно.

Еще и Анастасия подошла, добила презрительным:

– Эх, ты. Жена декабриста.

* * *

На весь следующий день деревня опустела. Телевизионщики не вылезали из штабной избы и ПТС – спешно монтировали очередной выпуск. Герои прятались по домам. В узком кругу переваривали свои победы и поражения.

Помимо могильного конкурса и кирпичей снимали еще две испытания: падение в ледяную по осеннему времени реку с быстрым течением. И полет – по счастью, со страховкой – с пожарной вышки высотой метров в десять.

Пары – хотя теперь им общаться никто не запрещал – категорически не делились друг с другом пережитым. Но все было видно – по умирающим или печальным лицам.

Надя страдала ужасно. Повторила, наверно, тысячу раз:

– Димочка! Я сама не понимаю, что на меня нашло! Будто черт погнал к выходу!

А он, словно попугай, говорил:

– Забудь. Ты девчонка. Имеешь полное право испугаться.

– Но Кристи-то не боялась! – точила себя Митрофанова.

– Да ладно. Тоже орала.

– Пару секунд. А я просто тебя предала!

– А что бы ты могла сделать? Как Атлант, удерживать сотни кирпичей на плечах?!

– Я должна была бежать не к выходу, а к тебе!

– Зачем? Меня прекрасно спасли.

– Но тебя должна была спасти я! Вот ты бы бросился ко мне, если бы меня завалило?

– Нет, конечно!

– Врешь, – вздыхала девушка. – Ты бы меня спас. А я трусиха позорная.

– Ты не трусиха, а слабый пол. Митрофанова, хватит себя казнить!

Куда обидней, что миллион не дали. Я сундук видел, понимаешь! Уже руку к нему протянул – и тут все рухнуло!

– Да при чем здесь миллион! – кручинилась она.

Надя прекрасно помнила, какое у нее было лицо, когда она отчаянно бросилась к выходу. И помнила оператора, который немедленно поймал ее в кадр. Теперь вся страна узнает, что Митрофанова – предательница.

Оставалось надеяться, что кто-то из участников проявил себя еще более позорно.

* * *

«Свадьба навылет» с первого эфира начала собирать приличные рейтинги по стране, но в Грибовске шоу считали «своим» и просто боготворили.

Когда по телевизору шел очередной выпуск, городок вымиral. Те, кого эфир заставал на рабочем посту, тоже смотрели хотя бы одним глазком. Позывные передачи («Героическая симфония» Бетховена в современной обработке) неслись из магазинчиков, поликлиник, сторожек охранников.

Съемочная группа иногда наведывалась в городок, и каждый раз за телевизионщиками брали зеваки. Местные жители старательно собирали информацию, передавали из уст в уста: юные очаровашки-ведущие обязательно покупают на рынке хурму сорта «Королек», а желчная шеф-редактор Анастасия страшно ругается, если в главном супермаркете города не находится ее любимых сигарет.

Герои шоу быстро стали в Грибовске «своими людьми», почти родственниками. Пусть жили местные небогато (не разгуляешься, когда в городе единственное предприятие, и то хозяева там китайцы), все равно щедро слали эсэмэски в поддержку любимчиков. Считали: сэкономленные пятнадцать рублей миллионером не сделают. И сто пятьдесят не разорят.

После второго тура безусловными лидерами стали Артур с Кристиной. Хозяева двух городских «качалок» не успевали продавать абонементы – к ним потянулась молодежь, возжелавшая слепить себе столь же совершенные тела. Но свои почитатели имелись и у трусливой библиотекарши, и у хабалистой Василиски. Нравилась горожанам и еще одна колоритная пара: кандидатка наук Прасковья, очкастая, ужасающе умная, и совсем на первый взгляд не подходящий ей жених – простой немногословный автослесарь Александр.

Психиатр Федор Матвеевич продолжал ломать голову, какое-то зло

принесли в их края телевизионщики. Лично он пока видел одну лишь пользу. За неделю, что идет «Свадьба навылет», заявлений в загс подали больше, чем за месяц. И в магазинчиках местных праздник: денег москвичи не экономили, скупали исключительно премиум-класс.

Но Василий-то прежде не ошибался!

Доктор принес из дома маленький телевизор, установил в собственном кабинете и дисциплинированно водил на каждый эфир предсказателя. Тот никаких подробностей не давал. Но каждый раз приходил во все большую ажитацию, когда на экране появлялся породистый, не юный уже мужчина по имени Анатолий из города Новосибирска. Федор Матвеевич никак не мог понять, почему блаженный прицепился к бедняге. На шоу тот себя проявлял весьма достойно: немногословный, хозяйственный (судя по первому конкурсу). Бесстрашный и сильный – если вспомнить конкурс второй. Его подруга упала в местную речушку. Хоть та и называлась несерьезно – Малявка, но течение имела сильное, да и погода – многие в пуховики одеты. Камера сразу после снопа брызг дала крупный план Анатолия, и на его лице даже грана сомнения не мелькнуло. Немедленно кинулся в воду, легко доплыл. Потерпевшая пребывала в истерике, свойственной утопающим, но герой ее даже за волосы не хватал – обнял уверенной рукой за плечи, шепнул пару успокаивающих слов, и Алла перестала вопить от ужаса. Легла мужчине на плечо и даже помогала, ногами подгребала, пока к берегу плыли.

Однако Василий продолжал брызгать слюной, тыкать пальцем в экран, утверждать:

– Он всех нас уничтожит!

Федор Матвеевич предлагал версии:

– Это убийца? Террорист?

– Нет, – тряс бородой сумасшедший.

Однажды упал на колени, уткнулся головой в пол, зарыдал:

– Он болен! Страшно болен!

Начал биться, а в кабинете-то кафель. Пришлось санитаров звать.

Когда несчастного увели, Федор Матвеевич бережно извлек из сейфа планшетный компьютер (коллеги подарили на юбилей). Дома дорогую игрушку держать не мог – дети мигом бы ноги приделали. Но на работе, когда минута свободная выпадала, наслаждался. Любимые фильмы пересматривал, сериалы поглядывал – хорошие, западные. Из самых интересных – имелось такое хобби – делал нарезку. Зачем, например, в тысячный раз «Родину» пересматривать, если у него оттуда всего несколько эпизодов любимых?

Нынче умение монтировать решил использовать для работы. Прокрутил три часовых выпуска «Свадьбы навылет», выбрал все моменты, где участвовал Анатолий. Соединил. Получилось на круг двенадцать минут.

Внимательно просмотрел. На крупных планах делал паузы, вглядывался – не как зритель, как врач. С точки зрения психиатра, никаких отклонений не увидел. А с точки зрения терапевта, инфекциониста? Может быть, лихорадочный блеск в глазах, нездоровая бледность или, наоборот, румянец? Но нет. Кожные покровы чистые, тело тренированное. На животе – мышцы-кубики. Даже мелочей вроде начальной стадии варикоза или легкого искривления позвоночника не увидел. Полностью здоровый человек.

Однако предсказатель тоже еще ни разу ни на кого напраслину не возвел. И потому в пятницу ближе к вечеру Федор Михайлович напросился на рюмку чаю к главврачу городской больницы.

Савелий Юрьевич когда-то считался лучшим на всю область диагностом и клиницистом. Административная работа поубавила лечебного опыта, но нюх – особый докторский дар видеть пациента нас kvозь – у коллеги остался. В Грибовске рассказывали, он даже раздеваться не заставляет – увеличенную печень сквозь пиджак видит. Хотя от человека и перегаром в этот день не пахнет.

Едва Федор Матвеевич включил свой клип, главврач молвил:

– Где-то я видел этого гражданина.

– «Свадьбу навылет», наверно, смотрите, – усмехнулся Федор Михайлович.

– Точно! – Савелий цепко взглянул на экран, свел к переносице брови. – И чего ты от меня хочешь?

– Да предсказатель мой уверяет, что болен человек. Серьезно. – Психиатру вдруг стало стыдно за свои антинаучные методы.

К счастью, Савелий Юрьевич – далеко не молодой докторишка-агностик. Насмехаться не стал. Попросил перемотать в начало. Просмотрел самым внимательным образом, только после изрек:

– На нем пахать можно. Минута в ледяной воде и никакой одышки дорогостоящего стоит.

– Инкубационный период у того же ВИЧ – до трех месяцев, не мне тебя учить.

– Ну, настолько глубоко я заглянуть не могу, – развел руками Савелий Юрьевич. – Только ты сам хотя бы на его ногти посмотри. Чистюля. Педант. Такие в случайные половые связи крайне редко вступают. Потенциальные вичевые совсем по-другому выглядят.

– Значит, сбой случился у моей Ванги бородатой, – вздохнул Федор Матвеевич.

– Может, и сбой. Но давай на всякий случай просветим его, – предложил Савелий Юрьевич. – На другой предмет.

– Как?

– Полисмена нашего главного попрошу. Пусть его по базам пробьет.

– Вряд ли что даст. Шоу на всю Россию идет, конкурс был мощный. Анатолия, прежде чем взять, наверняка тысячу раз проверили. И по медицине, кстати, тоже.

– Паршивые овцы везде проскакивают. Помнишь, какого-то парня из «Дома» за наркотики посадили? Давай и мы преступника выявим. С помощью твоего предсказателя. Прославимся заодно, – подмигнул главный врач.

И щедро сдобрил дымящиеся чайные чашки коньяком.

* * *

После второго конкурса Надя с Димой мигом вылетели из первой тройки и теперь болтались то на последнем, то на предпоследнем местах. Хотя сама Митрофанова считала – она повела себя безоговорочно хуже всех.

Вторая пара – тоже кандидаты на вылет – те хотя бы публику повеселили. Участвовали в «могильном» конкурсе, упали оба, девица бесконечно долго визжала, потом забилась в дальний от трупа угол и начала повторять, будто пластинку заело: «Я сплю. Мне все это снится». А ее спутник после нескольких безуспешных попыток выбраться принял ворить: «Я сдаюсь! Выпустите меня отсюда!»

Вроде бы ясно, кого выгонять, но в поддержку комической пары тоже присылали эсэмэски. То ли по приколу, то ли из жалости.

За голосованием зрителей можно было наблюдать на сайте «Просто the best» в режиме онлайн. Данные менялись каждые полчаса, и Надя совершенно извелась, наблюдая, как их пара то взлетает на предпоследнюю строчку, то грохается вниз, на вылет.

Полуянов (хотя и декларировал постоянно, что «Свадьба навылет» – пустая трата времени и вообще издевательство) тоже занервничал. Вместо ужина ушел бродить в ночь, под дождь. Вернулся – первым делом посмотрел обновленные рейтинги. Они с отрывом в тысячу голосов стояли последними.

И тогда Дима мрачно сказал:

– Тебе, Надька, каяться надо!

Она взглянула затравленно:

– Дим! Да я что угодно сделаю, только прости меня.

– Да не мне кайся!

– А кому?

– Перед людьми челом бей.

– Как?

– Интернет нынче правит миром. Срочно в соцсети пиши. Во все. В моем блоге выступишь. Кудряшова своего попроси. И для «Молодежных вестей» дашь душераздирающее признание. Только безо всякой логики. Начнешь оправдываться – мол, все равно ничем помочь не могла, – вообще распнут. Ключевые слова: ничего не соображала. Не помню, как убегала. Бес вел. Простите. А я под твой плач Ярославны научную базу подведу. Мол, состояние аффекта. И почему девчонок не берут в спецназ.

– Все решат, что я полный ноль, – вздохнула Надя.

– Ничего. Зато нулей всегда жалеют. А у тебя еще будет шанс себя проявить.

И Митрофанова под чутким руководством будущего супруга написала покаянное письмо. Отправила Артему. Разместила в «Одноклассниках», «Фейсбуке», «В Контакте». Не сомневалась: виртуальных друзей у нее с гулькин нос, и это выступление никто не заметит. Потом выпила четыре таблетки валерьянки, бросила на столе неубранную посуду и отправилась спать.

А утром Полуянов – ночной птаха – с хитрой улыбкой спросил:

– Знаешь, сколько народу тобой возмущены?

– Вся страна.

– Нет. Только пятьдесят четыре человека. А как думаешь, сколько ты собрала лайков?

– Ноль.

– Тоже нет. Почти десять тысяч.

– Да ладно! У меня всего сто подписчиков!

– Они делали перепосты. Артем в твою честь выступил. Ну, и я ссылки давал. Плюс материал написал срочно в номер. Завтра выйдет. Еще тысячу триста народу прочтет.

– Димка, спасибо тебе! – бросилась на шею.

– Но за всей этой суетой я забыл, что на столе остыпало мясо.

– И что? – Счастливая улыбка сползла с лица.

– Его кто-то унес, – виновато развел руками.

Надя всплеснула руками:

– Крысы! Какой кошмар!

И начала спешно натягивать одежду:

– Я прямо сейчас пойду к Жеке. Пусть он дает мне крысида. Откуда хочет берет!

– Иди, – улыбнулся Полуянов. – Похоже, в шоу мы остаемся. И эти твари дома нам ни к чему.

* * *

Надя явилась из штабной избы безо всякого крысида, но с растерянным лицом:

– Дим, ужас! Через полчаса съемки!

Полуянов любовался обновленными рейтингами – их пара теперь находилась на почти конкурентоспособном, шестом месте. Обернулся к подруге, хладнокровно спросил:

– И что на этот раз?

– Слухи жуткие, – вздохнула Митрофанова. – Но точно никто не знает. Кандидатка наук уверяет – будет детектор лжи. Причем если совершишь, током долбанет. А Василиса подслушала – в роддом едем.

– Куда?!

– Соревноваться, кто быстрей младенца запеленает. Мамаши детьми рисковать отказались, но нам вроде обещали отказников дать.

– Ты в это веришь? – усмехнулся Полуянов.

– Я просто ничего хорошего не жду, – мрачно отозвалась Митрофанова.

– И зря боишься. Я детей пеленать умею.

– Ну-ка, поподробнее! – сдвинула брови Надя.

– Нам прaporщик в армии говорил, когда портянки учил вязать: «Вот так и с младенцами надо!»

Надя улыбнулась:

– А я на куклах тренировалась. Значит, справимся!

Однако их вообще никуда не повезли. Жека обежал дома, предупредил:

– Через час всем быть в павильоне.

Хотя они жили в Селютине уже четвертый день, там пока не снимали. Полуянов – когда бродил по деревне – пытался исследовать павильон, но окна оказались занавешенными, а двери запертыми.

Однако сегодня вокруг ангары кипела суeta, народ то и дело

выскакивал в стоящую рядом ПТС или покурить. Надя обратила внимание: обычно закаленные – чуть не в майках щеголяли – телевизионщики сегодня дружно нацепили фирменные бушлатики с логотипом канала.

Когда вошли в павильон – поняли почему. На улице серебрился первый снег, но отопления не имелось. Из внушительных щелей в стенах веяло холодом. От силы десять градусов, но за счет сырости казалось – ноль, не выше. И никаких, конечно, тебе кофейных автоматов, кулеров и печеньшек. Полный аскетизм. Даже зеркал в гримерке не было.

Пока героям торопливо накладывали тон, Анастасия выступила с краткой речью:

– Сидеть тут, никуда не шляться. Кому в туалет – бегом на улицу, там две кабинки. Курим тоже оперативно. Через десять минут мотор.

– А чего будет-то? – притопнула ножкой Василиса.

– Ваши чувства проверим, – усмехнулась шеф-редактор.

– Как?

– Увидите.

– Какой формат хотя бы? – всунулся Полуянов.

На него – практически коллегу – Анастасия хотя бы не рявкала. Сейчас тоже снисходительно отозвалась:

– Мозг включи. Если павильон – значит, формат ток-шоу.

И ушла.

– Коза, – буркнула ей вслед Василиса.

Но обсудить шеф-редактора не успели. Явился Жека, рассыпался в наставлениях:

– Сейчас все дружно в студию, садитесь куда скажут. По моему сигналу хлопаем. Обязательно реагируем. Визжим, смеемся, плачем. Кто хочет задать вопрос – с места не орать. Поднимаем руку – к вам подойдут с микрофоном.

Василиса и к нему с вопросом:

– Мы будем опять соревноваться?

– О да, – ухмыльнулся парень. – Будете за своих мужиков драться.

И тоже вышел.

Алла – спутница Анатолия – с досадой произнесла:

– До чего противно, когда не знаешь, что тебя ждет! Я-то всегда считала – эти шоу обязательно с репетицией снимают.

– С ума сошла, – усмехнулся ее жених. – Это только артисты с репетицией сыграть могут. А телевизионщикам твоя живая реакция нужна.

Больше ничего обсудить не успели – лица сегодня нарисовали совсем насико и сразу повели в зал рассаживать.

Студия оказалась – как в сотнях других ток-шоу. Только обычно в них жарко, а здесь отовсюду дуло, никакие софиты не спасали.

Сцена – самая обычная, с подсветкой и двумя диванчиками. Зрительский амфитеатр – совсем небольшой, человек на тридцать. Там разместили участников. Их ряды разбавляли несколько смущенных, принаряженных старишек – Жека сказал, из Шибаева специально местных жителей привезли. Остальные места заняла редакторская группа, линейные продюсеры, гримеры, режиссер монтажа.

– Аплодисменты! – заорал Жека.

Студия послушно зааплодировала.

Сцена осветилась тревожно-желтым сиянием. Ведущая – сегодня она была одета в неожиданный мужской костюм с галстуком – лучезарно улыбнулась в камеру:

– Приветствуя всех наших участников и гостей на очередном – и понастоящему убойственном! – конкурсе!

– Младенцев здесь явно не будет, – закатил глаза Полуянов.

– А чего это она так вырядилась? – подозрительно прошептала Надя.

Обращалась к Диме, но к ней немедленно бросилась ассистентка с микрофоном:

– Вопрос от участницы!

– Слушаю вас, Надя, – покровительственно улыбнулась ведущая.

Делать нечего.

– Почему вы сегодня так странно одеты? – спросила на всю студию Митрофанова.

– А на кого я похожа? – кокетливо поинтересовалась девица.

– На танцовщицу кабаре, – буркнула Митрофанова.

– Еще версий?

Лес рук не взметнулся, но один из местных старишек робко вскинул два пальца. Дождался микрофона, высказался:

– У нас, когда еще колхоз был, председательша так одевалась.

Жека бурно зааплодировал. Участники вяло поддержали. Ведущая улыбнулась.

– Нет. Это костюм психоаналитика. Сегодня мы с вами проведем сеанс психоанализа. Вытащим на свет божий то, что очень вас беспокоит. И о чем вы наверняка хотели бы забыть.

Камера безжалостно прошлась по растерянным лицам участников.

А телевизионщица проникновенно продолжала:

– У каждого из нас обязательно есть своя тайна. Обида. Порок. Преступление. Мы обычно храним их в дальних закоулках памяти.

Стараемся уничтожить. Но сегодня нашим участникам придется вспомнить о своих тайных пороках. Вряд ли они рассказывали о них своим будущим супругам.

Ведущая передвинулась к диванчику, указала на него изящной дланью – жемчужные запонки рубашки заискрили в свете софитов.

– Вот оно, мое место работы. И первым я приглашаю сюда...

Камеры снова переместились на лица участников. Надя изо всех сил постаралась принять жизнерадостный вид. Полуянов, сам того не замечая, закусил губу. Митрофанова ткнула его в бок, сделала страшные глаза. Дима расслабил лицо, вымученно улыбнулся.

– ...приглашаю сюда Василису Коробченко!

Полуянов облегченно откинулся на спинку.

А Василиса – без тени страха на лице: мне, мол, скрывать нечего! – проследовала на сцену.

– Устраивайтесь поудобнее, можете снять обувь, положить ноги, – обволакивающим тоном обратилась к ней ведущая.

– Зачем это еще я разуваться буду? – искренне удивилась девушка.

– В кабинетах психоаналитика так принято, – снисходительно пояснила теледива.

– Нет уж. Без каблуков ноги короткими кажутся.

Взрыв смеха.

Красавица с микрофоном слегка наморщила лобик – она всегда так делала, когда слышала в наушник указания из аппаратной. И вкрадчиво спросила:

– Василиса, зачем вы приехали в Москву?

Надя заметила: одна из камер не сводит глаз с нескладного спутника красотки, спортсмена-«шестидесятника» Николая.

Но девушку вопрос ни капли не испугал:

– А зачем в столицу из провинции едут? Мужа хотела найти с квартирой.

– Во наглая! – Митрофанова с интересом обернулась на будущего супруга милашки.

Но мужчину признание невесты, похоже, не шокировало ни капли.

– У вашего жениха есть жилье?

– Да. Двухкомнатная, – не без гордости доложила Василиса.

– А чем вы занимались до того, как познакомились с Николаем? – беззаботно поинтересовалась ведущая.

– Думаете, врать буду, что в институт поступала? – усмехнулась Василиса. – Куда мне, даже в Пачулках наших несчастных – и то еле трояки

натянули. В актрисы тоже не пыталась. Знаю, таланта нету, а за жалкий эпизод с каждым спать – у меня принципы есть.

– Это хорошо, что у вас есть принципы, – сладким голосом отклинулась ведущая. – Скажите, вот ваш поезд прибыл на вокзал. Что было дальше? С чего началась ваша жизнь в столице?

– Ну, сначала все суворо: сняла койку в общаге за триста рэ. Комната на восьмерых, туалет на этаже. По ночам узбеки ломятся. Раздавала рекламки, «бутербродом» ходила для шиномонатажа.

– «Бутербродом»? Это какие-то секс-услуги? – немедленно встряла теледива.

– Секс-услуги – это «столик» называется, – парировала Василиса. – А «бутерброд» – работа приличная. На пузе и спине надо рекламу таскать. Холодно, жарко, дождь – все равно стой. Денег крохи, матери послать нечего.

– Тяжело приходилось? – «Психоаналитик» старательно изобразила сочувствие.

– Ну, я ж какие-то пути все время искала! – приосанилась участница шоу. – Приехал к нам один бизнес покрышки менять, на меня глаз положил. И в секретарши взял.

– А вы умеете печатать, знаете иностранные языки?

– Да какие там языки, – отмахнулась девица. – Я по другому делу секретарша была. Кофе сварить, ну, и сами понимаете, что еще.

На большом мониторе отражался рейтинг героев. Василиса сидела к нему спиной, но Митрофанова прекрасно видела: эсэмэски в ее защиту лились ручейком, и он медленно, но неуклонно становился похожим на реку.

Народ не осуждал – искренне сочувствовал.

– Вот, блин, Сонечка Мармеладова! – прошептала Митрофанова.

А жених – тот практически соколом выглядел. Неприкрыто гордился, что вытащил свою возлюбленную из болота.

– Как вы познакомились с Николаем? – продолжила ведущая.

– Я топиться шла, – сообщила Василиса.

– Зачем?

– Бизнюк мой корешей созвал в сауну. На терки. А мне велел, чтоб я каждого из них обслужила. Ну... как женщина. Причем непотребно. Хоть так, хоть сяк, хоть во все места разом. На хор, короче, думал поставить. А я девка, что ли, продажная? – насупила брови с искренним гневом. – Вот и ушла от него.

Студия – безо всякого сигнала – зааплодировала. А девушка в мужском

костюме вкрадчиво произнесла:

– Вы соглашались спать со своим работодателем, но вы не проститутка, верно я поняла?

– Верно, – горячо согласилась Василиса. Убежденно добавила: – Да вы хоть кого спросите, кто Москву покоряет! Начальникам давать всем приходится. Но за деньги или там с толпой – это надо вообще быть без принципов.

– Я поняла, – сочувственно кивнула ведущая. – Пробиваться всегда тяжело. Но давайте дадим высказаться и второй стороне. В нашей судии – гость, приехал к нам из Москвы. Иван Викторович! Тот самый, как говорит Василиса, бизнюк.

– Ой... – Героиня зажала ладошкой рот.

– Вы не хотите с ним увидеться?

– Да он сейчас врать про меня будет! – с возмущением выкрикнула девушка.

– Ничего. Мы быстро разберемся, кто из вас врет, – заверила психоаналитик.

Жека подал сигнал аплодировать, и из-за кулисы явился рыхлый, нездороно бледный, с парой волосинок на лысине экземпляр. На Василису едва взглянул. А вот ведущей преданно улыбнулся.

– Садитесь, пожалуйста, Иван Викторович. – Девушка указала на соседний диванчик. – И расскажите нам, за что именно вы выгнали Василису.

– Да деньги она воровала. Бумажник вообще не оставь, – доверительно произнес рыхлый. – Причем внаглу тащила. Не пятисотку там, не тысячонку – десятку могла стырить, а потом глазами хлопала: ты, мол, сам потерял.

– Да что ты гонишь! – взвилась героиня шоу.

Но к ней немедленно кинулись двое охранников. Сели по обе стороны. Один что-то шепнул – девушка умолкла.

– Расскажите, пожалуйста, про пятерых ваших коллег. Вы правда заставляли свою секретаршу вступить с ними в интимные отношения?

– Да не заставлял я, – хмыкнул Иван Викторович. – Она сама просилась.

– Ты че несешь, козел?! – снова взорвалась Василиса.

– Да ты за деньги на что угодно готова, – с презрением парировал бизнесмен.

– А сам? Что ли, бесплатно сюда пришел? Сколько тебе заплатили, чтобы меня помоями облил?

– Верный способ себя обелить – начать обвинять другого, – усмехнулась телевизионная красавица. – Однако в нашем распоряжении есть видеозапись. Давайте вместе ее посмотрим.

Свет мигом погас, на заднике сцены обнаружился большой белый экран. Качество съемки неважное – как всегда бывает с камер видеонаблюдения, но покорительница столицы Василиса – она сидела на коленях у Ивана – узнавалась прекрасно.

Надя снова покосилась на Николая. Тот сейчас выглядел будто ребенок, у кого только что отняли долгожданный новогодний подарок.

– Не во всем ты ему покаялась, – злорадно заметила Митрофанова.

Перевела взгляд на Диму, но в его лице увидела не злость, а сочувствие.

А эротично шелестящий голосок Василисы на экране вопросил:

– Ванюша! Подумай сам: зачем тебе девочек звать? Я и сама твоих друзей развлечу. Хоть язычком, хоть любым другим способом. Ты мне только дай по десятке за каждого – и все довольные уйдут, сам увидишь. Что для тебя полтинник? А я мамке пошлю, ей совсем худо.

Иван с экрана грубо хохотнул:

– Дорого просишь, цыпа. Зачем мне пятьдесят косарей распылять? Сейчас кризис. Цены упали. Я девок – самых разных – по трешке сниму. Оно и мужикам интересней, когда ассортимент.

– Ванечка, – молитвенно сложила на груди руки, – да что они могут, эти твои колхозницы! А я, сам знаешь, кого хочешь на седьмое небо унесу!

– Ладно, Василиска. Уговорила. Полташку не дам, но тридцать отслюню. Но только старайся – чтобы все счастливыми ушли!

Экран погас.

– Монтаж! – хрипло выкрикнула Василиса.

Ведущая реплику проигнорировала. Обратилась к бизнесмену:

– Зачем вы сделали эту запись?

– Да я в своем кабинете всех пишу, – пожал плечами тот. – Мало ли, зачем пригодится.

– Спасибо, Иван, – улыбнулась ведущая.

Повернулась к Василисе:

– Вы многое рассказали своему жениху. Но сейчас он узнал о вас кое-что новенькое, не так ли?

Надя снова обернулась на Николая. Тот смотрел на Василису не с ненавистью – с искренней, мальчишеской обидой. Глаза влажные, по щеке катится слезинка.

Однако рейтинг пары – самое удивительное! – продолжал расти.

А Василиса вырвалась из лап охранников, бросилась на колени, эффектно проехалась на них точно до края сцены, воздела руки вверх, словно героиня оперы, завыла:

– Прости меня, Коля!!! Прости! У меня выхода другого не было!

Ведущая немедленно кинулась к ней:

– Вы голодали? Вам негде было жить?

– Я ей хату снимал. И пятьдесят штук в месяц давал. На булавки, – всунулся Василисин покровитель.

– У меня просто мама больная... Неизлечимо! Ей надо было денег постоянно посыпать! А как мне еще зарабатывать?!

– Чем она больна? – сочувственно поинтересовалась ведущая.

– Рак у ней. В последней стадии.

– Но при этом ваша матушка работает оператором машинного доения. На полторы ставки, – проявила осведомленность психоаналитик. – А руководить производственной линией на ферме – дело для очень физически крепких.

– Чего делать остается, если лекарства не на что покупать?! – хрипло выкрикнула Василиса. – Промедол вколет, зубы сожмет – и вперед!

– У нас прямое включение из Пачулок, – объявила ведущая. – Перед вами Алина Дмитриевна, лечащий врач Василисой мамы.

Свет в зале снова погас. Несчастная невеста бросилась на диван лицом вниз.

А принаряженная, с аккуратно подведенными глазками докторица, явно волнуясь, объявила:

– Коробченко Галину Антоновну я осматривала два дня назад. Никаких отклонений в состоянии ее здоровья не обнаружила. Кровяное давление в норме, флюорография, кровь на онкомаркеры – все в идеальном порядке. Никаких даже малейших подозрений на рак у меня нет.

К Николаю подскочила ассистентка:

– Василиса вам тоже рассказывала, что у ее мамы рак?

Мужчина убитым голосом отозвался:

– Да.

– Вы по-прежнему готовы на ней жениться? – перехватила инициативу ведущая.

– Коленька! Пожалуйста! Я у тебя всю жизнь в ногах валяться буду! – взвыла Василиса, вскочив с дивана.

На лице жениха читались мучительные сомнения.

– Колечка! Ну, хочешь, на цепь меня посади! Я больше никогда ни с кем! – умоляла Василиса. – А про мать наврала – сама не знаю зачем! Я

ведь денег у тебя не просила, не воровала!

– Я тебя жалел. Хотел помочь. Думал, ты душой чистая... хотя и нелегко в жизни пришлось... – тихо произнес жених. – А в тебе столько грязи оказалось!

Голос его сорвался, и он поспешил, спотыкаясь, кинулся прочь из студии. А Василиса так и осталась лежать на сцене мертвым телом.

– Снято! – провозгласил металлический голос из аппаратной.

* * *

Когда герои после съемок всей гурьбой вышли из павильона, Анатолий, ни к кому особо не обращаясь, вдруг объявил:

– Я настойку сделал. Рябину на коньяке.

Кандидатка наук Прасковья – будто ждала подобного заявления – пропищала:

– А у меня французский сыр есть. До сих пор сохранила! Хорошо с настойкой пойдет.

– А у меня водяра, – усмехнулся Артур.

– Тоже мне спортсмен, – поддел Анатолий.

– Так я не пить брал. На растирку, если простуда. Но там не палево, не отправимся.

Надя хихикнула. А Дима предложил:

– Давайте, правда, вечеринку устроим!

– А нам можно? – удивилась Алла.

– Официально нельзя. Но кто проверять будет? Цербера монтировать ушли. Удался у них денек!

– Да уж, – помрачнел Анатолий. – Такая пара была милая – все разрушили!

– Зато у шоу рейтинг, – хмыкнул Полуянов.

– Приходите все к нам, – гостеприимно предложила Надя. – Через часок. Я салат из курицы с сухариками сделаю. Под настойку тоже неплохо пойдет.

В итоге только Николай с Василисой в гости не явились. А все остальные участники пришли.

Когда выпили по первой, Артур задумчиво произнес:

– Если так копать, можно каждого завалить.

– Ну, не знаю! – возмутилась Кристина. – Я вот в жизни ничего подлого даже близко не делала. За что меня цеплять? Что в школьном

журнале один раз себе пятерку нарисовала?

– Да, ты святая, – буркнул ее жених.

А кандидатка наук всунулась с пояснениями:

– Может быть, и святая. Заметьте: Николая-то никак не прижали.

Значит, у этого чудика грехов нет.

Кристина очаровательно улыбнулась:

– Если я святая, значит, это ты, Артур, от меня что-то скрываешь?

Тот закусил губу.

Девушка беззаботно прочирикала:

– Быть такого не может.

– Давайте выпьем, – мрачно предложил Анатолий.

Полуянов щедро наполнил пластиковые стаканчики – рюмок на всех не хватило, а наливать спиртное в чашки Митрофанова сочла совсем уж неэстетичным.

Кристина обвела взглядом мрачные лица и вдруг предложила:

– Друзья, а давайте съемочной группе свинью подложим! Сейчас все сами покаемся! Без телекамер. В спокойной доброжелательной обстановке. Может, до съемок и простить друг друга успеем. Артурчик, милый! Скажи, что тебя беспокоит?

– Я чист как слеза, – поспешил отзвался спортсмен.

– А я бабу беременную бросил, – неожиданно произнес Анатолий.

Надя метнула быстрый взгляд на его спутницу Аллу. Но та никак не отреагировала.

– Случайно залетели? – уточнил Полуянов.

– Да. Но я сначала – как честный человек – пообещал: идем в загс. Она распашонки уже покупала. Квартиру присматривала. Планы строила. Я вроде смирился. Но однажды утром вдруг просыпаюсь и представляю: всю жизнь рядом с ней. В постели. В кухне. В отпуске. Садик. Школа. Второго захочет. И так стало тошно, что даже объясняться не стал. Сбежал.

– Эй, Алла! – окликнула Прасковья. – Ты чего молчишь? Знала об этом?

– Э... нет, – не слишком уверенно отзвалась женщина.

– Почему тогда в глаза его бесстыжие не вцепляешься?

– Зачем? – беззаботно отзвалась невеста. – Что было – то было поросло. Главное, что он меня любит – сейчас. Что мне до его прошлых приключений?

– Чрезмерный либерализм до добра не доводит, – пригвоздила ученая дама.

Митрофанова взглянула озадаченно. Она бы тоже, наверное, простила

Диме роман на стороне. Но простила – с отчаянием, со слезами и криком. А у Аллы лицо – будто ей на Анатолия совершенно плевать.

– Какие-то странные вы жених с невестой, – не удержалась она. – Равнодушные слишком.

Алла только плечом дернула. Анатолий усмехнулся:

– В каждой избушке свои погремушки.

И подмигнул Митрофановой:

– А что будет, если твоего Диму разоблачат? Тоже умчишься? Как Николай?

– Никогда. Димка – это мое все, – твердо сказала Надя.

– Пушкин – твое все, – передразнил Анатолий. – А Полуянов, нюхом чую, где-то нашкодил.

– Очень может быть! – снова встрияла кандидатка наук. – Я вчера мимо штабной избы проходила, слышала. Анастасия рассказывала про уборщицу из «Молодежных вестей». Ты ведь, Дима, в этой газете работаешь?

– Полуянов! – Митрофanova шутливо взяла любимого за грудки. – Я всегда считала, ты по молодым практиканткам специалист. Но уборщица?..

– Чушь. Нет у меня никакой уборщицы, – поморщился журналист.

И долил рябиновку по стаканчикам.

Надя взглянула встревоженно: пил сегодня Дима явно больше всех.

Но каяться ни в чем не стал.

* * *

Гуляли накануне не до смерти, но Полуянов все равно проснулся с больной головой.

– Димочка, я тебе блинчиков напекла! – крикнула Надя с кухни.

Еще вчера он хвастался перед операторами, сидевшими на «кинокорме», своей хозяйкой. Но сегодня хмуро буркнул:

– Достали меня твои блинчики.

– Что? – не рассыпалась Митрофanova.

– Сейчас иду! – покорно произнес в полный голос.

Коротко взглянул в зеркало. Лицо бледное. За окном – первый иней серебрит жухлую траву. Небо серое, под стать настроению.

Надюха (Дима давно понял, что в нее встроен радар, нацеленный исключительно на него) мигом налетела:

– Ты не заболел?

И рвется – нашлась мамочка! – лоб пощупать.

Увернулся. Молча сел. Митрофанова ловкой официанткой метнула на стол блюдо блинчиков, чашку кофе, варенье, сгущенку. Лишь потом поинтересовалась:

– Чего такой суровый?

Сказал честно:

– Злюсь, что повелся на это шоу.

– А я рада.

– Чему?

– У меня теперь в фейсбуке максимальное количество френдов! Пять тысяч. А было меньше ста. Только прикинь!

– Вот именно, что френдов. Посторонних людей, а не друзей.

– Зато некоторые даже замуж зовут, – улыбнулась Надюха.

– Из мест, не столь отдаленных?

– А для нормальных мужчин я что, не гожусь? – подбоченилась Митрофанова.

Он покосился на ее тренировочные штаны и бесформенный свитер. Но поминать, как когда-то подруга сервировала ему завтрак в одном лишь передничке, не стал: в доме холодрыга, печка за ночь почти остыла. Щели в оконных рамках Надька заклеила, однако вставать в три утра и подбрасывать дрова он ей запретил. Сам очаг тоже не берег – даже если просыпался, ленился отлепляться от теплого подругиного бочка и куда-то брести.

Нет, ссориться сейчас нельзя никак. Дима поспешно буркнул:

– Ты великолепна.

– Спасибо, – царственно улыбнулась Надя. И задумчиво спросила: – Как ты думаешь, Коля Василису простит?

– Никогда в жизни.

– А ты бы меня простил?

– Смеешься? У всех на глазах, перед камерами, придушил бы за такое.

– Не волнуйся, – заверила она. – У меня шкаф пуст. Трупов нет.

Во завернула!

Полуянов (на то и мужчина, самец) на сторону в отличие от своей преданной подруги поглядывал. Но когда соглашался участвовать в проекте, думал – ему тоже бояться нечего. Сюрпризы – буде они появятся – ожидал мелкие. Из тех, что любой может откопать в Интернете. Фотографию в обнимочку на корпоративе или любовное письмечко (читательницы иногда его баловали). Подумать не мог, что шоумены начнут копать, как сумасшедшие диггеры. Похоже, и полицейским приплачивают, и частным детективам. Бывшего работодателя Василисы нашли! С врачом из каких-то Пачулок прямое включение провели!

Надя подошла сзади. Обняла. Мимоходом все-таки пощупала лоб. Жарко шепнула в ухо:

– Димыч! Ты ждешь разоблачений? Да успокойся! Я тебе что угодно прощу. Даже внебрачного ребенка.

– Так я тебе и поверил.

– Почему нет? Мы его себе возьмем. Я уже давно созрела для малыша. Хоть и до приемного.

Уселись рядышком, взяла блинчик, откусила крошечный кусочек – опять, видно, худеет.

Вздохнула:

– Глянец учит: надо вашего брата на поводке держать. Чтоб ревновали, боялись потерять. Но я не могу. Я просто тебя люблю.

«М-да. Поддержала. – На душе стало еще более тошно. – Добро пожаловать на шоу: жертвенная овца и мужик-негодяй».

Если на всю страну прозвучит правда об уборщице из «Молодежных вестей», выглядеть он будет не слишком красиво.

* * *

Галинка – пожалуй, единственная из всей редакции – боготворила Москву. Когда аборигены жаловались на пробки, грязь, климат, возмущалась: «Ничего вы не понимаете! Такой красоты, как на прудах Чистых, нигде в мире нет. А с Воробьевых гор вид – прямо сердце в желудок падает».

Нигде в мире Галинка, впрочем, не бывала. Явилась в столицу из маленького городка за Уралом. Всем, кто не ленился послушать, живописала их фамильный барак с туалетом по коридору. Улицы – по колено в грязи. Стекловатный завод, где пару лет потрудишься – потом на всю жизнь кашель с кровью. Ничего, впрочем, нового для журналиста, который хотя бы минимально поколесил по стране.

Гая страшно гордилась, что смогла сбежать из жалкой клоаки и теперь трудилась аж в самих «Молодежных вестях». Уборщицей – кем, собственно, и была – никогда себя не называла. С гордостью сообщала, что она сотрудница службы клининга. Свои непосредственные обязанности – мытье мест общего пользования и коридоров – исполняла с грустным лицом. Зато расцветала прекрасным цветком, если могла кого-то порадовать. В подсобке всегда держала стратегический запас кофе с чаем. Кому лень самому в магазин – ретиво бросалась сходить и сдачу приносила

до копеечки. С днями рождения поздравляла, каждому со своей смешной зарплаты выкраивала грошовый брелочек из ларька, а для любимчиков могла и рукодельное печенье принести. И пусть мозгов хватило только девять классов окончить, главную журналистскую заповедь – что нужно уметь слушать – Галинка усвоила быстро и накрепко. Редакционные сноубы поначалу стеснялись плакать в жилетку какой-то уборщице. Но кому материал на летучке разнесут. У кого муж запьет, жена изменит, сын-подросток с катушек сорвется. Коллеги что? Снисходительно скажут: «Забей!» – и забудут. Зато Галинка всегда внимательно выслушает, покивает, утешит.

Полуянов считал себя выше того, чтобы причитать на плече у уборщицы. Но услужливой Галочке симпатизировал. Удивлялся – как у нее получается? В чужом городе, в общаге, без мужика, руки в цыпках, но никогда не скулит, не тычет сурово под ноги грязной тряпкой. Спросишь: «Как дела?» – всегда улыбнется задорно: «Лучше всех». Хотя туфельки в прорехах и под глазами круги – в общаге разве высстаться дадут?

Надька – та своей полноты стыдится, вечно худеет, а Галинка грудь немаленького размера носит с гордостью, верхняя пуговка аппетитно расстегнута, и брючки в обтяжку надевать не стесняется – пышные формы напоказ. Практикантов, кто пытался распускать руки, легко и весело отшивала, безобидным мастодонтам позволяла подержаться. У Димы, конечно, и в мыслях не было вожделеть сотрудницу клининга. Но поглядывал с удовольствием.

А однажды случился у них почти интим.

В тот день прямо из номера слетел выпестованный Полуяновым материал о дачах, «Мерседесах» и зарубежной недвижимости скромного помощника мэра. Коллеги – нос у всех по ветру – после планерки быстренько рассосались. Дима в полном одиночестве прошел к себе в кабинет. В ярости смахнул со стола папку с распечатками, вырезками, детализацией телефонных звонков – плод месячной работы. О чем теперь писать в проклятой газете? Бесконечно прославлять очередные километры плитки и велосипедные дорожки на загазованном бульварном кольце?

Дверь скрипнула.

Галинка. Лицо смущенное. В руках – дешевенький коньячок. Пролепетала:

– Будешь? То есть... будете?

Дима благодарно улыбнулся:

– Наливай.

Шлепнул на стол свою чайную кружку. Пробормотал:

– Сейчас и тебе найдем емкость.

– Не надо. – Девушка покраснела.

Но Полуянов быстро разыскал в ящике стола мятый пластиковый стаканчик.

Разлил.

Хватанули – он залпом, она – скромный глоток.

Но захмелела куда сильнее. Щеки алеют, голосок яростный:

– Знаешь, то есть знаете, Дима! Не расстраивайтесь! Ваш редактор – он трус просто! Или ему денег дали! Я бы вот на вашем месте статью за границу продала.

Полуянов не стал объяснять наивной девушке, что никого за границей не интересуют российские мошенники. Только печально улыбался и постоянно подливал. А когда бутылка наполовину опустела, абсолютно естественно получилось: уронил голову на ее покатое плечо, легко, как теленок ищет мамкин сосок, впился в пухлые губы.

Про то, что дома ждет Надька, даже не вспомнил.

Уборщица мигом сбросила маску утешающей мамочки – ответила на поцелуй с животной, яростной страстью. Инстинкт требовал швырять податливое тело на стол, рвать пуговицы ее рабочего халатика. Но Дима остатками разума и диким усилием воли отогнал искус. Освободился из жадных объятий. Пробормотал:

– Извини.

Ждал обид или бабских глупостей: «Тебе, наверно, противно – с уборщицей!»

Но Галинка лишь поднесла к губам его руку. Нежно погладила. Благодарно чмокнула в ладонь.

– Ты чего? – смущаясь Дима.

Она улыбнулась лучисто:

– Да просто так. Буду умирать – и вспомню. Что с самим Полуяновым целовалась.

– Глупость какая! – пьяно рассердился журналист.

И заворчал:

– И вообще, почему один коньяк принесла? Закуски, что ли, найти не могла?

– Сейчас. Да. Конечно.

Покраснела. Побледнела. Вскочила. Притащила твердые, как камень, «Коровки». Отсыревшие галеты. Зачем-то еще воблу.

– Под коньяк – самое то, – хмыкнул Полуянов.

Но рыбу очистил. Закусили. Он стремительно и мрачно трезвел.

Под помощника мэра Дима копал почти месяц и убедительно доказал: мелкая сошка воровала с размахом. Уводила государственные деньги нагло. Почти в открытую. Главнюга даже не пытался оспаривать Димину правоту. С напускной печалью вздохнул: «Ты отлично поработал. Но, к сожалению, нам нельзя ссориться с мэрией».

Все больше и больше тех, с кем нельзя ссориться. Только и остается – плюнуть на журналистику и, как Виктору Цою, пойти работать в котельную.

Саркастически подумал: «Надька будет в восторге».

И произнес виновато:

– Галюша. Я домой пойду.

Взглянула с грустью, но без тени обиды. Засуетилась:

– Сейчас. Подожди. На, держи, – вытащила из кармашка завернутые в салфетку кофейные зерна.

Ловко, будто заправская гардеробщица, подала Диме куртку. Заверила:

– Ты не волнуйся, я здесь все приберу.

Закрывал дверь кабинета – не оглянулся.

А когда на следующий день Галинка не вышла на работу – даже не заметил. Только через неделю ощутил: чего-то не хватает, спросил у секретарши главного Марины Максовны:

– А куда это Галочка наша подевалась?

Та удивилась:

– Не знаешь, что ли? Уволили ее.

– За что?

– В запой ушла.

– Как вы сказали?

– Ну, она кодировалась когда-то, – вздохнула секретарша. – И держалась. Уже много лет. А тут вдруг сорвалась. Запила. На работу не вышла. Когда главный наш вразумить ее решил – нахамила.

Дима последний раз краснел, будучи в девятом классе пойманым мамой с сигаретой. Но сейчас чувствовал, как по лицу разливается предательский багрянец. Пробормотал:

– А где она теперь?

– Не знаю, – ответила Марина Максовна. – В общежитии, наверно. Если еще не выгнали. Дать тебе адрес?

«Вот я козел! – покаянно подумал Полуянов. – Точно: Галка ведь никогда не пила. Только других угощала. Как я не замечал?! Все закодированные так делают. А я сам ей налил – и отказаться она не смогла...»

Что теперь было делать? Извиняться? Смешно и мало. Нужно найти ей нарколога, клинику, а потом новую работу.

Дима отправился в общежитие в тот же вечер. Но Галинка оттуда уже съехала. Куда – никто не ведал. А прилагать усилия, чтобы ее найти, Полуянов не стал.

И вычеркнул – не без облегчения – из жизни тяжелый эпизод.

* * *

Одеваться самим сегодня не позволили.

С утра явился Жека, и это уж точно означало Голгофу. Дима попытался найти в лице костюмера хотя бы какой намек. Искру сочувствия. Или злорадства. Но тот, как всегда говорливый и торопливый, с порога отмел все вопросы:

– Полуянов, не трать время. Ничего не скажу. Мое дело – тебе костюм подобрать.

По-хозяйски распахнул шкаф, ткнул в черный пиджак и брюки:

– Этот надевай.

– Может, еще и галстук черный? – поморщился журналист.

– Галстук можешь любой, – милостиво позволил Жека. – Но рубашку обязательно белую.

Не удержался. Ухмыльнулся. Добавил:

– Мероприятие сегодня торжественное.

Оперся о косяк, сказал:

– Переодевайся, я посмотрю.

Обволок Полуянова томным взглядом.

Но Дима без церемоний вытолкнул голубенького прочь.

Черные костюмы он ненавидел. С того дня, когда ему пришлось – совсем молодым – хоронить маму.

Вспомнил – и сразу перед глазами ее лицо. Милое и вечно усталое – работала на две ставки, чтоб выучить-прокормить его, обалдуя.

С отвращением застегнул идеально отглаженную рубашку. Галстук выбрал серо-стальной – как осеннее небо.

Надю Жека сделал – явно в пику его наряду – веселенькой, все оттенки розового.

Она, едва увидела траурного Диму, ахнула:

– Но мы совсем не подходим друг другу!

– Так сегодня и надо, – отрезал Жека.

По-хозяйски вынула из Диминого шкафа пару черных туфель. Из Надиного – красные «лодочки». Кинула в пакет. Распорядился:

– Пока что ныряйте в сапоги – и вперед. Опаздываем.

Пешком идти не заставил – лихо подвез до павильона на «уазике».

В гримерке Полуянов мигом узрел: все одеты, кто как, только Анатолий, словно его близнец, в костюме.

Шепнул конкуренту:

– Тебя тоже нарядили?

– Ага. А из девчонок наших кукол Барби сделали!

Действительно, Алла и Надя в одежках цвета беби долл явно выделялись среди прочих героев. Может, их и будут разоблачать? А в показательно розовое обрядили, допустим, потому, что у девочек друг к дружке интерес? Амурный?

Журналист представил, как обнаженная наглая Алла ласкает дико смущенную Митрофанову, и не удержался, хмыкнул. Что за глупости в голову лезут!

Чего он, в конце концов, трясется? Надюха в свое время тоже цыганочку с выходом явила^[1]. Может, у нее и другие грешки имеются? И на лобное место потянут именно образцово-показательную библиотекаршу? Сейчас был готов что угодно простить. Лишь бы его собственное грязное белье не ворошили.

– Дим, Дим, смотри! – толкнула в бок Надюшка.

Журналист обернулся.

В гримерную вступили Николай с Василисой. Они снова шли рядом. Мужчина глядел сурово, однако цепких лапок девушки со своего предплечья не стряхивал.

Бесцеремонная кандидатка наук кинулась к паре:

– А я думала, вы уже домой уехали!

– Обломайся! – грубо рявкнула Василиса. – Мы пятые. По рейтингу – выше вас.

Митрофанова покачала головой, шепнула Диме:

– Удивительный в России народ!

Шеф-редактор влетела в гримерку, надавала уже привычных советов: не сутуляться, не жевать, не болтать. Предупредила:

– Сегодня две программы снимаем. Так что после первого мотора никуда не уходим и не расслабляемся.

Героев переобули, причесали, наложили тон, повели в студию.

Ведущая сегодня снова сменила стиль. Полная противоположность вчерашнему мужскому костюму и зализанной голове. Волосы завиты

старомодными локонами, туфли-лодочки с массивным каблуком. Скучное, в клеточку, до колен, платье. Дима смутно помнил: у его мамы подобное было.

– Какое-то ретро затевают, – шепнула Надя.

Но обсудить не успели.

Свет, мотор, камера.

Вступительных речей не последовало.

На сцену сразу вызвали Полуянова.

Когда поднимался, успел увидеть тревогу на лице Митрофановой. И явное облегчение на лицах остальных.

Внебрачный ребенок? Судебный иск? Очередной сумасшедший, обиженный на *правду* в его статье?^[2] Пьяная и влюбленная Галинка в студии?

Ведущая пригласила сесть на диванчик. Интимно пристроилась совсем рядом. И панибрратски спросила абсолютно неожиданное:

– Дима, ты часто вспоминаешь маму?

Полуянов – хотя вопрос шокировал – отозвался почти мгновенно:

– Нет.

Врать бессмысленно – камера все равно выдаст.

– Почему? – потребовала девушка, одетая в *платье его матери*.

– Тяжело вспоминать. Она погибла совсем молодой.

Надя – Дима мельком взглянул на подругу, сидевшую в первом ряду, – тоже свесила голову, понурилась.

Неужели телевизионщики решили ворошить давнюю грустную историю?^[3]

А ведущая (по душе ей пришла вчерашняя роль психоаналитика) продолжала терзать Дмитрия:

– Ты любил маму?

– Конечно.

– Как назывались ее духи?

– Э-э...

– «Красная Москва»! – выкрикнула с первого ряда Надя.

– Какая у твоей мамы была любимая книга? – тянула жилы псевдопсихоаналитик.

– Я ее всегда видел со «Справочником участкового врача», – грустно улыбнулся Дима.

– На самом деле Евгения Станиславовна очень любила Тургенева. «Асию» перечитывала раз двадцать, – просветила ведущая. – Где она

работала?

– В районной поликлинике.

– Всегда?

– Сколько я себя помню.

– У вас были друг от друга секреты?

– Ну... сигареты я от нее прятал.

– А она что-нибудь скрывала?

– Возможно. Я лет в десять жестко сказал: никакого *нового папу* в дом не пущу. Поэтому она никогда не рассказывала мне о своей личной жизни. Если сейчас речь пойдет о ее любовнике, я просто встану и уйду.

– Ты к нам несправедлив, – тонко улыбнулась телекрасавица. – Мы никогда не станем ворошить интимные дела тех, кого уже нет на земле. Скажи, мама рассказывала тебе о своей профессии?

Полуянов про себя недоумевал все больше. Но, памятуя указание редактора ни в коем случае не молчать, старался давать ответы как можно быстрее.

– Когда я не мог заснуть, она перечисляла мне названия костей по латыни. Отличное снотворное.

– А еще?

– Байки иногда травила. Однажды у них покойник в мертвецкой ожила. Еще какая-то девушка во время клинической смерти удивительные вещи видела, потом рассказывала. Но вообще я не слишком интересовался.

– А что ты знаешь про стажировку мамы в инфекционной больнице?

– Где? – опешил Дима.

– Дайте мне микрофон! – потребовала верная Митрофанова. И затараторила: – Тетя Женя там всего два месяца провела, еще когда в институте училась. Неудивительно, что Дима не в курсе.

– А почему она оттуда ушла?

– Потому что ей хватило ума понять: у врача-клинициста на семью времени нет. А Евгении Станиславовне хотелось еще быть и хозяйкой, и мамой.

«Надька, блин, всезнайка!»

Сам Полуянов не ведал об этом факте маминой биографии. Или безнадежно запамятовал.

– Значит, для тебя новость, что она там работала? – укорила ведущая.

– Я обязан вырубить ее биографию в мельчайших деталях?

– Любящий сын обычно знает о маме гораздо больше, – ядовито прокомментировала девица.

– Что значительного в какой-то инфекционной больнице?

– Время, – загадочно улыбнулась девушка. – То время, когда именно Евгения Станиславовна там практиковала. Когда, кстати?

– Очень давно, – опять помогла Надя. – Году, наверно, в шестьдесят втором.

– Нет, – возразила ведущая. – Евгения Полуянова пришла в инфекционную больницу десятого декабря 1959 года. И была уволена в январе шестидесятого.

– Вы сказали «уволена»? – искренне удивился Дима.

– В последний момент ее пожалели. Разрешили уйти по собственному. Хотя сначала собирались не просто увольнять по статье, но даже судить.

Редакторы всегда поощряли участников на живую реакцию, поэтому Полуянов без раздумий вспылил:

– Что ты врешь?!

– У каждого врача есть свое кладбище, Дима. Но твоя мама, Евгения Станиславовна, могла погубить целый город. Счастье, что ее вовремя остановили.

Дима не раздумывал ни секунды:

– Бред и клевета!

– Давайте посмотрим на экран, – предложила телевизионщица.

Свет погас. Под оптимистичную мелодию «Бывает все на свете хорошо» замелькали кадры черно-белой хроники: пузатые троллейбусы, редкие «Волги» на дорогах, мужчины в шапках-пирожках, женщины в платках, из сетчатых авосек торчат хлебные буханки и молочные бутылки. Потом вдруг портрет импозантного гражданина и закадровый голос:

– Это Алексей Кокорекин. Известный художник, автор агитационных плакатов, лауреат двух Сталинских премий. В 1959 году ему – верному сыну своей страны – доверили посетить Индию. Художник побывал во многих городах. В том числе в знаменитом Варанаси, где на берегу Ганга индусы сжигают умерших. Зрелище впечатлило творца, он делал многочисленные зарисовки. Особенно плакатист заинтересовался похоронами брамина. Внимательно наблюдал все действие, а потом купил себе на память ковер покойного. Кокорекин пока не знал, что вскоре едва не погубит всю Москву.

Панорама улиц сменилась. Теперь показывали больничную суэту. Старомодные халаты ниже колен, туфли на толстых подошвах, железные кровати.

– Вскоре после возвращения в столицу, двадцать третьего декабря пятьдесят девятого года, художник почувствовал себя плохо. Поднялась температура, начался озноб. На следующий день он отправился в

поликлинику. Там поставили диагноз: грипп. Двадцать пятого Кокорекину стало хуже, ему назначили антибиотики. Двадцать седьмого декабря на теле появилась сыпь – ее сочли аллергией на лекарства. Больного госпитализировали в инфекционную больницу. Сутки спустя он умер.

Экран погас. Ведущая со значением произнесла:

– Алексей Кокорекин – полностью реальная фигура. И то, что с ним произошло, – абсолютная правда. Об этой истории написаны статьи, снят документальный фильм. Могилу Кокорекина, кстати, можно посетить – он похоронен ни много ни мало в Кремлевской стене. Но от чего же художник погиб? Давайте посмотрим, какой разговор состоялся на вскрытии.

Свет в зале снова погас, экран засветился холодным дневным светом.

Эти кадры, похоже, были постановочными, современными. Ярко-белая плитка, мрачный антураж: морг, секционный стол, труп.

Рядом с телом стояли трое. Врач средних лет уверенно произнес:

– В крови присутствует биполярная палочка. Не исключаю геморрагическую формы чумы.

Пожилой доктор отмахивается:

– Чушь. Клиническая картина не та. Обычный осложненный грипп.

А совсем старенький эскулап неуверенно произносит:

– На мой взгляд, коллеги, дело куда серьезнее. Это variola vera – натуральная оспа.

– Что вы за чушь несете?! – взрывается пожилой.

Молодой еще менее почтителен:

– Да у вас, батенька, причуды сенильного^[4] возраста!

– Я прав, вы скоро сами убедитесь, – упорствует старичок.

Экран погас.

– При чем здесь моя мама?!! – заорал Полуянов.

Ему никто не ответил.

Ведущая затараторила:

– Тогда, на излете пятьдесят девятого года, художник привез из Индии именно черную оспу. Страшная болезнь начала быстро распространяться по Москве. Ведь Кокорекина вначале положили в палату вместе с другими больными, его осматривали множество докторов, посещали студенты. А черная оспа, как говорят медики, вирулентна. То есть чрезвычайно, критично, ужасающе заразна. Инфекция умело собирала свою страшную жатву. Только представьте: ее вирус передался юноше, который лежал в инфекционной больнице этажом ниже. Тот никак не контактировал с художником. Однако болезнь достала и его – через вентиляцию. Слег истопник – бедняга просто проходил мимо палаты, где лежал Кокорекин.

Оспа вышла далеко за пределы больницы. Кокорекин привез своей жене – из Индии, заграницы! – подарки. Одежду, парфюмерию. Одарил он и свою любовницу. Обе женщины отнесли кое-что в комиссионку. И несколько покупателей – только представьте! – тоже слегли с черной оспой!

На тот момент в больнице уже был объявлен карантин, хотя официально диагноз пока не установили и не озвучили. Но все врачи, кто бывал в инфекционном отделении, были обязаны проходить строгую дезинфекцию. Однако имелась одна молодая ординатор, которая решила пренебречь правилами. Она отправилась домой, не сменив одежду и даже не вымыв руки.

Экран погас, а ведущая триумфально закончила:

– Эту беспечную женщину звали Евгения Станиславовна Полуянова.

Дмитрий отреагировал мгновенно:

– Вранье и клевета!

Надя сорвалась со своего места:

– А даже если и правда? Дима в чем виноват?

– Мы не стали бы судить его за мамины грехи, – плотоядно улыбнулась телевизионщица. И триумфально объявила: – В нашей студии Ваниамин Шибаев.

Свет снова погас. А когда софиты вспыхнули, по рядам зрителей прокатился вздох ужаса.

Посередине сцены, всем на обозрение, стояло настоящее чудовище.

Когда-то оно, безусловно, было человеком.

Но сейчас все его лицо, кисти рук, шея, видимая из-под рубашки часть грудной клетки оказались изрыты ужасающими, глубочайшими отметинами. То были не просто следы от сыпи – но ямы, борозды, лакуны отвратительного лилового цвета. Глаза полуприкрыты. Правая рука беспомощно вытянута вперед. Похоже, урод был еще и слепым.

Кто-то взвизгнул. Василиса выкрикнула:

– Фу, мерзость!

Алла обеими ладонями прикрыла рот и нос.

Ведущая снисходительно молвила:

– Можете не бояться. Те, кто выздоровел после черной оспы, более не заразны. Однако позвольте цитату. «Эта болезнь оставляет на лицах людей, жизнь которых пощадила, безобразные знаки, как клеймо своего могущества, делая ребенка неузнаваемым для родной матери, превращая красавицу-невесту в предмет отвращения в глазах жениха». Так говорил английский историк Томас Маколей. Он был, несомненно, прав.

Девица подошла к прокаженному. Взяла его за руку, заботливо довела

до диванчика напротив Димы. Задушевно произнесла:

– Вениамин, расскажите, пожалуйста, когда и как вы заразились.

– Я в пятьдесят девятом году пацаном был. В шестом классе учился, но в школу почти не ходил. – Глухим голосом произнес мужчина. – Занимался футболом. Серьезно. За юношескую сборную Москвы играл. В ноябре травмировался. Ахиллово сухожилие порвал. Сначала в больнице валялся, потом дома лежал. Врачи уколы назначили. А в поликлинику-то зимой, да на костылях, не дойдешь. Ну, мать и нашла студентку. Она к нам домой приходила, колола. Такая добрая всегда. Конфеты мне приносила. Шутила, отвлекала – уколов-то я боялся. А на Новый год подарок мне принесла – книжку новенькую. Майн Рид. «Оцеола, вождь семинолов». В «Библиотеке приключений» только что издана, еще краской пахла. Интересная – я всю ночь читал! Эта книжка и погубила меня.

Опустил голову. Всхлипнул. Утер глаза рукавом.

Полуянов смотрел с недоверием.

Митрофанова выкрикнула из своего первого ряда:

– Никогда тетя Женя не ходила делать уколы! У нее времени на это не было!

– Она просто вам не говорила, – снисходительно отозвалась теледива. И ласково попросила прокаженного: – Мы понимаем, вам очень тяжело. Но сделайте, пожалуйста, усилие. Продолжайте.

Тот понуро забубнил:

– Ну, дня через три вдруг поднимается у меня температура. Потом сыпь полезла. Сначала такая розовенькая. Участковая пришла – сказала, ветрянка. Предупредила: мол, ты почти подросток. В таком возрасте болезнь может проходить тяжело. Будь мужчиной, терпи. Я и терпел, матери не жаловался. Она только тогда спохватилась, когда температура за сорок, осипны вздулись, начали лопаться, кровить. Вызвали «Скорую», меня сразу в инфекционку. Там паника, консилиум, врачи. И пристают, всю душу вытряхнули: с кем я общался? А меня никто и не навещал, в классе друзей не было, ребята из команды на сборах. Потом отстали – мне-то все хуже. Температура не сбивается. Рвота. Бред. В глазах все плывет. Тело в язвах. Врачи теперь не в халатах приходят, а в сапогах, в очках таких, как консервные банки. Мать не пускают, мне ничего не говорят.

Снова умолк.

– Вениамин, пожалуйста, дальше, – настойчиво попросила ведущая.

Тот злобно хохотнул:

– А дальше я в себя пришел. Встал. Доковылял до окна. Смотрю – и ни черта не вижу. Только контуры. И цвет зеленый. Догадался: лето, значит,

уже. Заорал, врачей зову. Ну, только тогда мне и объяснили. Что болел я не ветрянкой, а черной оспой. И заразила меня та студенточка. То ли на книге вирус принесла, то ли на халате своем. Ей-то что – она медик, привита была. А обычным людям от натуральной оспы в те годы прививку уже не ставили. Считалось – нету такой болезни. Вот и остался я на всю жизнь урод и инвалид. Зрение – одна сотая. Практически ничего. Вирус глазные нервы поразил.

– Дима, – ведущая обернулась к журналисту, – ты говорил, мама часто рассказывала тебе байки. Неужели об этом она умолчала?

– Разумеется. Потому что ваша история – наглый вымысел. От первого до последнего слова, – холодно произнес Полуянов.

Прокаженный встрепенулся:

– Лица не вижу. А вот голос знаком. Журналист Полуянов? Забыл меня, да? Не помнишь, как я в ногах у тебя валялся??!

Вскочил. Неуверенно вытянул вперед руку. Потребовал:

– Говори! Говори! Я на голос пойду. Чтобы глотку тебе порвать.

– Я не знаю этого человека. Это провокация и подстава, – уверенно произнес Полуянов. – Просто стыдно за телеканал. И за ваше позорное шоу.

Вениамин продолжал ощупывать рукой воздух. Сделал еще один неуверенный шаг в направлении журналиста.

Ведущая подскочила, подхватила несчастного под руку, вернула на диван, попросила:

– Дорогой Вениамин! Давайте не будем устраивать драк в эфире. Журналист Полуянов говорит, что не знает вас. Вы утверждаете обратное. Зачем нам спорить, если можно спросить свидетеля?

– Мы на вас в суд подадим! – возмущенно выкрикнула Надя.

Полуянов подхватил:

– Я читал про вспышку черной оспы в Москве! Тогда заболело человек сорок пять, и у всех болезнь выявили на ранней стадии. А ваш герой выглядит, будто сейчас Средние века, будто его вообще не лечили. Хотя в то время давно были изобретены антибиотики. Нас всех дурят! Он просто отлично загримирован!

– Дима! – повысила голос телевизионщица. – Я повторяю! У нас есть свидетель. Встречаем! В нашей студии – коллега господина Полуянова, ведущая светской хроники газеты «Молодежные вести» Нелли Косоурова!

Надя, прежде взиравшая на Диму с безусловной преданностью, слегка встревожилась.

Нелли – в алых кожаных штанах, в уже знакомой Полуянову

вызывающей лисьей жилетке и на баснословных каблучицах – вышла из-за кулис. Опасливо обогнула диванчик, где сидел прокаженный. Плотоядно улыбнулась Полуянову:

– Привет, Димочка!

– Идите сюда, ко мне, – пригласила ведущая. – Скажите, вам знаком Вениамин Шибаев?

– Ну, имя его я не знаю, – отозвалась хроникерша. – А видеть видела. Такое колоритное лицо забыть сложно.

– Где вы его видели?

– Возле редакции. Один раз – в бюро пропусков. Еще раз – у входа, когда его охрана со ступенек гнала.

– Зачем ему было нужно в «Молодежные вести»?

– С Полуяновым хотел поговорить. А Димка от него прятался.

– Нелли! – У Полуянова от возмущения даже голос сел. – Что ты несешь?!

Красавица словно не услышала. Тоном сплетницы сообщила:

– Дима у нас вообще такой чистоплюй. Убогих на дух не переносит. Они оскорбляют его тонкий внутренний мир.

– Были еще какие-то случаи? – обрадовалась ведущая.

– Ага, – охотно кивнула Нелли. – В редакции уборщица работала, Галька. Простая такая деваха, милая. Всем у служить пыталась. А Полуянов для нее просто луч света был. Галька свое место понимала, ничего у него не просила, просто за счастье почитала рядом посидеть, полюбоваться своим божеством. А он ее как девчонку на побегушках использовал. За сигаретами сгонял, кофе принеси, быстрей, немедленно, я тороплюсь. И она, дурында, мчится. А однажды Полуянову главный люлей навставлял, и Дима нервы решил успокоить. Коньячком, как положено. В собутыльники Галину позвал. Хотя знал прекрасно: она закодирована, ей спиртного вообще нельзя. Но кто еще будет слушать, как он юнони распускает! Напоил девчонку, стресс снял – и спокойно домой. А Галка сорвалась. В запой ушла. С работы вылетела. По его вине! Все остальные-то ее берегли. А этот – мог бы помочь, хотя бы нарколога оплатить! Нет. Не навестил даже.

Ведущая резко обернулась к журналисту:

– Это правда, Дмитрий?

– Нет.

– В «Молодежных вестях» не работала уборщица Галина?

– Работала. Но я никогда не гонял ее за сигаретами. И не знал, что ей нельзя пить спиртное.

– Вся редакция знала, а ты в счастливом неведении! – саркастически

каркнула Нелли.

– Ты действительно напоил ее? – наседала телевизионная дива. – А когда она сорвалась с катушек – быстренько откrestился?

– Давайте мухи отдельно, а котлеты отдельно! – вспылил Полуянов. – По поводу Галины. Я не знал, что ей нельзя пить. Но да. В тот день я ее напоил. Я виноват.

– Как мило! Жизнь девчонке сломал, а теперь извиняется! Я виноват! Простите меня! – издевательским тоном передразнила ведущая.

Дима ее проигнорировал. Вскочил, с горечью обернулся к хроникерше:

– Зачем ты вынесла это на свет божий, Нелли? А как же порядочность, корпоративная солидарность?!

– Доброму тебе за добро, Дима, – презрительно сощурилась Косоурова.

– Не понимаю, что я тебе сделал, – пробормотал журналист. – Впрочем, не важно.

И твердо сказал:

– Еще раз повторяю. Я виноват перед Галиной. Но загrimированного товарища вижу впервые в жизни! Нелли, сколько тебе заплатили, чтобы ты узнала этого Шибаева – или кто он там на самом деле?

Дима повысил голос:

– Неужели не очевидно?! Это просто актер! Все его язвы – грим! Давайте я лично протру ему лицо мокрой тряпкой. Вы увидите – шрамы мгновенно исчезнут!

– Ненавижу тебя! – взывал прокаженный.

А ведущая отрезала:

– Мы не используем актеров. И у нас есть серьезные доказательства. Внимание на экран.

Свет послушно погас, на белой простыне появилось изображение документа.

Теледива прокомментировала:

– Вот справка из столичной инфекционной больницы. Она удостоверяет: Евгения Станиславовна Полуянова там действительно работала. С декабря 1959 года по январь 1960-го. Точно во время эпидемии.

– Ну и что?! – взревел Полуянов. – Там работали и работают тысячи людей!

– А вот копии писем Вениамина Шибаева. Первое отправлено в «Молодежные вести» десять лет назад. Когда ты, Дима, только попал туда на работу. «Уважаемый Дмитрий, обращаюсь к вам с просьбой. По вине вашей матери Евгении Полуяновой я остался уродом и инвалидом. Выписку из медицинской карты прилагаю. Родственники от меня отказались.

Работать из-за слепоты не могу. Жилья своего нет. Скитаюсь. Убедительно прошу Вас помочь с получением квартиры». Потом были еще. И еще. Но ты, Дима, банально послания игнорировал.

– Я не получал никаких писем. И возле редакции этого Шибаева никогда не видел.

– Димочка, но я сама тебя просила, – ангельским голосом встремля Нелли, – чтобы ты отвадил это страшилище! Пусть он и не заразный, но смотреть-то противно!

– Нелли, мы с тобой, конечно, не друзья, – с укором произнес журналист. – Но предавать журналистское братство – последнее дело.

Светская хроникерша прижала руки к груди:

– А я считаю, нельзя молчать, когда в мире творится несправедливость!

Слова, на Димин взгляд, прозвучали откровенно фальшиво. Но тут он мельком взглянул на Надю – и оторопел.

Его верный оруженосец смотрела в пол.

Понятно, что не поверила насчет Шибаева. Но за историю с уборщицей, несомненно, осуждала. Телевизионщики добились своего.

Остальные участники шоу и вовсе поглядывали снисходительно. Словно перед ними шлак, отработанный материал.

– Мне уже не нужно от тебя ничего, журналист Полуянов! – прогремел голос Вениамина. – Умирающим безразличны квартиры и другие материальные блага. Но я одной ногой на том свете, и оттуда видно далеко. Ты будешь страдать не меньше! Попомни мои слова!

Свет в студии погас.

А когда вспыхнул снова, на сцене остались только ведущая и Дима.

– Снято! – радостно выкрикнули из аппаратной.

Полуянов сорвал петличку микрофона, отшвырнул передатчик. Вихрем рванул со сцены.

– Дима, ты куда? – пискнула Надя.

Под руку подвернулся Жека, журналист схватил его за грудки:

– Где Анастасия?!

Но желчная шеф-редактор уже сама спешила ему навстречу. Успокаивающе приобняла, заговорила тоном гипнотизера:

– Дима. Успокойся. Все позади. Все хорошо.

Он сбросил ее руки. Гневно выкрикнул:

– Я этого так не оставлю!

– Полуянов, не буйнь! – строго сказала Анастасия. – У нас есть все документы. Справка из больницы. Копии писем Вениамина. Его признание.

Свидетельство Нелли.

– Я ухожу из шоу, мы немедленно уезжаем и...

– Димочка! – Митрофанова подскочила, затарахтела. – Не руби с плеча. Не торопись. Давай сначала все обдумаем.

Схватила его за руку, потащила прочь от Анастасии, зашептала в ухо:

– Конечно, это постановка. Тетя Женя не могла такого натворить. Но чего без доказательств орать? Надо сначала найти тех, кто работал в это время в больнице, чтобы они подтвердили. Информацию на Шибаева собрать. Доказать, что он самозванец. Ты потом такую статью напишешь! Гвоздь, бомбу! «Вся правда про вранье на шоу»!

Дима потихоньку остывал. Спокойно позволил шеф-редактору улизнуть. Обнял Надюху. Грустно вздохнул:

– От Нельки не ожидал, конечно. Как думаешь, она просто за деньги или из вредности?

– Кажется мне, ты ее *може* подставил, – со знанием дела произнесла Надя. – Вспоминай.

Диму больно резануло это «*тоже*». Но покорно напряг мозг.

– Ну... Она в «Молвести» недавно заказную статью протащила. Я точно знаю, что пресс-директор одной певички ей за это бесплатные выходные в Сочи устроил. Мне на чужие грешки плевать обычно, но Нелька меня тогда взбесила конкретно.

– И ты ее *сдал*? – округлила глаза Митрофанова.

– Нет. Просто сказал ей, что *знаю*. Но кто-то мог услышать. Или она сама испугалась...

Дима вытащил телефон. Открыл электронную версию газеты, прокрутил до выходных данных. Прошептал:

– Точно. В штате редакции ее больше нет.

– Вот тебе и объяснение, – вздохнула Надя.

Оба уселись в ряды для зрителей. Уборщица подметала сцену, народ рассосался – оправиться, подышать, покурить. Со словами сочувствия никто не подходил – каждому, несомненно, хватало своих проблем.

– Надо любой ценой не допустить, чтобы программа вышла в эфир, – решительно сказал Полуянов. – Еще живы мамины подруги. Я не могу позволить, чтобы они *это* увидели.

– В шоу громадные деньги вложены. Это машина. Ты ее не сможешь остановить.

– Я докажу, что они нагло фальсифицируют факты!

– Не успеешь. Сегодня смонтируют, завтра выпуск выйдет в эфир. Это во-первых. А во-вторых, эти ведь – *the best*. Наверняка все предусмотрели.

Подстраховались. Думаю, тетя Женя действительно работала тогда в инфекционной больнице. А что Вениамин и Нелли наврали – так это их грех, канал не виноват. Нет, Дима, бороться нужно по-другому, – решительно заявила Надя.

– И как же?

– Да хотя бы в соцсетях написать всю правду. Попросить максимальный репост. Я Артему скажу, чтобы у себя в блоге опубликовал. У него подписчиков жуткое количество. Действуй и ты, золотое перо. Прямо сейчас, пока перерыв!

Полуянов прежде никогда не бросался исполнять волю подруги по первому свистку. Но сегодня, едва ли не впервые в жизни, послушался. Вывел из спящего режима планшет. А первая фраза придумалась сама:

Обвинить мертвых – проще и подлее всего...

Оба представить не могли, что этого от них и ждали. Что они своими руками только что начали творить страшное зло.

* * *

Перерыв пролетел стремительно. Надю с Димой – как отыгравших свой спектакль – даже в гримерку таскать не стали. Поправили макияж прямо в студии. И пересадили из первого ряда в третий.

– Кого, интересно, сейчас пришпилият? – шепнула Митрофанова. – Может, кандидатку наук?

– Пара тебе. За невнимательность, – отозвался Дима. – Посмотри: все – кто в чём. Только нас и Аллу с Толиком специально одевать приходили. А Толик уже признался, что когда-то невесту бросил.

– Я думаю, дело не в этом будет, – авторитетно заявила Митрофанова.

– А в чем? – заинтересовался Дима.

– Выяснится, что Алла – миллионерша.

– Почему? – удивился Полуянов.

– Ты что, не замечаешь? Анатолий на нее вообще не смотрит. Однако женится. Зачем еще, если не ради денег?

На сцену выпорхнула ведущая. От ретростиля ни следа. Очередное цветастое платьице с завышенной талией.

– Дурацкий фасон. Как будто беременная, – прокомментировала Надежда. – Значит, точно про невесту брошенную. Фу, скучища.

– Итак, дамы и господа, леди и джентльмены! – жизнерадостно объявила девушка. – Драматические встречи в нашей студии

продолжаются! И сейчас я приглашаю на эту сцену Анатолия Васнецова и его любимую невесту Аллу Овчаренко!

– Обоим, значит, достанется. – Надя явно выглядела довольной, что лично ее никто не разоблачал.

Пара под леденящую душу музыку поднялась на подиум. Алла тревожно облизывала губки, Анатолий шел с видом человека, которому бояться нечего.

Ведущая усадила будущих супругов на диванчик, обошла его сзади, нависла над спинами, задушевно спросила:

– Алла, Анатолий! Вы уже видели, насколько неприятно, когда тебя припирают к стенке. Поэтому у меня к вам деловое предложение. Достаньте скелет из своего шкафа сами. Расскажите, что вы друг от друга скрываете. И если будете искренни, гости, которых мы пригласили специально для вас, возможно, так и не появятся в этой студии.

– Ой, я готова! – поспешила отозвалась Алла.

– И я могу, – поддержал Анатолий.

– Но помните: тех, кто попытается себя обелить, постигнет страшная кара, – припугнула ведущая. – Аллочка, давайте начнем с вас.

– Я сделала три абортов, – спокойно произнесла героиня. – Однажды скрылась с места аварии. Ночью выезжала со двора, покорежила весь бок «мерсуг» – и уехала. В магазинах несколько раз воровала.

– Что именно?

– Косметику. Белье. Один раз даже сотовый телефон получилось.

– У вас плохо с деньгами?

– Нет. Мне просто нравится. Нравится красть.

– Что еще?

– Ну, дед у меня был. Алкаш. Всех достал. Один раз допился, его рвать начало с кровью. Испугался, клянчил, чтоб я «Скорую» вызвала. А я его мобильник об стену разбила. И городскому аппарату шнур оборвала. Он орал, но в соседних квартирах привыкли. Не реагировали.

– Алла, вы серьезно?

– Абсолютно.

– И вы не боитесь делать подобное признание на всю страну?

– Не-а. Мать мне только спасибо сказала. И соседи обрадовались.

Ведущая обернулась к мужчине:

– Что скажете, Анатолий?

Тот пожал плечами:

– По крайней мере честно.

– И вы по-прежнему хотите жениться на Алле?

– А что она такого уж страшного сделала? Я тоже однажды из магазина вискарь вынес, – хмыкнул мужчина. – На спор.

– Но ваша подруга фактически призналась в убийстве.

– Неоказание помощи – еще не убийство. К тому же ее дед на весь Новосибирск был известный – а город у нас, между прочим, миллионник. Про него в местной газете писали. Редкостный садист. Всю их семью терроризировал. Бил жену, дочь, внучку. Крушил мебель. Алла сделала то, что должна была.

– Смотрите, – усмехнулась ведущая. – Однажды вам тоже станет плохо. А жена откажется вызвать врачей и отберет у вас сотовый телефон. Ладно. Расскажите теперь о себе.

– Абортов я не делал. (Смех в студии.) Если кого на машине царапал – гаишников честно ждал. Про вискарь уже признался. Даже не знаю, что ещё рассказать.

– Боюсь, вы меня не убедили. – В голосе ведущей зазвучали драматичные нотки.

– Ну, еще у меня невеста была, – повторил вчерашнюю историю Анатолий. – Нормальная девка. Мы ребеночка ждали, собирались заявление подавать. Она список гостей составляла на свадьбу, а я однажды вышел из дома – просто за пивом. И не вернулся.

– Почему?

– Сам не знаю. Просто понял, что не выдержу каждый день ее видеть. Спать с ней. Стареть рядом.

– Просто исчезли? И вещей своих не забрали? – В голосе ведущей зазвучало лукавство.

– За чемоданом потом пришел. Когда она на работе была.

– Это все?

– Да.

– А насчет кредита что скажете?

На бесстрастное чело мужчины легла смутная тень. Он пробормотал:

– Что там, такой уж большой кредит? Всего пол-лимона.

– Но ваша невеста до сих пор его выплачивает. Могли бы хоть погасить, прежде чем уходить.

– Да она его сама взяла! – возмутился Анатолий.

Но его реплику заглушили музыка и громкий голос ведущей:

– В нашей студии – та самая покинутая невеста. Встречаем! Людмила Петельская!

– Сейчас она его в клочья порвет, – злорадно предрекла Митрофанова. Однако женщина, которая явилась на подиум, совсем не походила на

фурию. И вообще выглядела странной, заторможенной. Застывшее в зловещем оскале лицо. Неуверенные движения.

Аллу будто не видела – сфокусировала взгляд на бывшем возлюбленном. Медленно прошла к нему. Села рядом – тот попытался отодвинуться, но оказалось – некуда. Положила голову ему на плечо. И всхлипнула.

– Людмила, приветствуем вас! – попыталась взбодрить ее ведущая.

Но женщина даже не обернулась в ее сторону. Взяла в свои ладони голову Анатолия (вырываться тот не стал). Смотрела ему глаза в глаза. Монотонно повторяла:

– Ты бросил меня. А я тебя так любила. Ох, как я тебя любила!

Молоденькая девушка из редакторской группы смахнула слезу.

– Почему он ушел от вас? – набросилась на покинутую невесту ведущая.

– Он красавец, – грустно проговорила Людмила. – Я серая мышка. Разве мы можем быть парой?

– На мой вкус, вы вполне симпатичная, – снисходительно похвалила теледива.

А пожилой физкультурник Николай вдруг выкрикнул:

– С лица воду не пить!

Его спутница Василиса гневно сдвинула брови, но промолчала.

– Люда! – Анатолий решительно взял руку женщины, прижал к губам. – Твоя внешность здесь ни при чем. Я банально принял привычку за любовь. Я дурак.

– Я тебя застрелить хотела, – задумчиво улыбнулась она. – Или отравить. А потом... потом решила, что достаточно будет просто прийти сюда и посмотреть тебе в глаза. Хороший план, правда?

И демонически, гордо расхохоталась – будто предложила нечто совсем удивительное.

Придвинулась близко-близко к лицу мужчины, взяла его голову в свои руки. Держала. Покачивалась. Молчала.

– Она, по-моему, наркоманка, – прошептала Надя.

– Люда, что стало с вашим ребенком? – продолжала нагнетать драматизм ведущая.

– Я убила его, – равнодушно ответила женщина. – Зачем мне ребенок, если нет Толи? Мне и собственная жизнь не нужна.

– Сумасшедшая? – тревожно спросила Надя.

Петельская тяжело поднялась. Прошлась по подиуму. Обернулась к зрителям, произнесла:

– Мне сейчас очень тяжело. Я потеряла любовь. Я потеряла смысл жизни. Я потеряла все.

Возвысила голос:

– Но и вас всех не ждет миллион алых роз. Не бывает так: одни в пропасти, другие на коне. Жизнь всем воздает по заслугам!

– Анатолий очень быстро нашел вам замену, – сладким голоском молвила телекрасотка.

– Я не завидую его даме сердца, – отрезала Людмила.

– Почему?

– Скоро она узнает. Скоро вы все узнаете!

Петельская вскинула руки в триумфальном жесте. Потом три раза хлопнула в полной тишине в ладоши. Тихо сказала:

– Браво! Мне – браво!

И почти строевым шагом покинула сцену.

«Снято», – раздался недовольный голос из аппаратной.

Там явно надеялись на драку и жалели, что ничего подобного не случилось.

* * *

Кристи вместо завтрака выпила протеиновый коктейль и теперь приседала с килограммовыми гантельками – качала одновременно бедра и бицепсы. Артур (иногда находило) сегодня на здоровый образ жизни наплевал. Заварил кофе, намазал на хлеб изрядно сливочного масла, отмахнулся от притчаний невесты про холестерин и завис в Интернете.

У него – как нынче принято – имелись профили во всех соцсетях, но большим количеством друзей похвастаться не мог. Сам посты не писал, а когда только ссылками делишься – популярности мало.

Однако в договоре об участии в шоу имелся строгий пункт:

Участник обязан ежедневно записывать свои впечатления и публиковать их в сети Интернет (форумы, посты, блоги).

Артур еще удивился:

– Зачем это вам?

– Реклама, – буркнула толстая тетка-юрист.

– А какой толк от такой рекламы, если меня никто не читает?

– Начальству виднее, – ответила сотрудница. И заученно пригрозила: – Контракт не обсуждается, никаких изменений не вносим. Если что-то не устраивает, в резерве больше сотни пар.

— Да все меня устраивает, — тяжело вздохнул атлет.

Сочинительство Артуру всегда давалось трудно, по литературе в школе еле тянул на троичку. И сейчас грядущее писание беспокоило куда больше, чем спортивные испытания.

Пока тряслись в автобусе на пути к деревне Селютино, бесконечно строил в уме фразы своих будущих постов. Начать повествовательно: «Дорога дрянь, народ сидит хмурый». Или более поэтично? «Мы, десять негритят, отправились в неизвестность»?

Брался, зачеркивал, переписывал — и все равно не нравилось. А ведь подобный пункт есть в контрактах у всех. Что он, будет хуже других?! Ни за что.

Артур напрягал извилины так, что мозг плавился, и наконец придумал элегантный выход. Собственные впечатления — раз не умеет — он выкладывать не будет. Но перед каждой съемкой станет включать диктофон. А потом банально сливать в сеть расшифровку.

Боялся, что шеф-редактор осерчает — вдруг нельзя всю информацию выдавать, пока программа в эфир не вышла? Но Анастасия, наоборот, похвалила:

— Молодец, спортсмен! Проявил смекалку. Только обязательно в друзья всех бери и проси перепости.

Артур послушно исполнил приказ и тихо гордился, что число френдов и перепостов уже через пару дней поднялось до заоблачных высот.

Кристинка над женихом посмеивалась. Называла его секретаршой-стенографисткой.

Сама она (тоже контракт!) во Всемирной паутине творила с вдохновением. Для начала перепишет все свои ежедневные приседания, жимы, прыжки и количество подходов — уже полстраницы. Плюс сплетни соберет. Бывало, безобидные, но часто подругу заносило.

Вчера, например, опубликовала полную дичь.

Будто бы «звезда» давешних съемок — рябой Вениамин, — еще когда болел оспой, в шестидесятом году, собрал из самых крупных своих язв некоторое количество гноя.

Уже бред, но дальше пошло хуже.

До поры мальчишка — по версии Кристины — держал свое «биологическое оружие» в холодильнике. Когда в девяностых годах появились криотехнологии — не пожалел денег, заморозил. А теперь — благо выдалась возможность отомстить! — выплеснул содержимое на Полуянова. Уже якобы после съемок. И журналист теперь в отчаянии, требует срочно прислать к нему бригаду медиков, чтобы вкололи противоядие. Но машина

«Скорой помощи» ввиду распутицы в деревню Селютино проехать не может.

Артур, когда прочел, за голову схватился:

– Кристи, ты спятила?!

– А по-моему, очень даже вероятно.

– Вениамин тогда мальчишкой был! Да и как можно вирус хранить в холодильнике?!

Девушка беззаботно ответила:

– Наверно, никак. Но люди любят, когда сюжет навороченный.

– А что Анастасия скажет?

– Она сама мне разрешила, – захлопала глазищами подруга. –

Приукрашивать и додумывать.

– Но не полную ведь ахинею!

– Ты просто завидуешь! – приосанилась Кристи.

Утром, едва проснулась, бросилась считать лайки. Их оказалось немного. Зато гневных рожиц – почти пять тысяч.

Ему было бы обидно. Но подруга гордо произнесла:

– Зацепила я публику! Смотри, даже наша звезда снизошла!

Показала Артуру на комментарий за подписью Дмитрия Полуянова:

«Кристи, проверяй факты. Черная оспа официально ликвидирована еще в восемидесятых годах прошлого века. К тому же «вирус в баночке» в любом случае не сработает. Заразиться можно только при непосредственном контакте с больным».

Гордо заметила:

– Мог гадость написать, а он, видишь, все объясняет!

Она захлопнула лэптоп и улыбнулась кошачьей улыбкой:

– Выпей энергетик, Артурчик. Чует мое сердце, сегодня нас с тобой на казнь потащат.

Он и ждал (сколько можно мучиться неизвестностью!), и боялся.

Пока в рейтинге пар они держались на первом месте. Но Артур прекрасно понимал: их, красивых, успешных и стройных, мигом распнут, если вытащат из биографий что-нибудь неприглядное.

Собственные грехи он, конечно, замаскировал куда лучше, чем Василиса или Полуянов. Но кто знает, насколько глубоко копать начнут? Вдруг сумеют его прижать? Тогда – полная катастрофа. Да и в биографии Кристины – прозрачной и очевидной – что-то его беспокоило. Слегка, как потянутая мышца.

Артур оторвался от монитора. Спросил:

– Кристи, ты в каком году школу закончила?

– В две тысячи шестом. А чего?

– А колледж когда?

– В десятом.

– На секретаря-референта четыре года училась? Почему так долго?

– Так я академку брала, – безмятежно улыбнулась девушка.

– Зачем?

– Ой, да замучила меня эта учеба! Каждый день к девяти, посещаемость проверяют. Контрольные какие-то, зачеты. Ну, я и купила справку. Вегетососудистая дистония, необходим щадящий режим.

– И чего делала весь год?

Опять улыбнулась:

– Что я люблю. Спорт. Косметологи. Телик.

– А кто платил за все?

– Папулик. У него тогда бизнес шел, любую деньги можно выклянчить было.

Нынче – Артур знал – потенциальный тест работал таксистом. Причем даже своего транспорта не было – в аренду машину брал.

Спросил с подозрением:

– Твой пapa был бизнесменом?

– Ну, таким. Лохальным. Дома на продажу строил. Сначала ничего дела шли, а потом кризис, у отца три коттеджа зависли. Он все ждал, что цены поднимутся, но потом все равно продал с огромным убытком. До сих пор, кажется, с парой кредитов не расплатился.

Вроде складно оправдалась.

Но тревога все равно не покидала. Пришлось – как герою Челентано – выйти во двор и начать колоть дрова. Целую поленницу сложил, полностью пропотел – только тогда отпустило.

* * *

Надя, как всегда, стрекотала: «Ложись спать, утро вечера мудренее». Но Полуянов знал: все равно не уснет, пока не выяснит.

В итоге сидел за компьютером до пяти утра. Сам до конца разобраться не смог – пришлось беспокоить Савельева.

Когда-то молодой и услужливый опер нынче дорос до полковника, заважнел, просьбы Полуянова старался заматывать или отклонять. Но магические слова «память мамы» сделали свое дело.

К полудню, когда Дима проснулся, картина сложилась полностью.

Телевизионщики талантливо перемешали малую толику правды с огромной ложью.

Евгения Станиславовна действительно бывала в Городской инфекционной больнице в момент вспышки черной оспы. Но ни о какой стажировке и тем более работе речи не шло. Женя Полуянова в 1959 году была студенткой четвертого курса и в инфекционке всего лишь проходила практику. Догадайся Полуянов еще вчера сопоставить даты, и понял бы, что в двадцать лет мамуля даже интерном быть не могла. Но когда на тебя нацелены несколько телекамер, иногда даже про дважды два забываешь.

Пофильтрованный список переболевших и умерших от натуральной оспы Диме не прислали – врачи ссылались на медицинскую тайну. Однако категорически заверили, что никакого Вениамина Шибаева среди сорока шести пациентов не значилось. А также подтвердили, что вспышка в Москве никого не оставила с глубокими рубцами и уж тем более слепым.

И студентку Евгению Полуянову никто и никогда не обвинял в нарушении эпидемиологического режима. Она – как все, кто потенциально мог контактировать с художником Кокоркиным, – попала на карантин и честно его отсидела в подмосковном пансионате безо всяких контактов с внешним миром.

Картина в итоге вырисовывалась простая и мерзкая. Редакторы шоу тщательно изучили жизнь Димы и его близких. Нашли крошечную зацепку. И выстроили вокруг маленькой правды громадное, ужасающее вранье.

Что теперь было делать – Полуянов решить не мог.

Уходить, как вчера грозился, из шоу, подавать в суд на канал? Требовать опровержения? Биться, чтобы насквозь лживый выпуск сняли с эфира?

Но в Интернете – Дима посмотрел – уже творилась самая настоящая вакханалия.

Участники шоу постарались.

Артур выложил подробное описание вчерашнего эфира.

Его бестолковая подружка Кристина опубликовала душераздирающий пост о том, как Шибаев из мести Полуянову выпустил вирус в мир. Более развесистой клюквы и придумать было нельзя, но народ с удовольствием принял пережевывать тему. Комментарии врачей и просто разумных людей о том, что оспу невозможно принести с собой в баночке, потонули в ахах и оахах. А особо рьяные перешли к призывам окружить все Селютино высоченным забором, а участников шоу поместить в строжайший карантин. А лучше поджечь – для полной гарантии.

Кандидатка наук тоже отличилась. Насобирала на просторах

Интернета ужастиков. Про колбы со штаммами ящура, беспечно забытыми на заброшенных складах. Интервью сомнительных личностей, утверждавших, что биологическое оружие создано. Закончила лихо: «Эбола, птичий грипп, сибирская язва! Любой из вас может погибнуть в любой момент. А если хотите верной смерти – приезжайте в Селютино!»

Завершали клинический бред три веселых смайлика.

Димин собственный вчерашний пост тоже собрал четыре тысячи комментариев.

Разумные люди возмущались нечестной игрой редакторов «Свадьбы навылет», выражали сочувствие.

Но без хейтеров тоже не обошлось.

«Полуянов – сволочь, я ему много раз писал и в редакцию приезжал, просил помочь. Но этому типу на всех плевать», – исходил ядом один.

«У меня бабка в те годы работала в инфекционке, и она помнит Полуянову. Говорит, очень противная была докторша», – подхватывал второй.

«А я с Шибаевым в одной футбольной команде играл!» – уверял третий.

Подкралась Надя, принесла кофе. Спросила сочувственно:

– Порвали на куски?

– На мелкие, – тяжело вздохнул он.

– И что ты надумал?

– Вот честно, не знаю. Ушат помоев уже вылили. Опровержения мелкими буквками все равно теперь никто не заметит.

– Да его и не будет.

– Почему?

– Судиться бесполезно. Мы с тобой чрезвычайные лопухи.

И протянула ему пластиковую папочку.

– Что это?

– Наши контракты на участие в шоу. Посмотри, что я сегодня нашла. Мелким шрифтом. В самой серединке.

Дима медленно прочитал:

– Сотрудники программы «Свадьба навылет» оставляют за собой право, опираясь на реальные факты биографий героев, устраивать на их базе инсценировки, а также привлекать для их осуществления профессиональных актеров. Администрация шоу не несет ответственности за полное совпадение деталей постановки с вехами жизни героя или его родственников.

– Я этого не подписывал! – звился Полуянов. – Не может быть! Я

честно читал весь текст! И не мог пропустить такой явной лажи!

– Да я вроде тоже читала. Но это потом появилось.

– В смысле?

– А ты не помнишь? Нам дали чистый договор. Мы расписались – только на последней странице! – а потом оба экземпляра отдали им. На подпись и печать. Так что они могли там все менять и прибавлять как им заблагорассудится.

– Но это подлог!

– А как докажешь?

– Никак. Блин. Надька. Ты – ладно. Женщина. Библиотекарь. Далека от интриг. Но я-то! Мужик! Журналист! И так лопухнулся!

– Зато у тебя не оказалось внебрачного ребенка, – улыбнулась Митрофанова. – И вообще, мы с тобой оба просто образцовые! У других в шкафах – настоящие скелеты. А для нас им пришлось инсценировку придумывать.

– А что с рейтингом? – Полуянов постепенно успокаивался.

– Перескочили с восьмого места на пятое. Хотя эфира еще не было.

– И кто теперь на восьмом?

– Алла с Анатолием.

– Да, интрига.

Надя взглянула умоляюще:

– Дим, давай... ну, не будем уходить и в суд на них подавать. Ты, конечно, напиши для «Молодежных вестей» правду, но я так хочу попробовать выиграть!

– Тебе разве не противно?

– Ну... противно. Зато если мы уйдем, нас никто и не вспомнит. А победители в кругосветку поедут.

* * *

Телевизионщики никогда не раскрывали тайны, кого именно сегодня вызовут *на разбор*. Но участники по прошествии двух эфиров уже понимали, чего ждать.

Если одеваешься сам – ничего тебе не грозит. Если подбирать костюм приходит Жека – жди разоблачений.

До обеда все было тихо, и Артур начал надеяться, что съемок сегодня вообще не будет. Но Кристину предчувствие не обмануло. В три пополудни явился ассистент в традиционно попугайном наряде. Нагло, будто султан в

гарем, прошествовал в спальню. Раскрыл шкаф, приказал девушке:

– Вот это надевай!

Платьице с рукавами в форме фонариков и юбкой клеш Кристина возненавидела еще в Москве, когда ездила на примерки. А уж когда Жека велел взять к нему босоножки с открытым носиком, взвилась:

– Не надену я это! И не смей напоминать про контракт.

Ассистент с участниками («мясом») обычно не церемонился. Но Кристину однажды застал во дворе, когда она отрабатывала прямой справа. Встал напротив, поклонился шутливо – мол,зываю на бой. И среагировать не успел – получил точно в челюсть. Отшатнулся, едва не упал, в ужасе стал ощупывать губу – нет ли крови? Обиженно пробормотал:

– Зачем со всей силы-то?

– Продолжим? – улыбнулась девушка.

Жеку будто ветром сдуло. И Кристину он с тех пор побаивался. Поэтому сейчас почти робко залепетал:

– Кристиночка, я человек маленький. Мне Анастасия сказала – я исполню.

– Платье ужасное, а колготки с босоножками вообще не носят! – продолжала возмущаться она. – Женечка, можно, я хотя бы туфли возьму? Анастасия не заметит.

– Да я бы рад, но...

– Буду тогда с голыми ногами мерзнуть. Заболею, умру, и ты будешь виноват.

– Ладно тебе, Кристишка, – вмешался Артур. – Колготки под босоножки нельзя, даже я знаю. Но ты закаленная. Подумаешь – плюс десять в павильоне! Не минус ведь.

– У меня уже горло дерет, – капризно возразила она.

Но Жека больше не обращал на нее внимания. Обвел томным взглядом Артура:

– Красавчик, пойдем в спальню?

– Без тебя, – огрызнулся спортсмен. – Скажи, что надевать. Я сам.

– Мужчины у нас традиционно. В костюмах. Рубашка скромная, галстук яркий.

Артур официоз не переносил. Но спорить не стал.

Неумело застегнул тугие пуговицы новой рубашки, чертыхаясь, с энной попытки завязал галстук. Встал рядом с Кристиной к зеркалу.

Подруга хихикнула:

– Мы с тобой как папик и девочка-дурочка. Может, будет история, как

ты меня соблазнил?

– Кто еще кого соблазнил, – буркнул Артур.

Гадал, что за пучина их ждет, всю дорогу. А когда увидел ведущую, облаченную в хирургический костюм, запутался окончательно.

Эротичная получилась докторица. Брючки в обтяжку, короткий халатик приталенный. Волосы завиты в локоны, вместо шапочки – игривая заколка в форме сердечка.

Когда их позвали на сцену, красавица кокетливо улыбнулась Артуру:

– Я тебе никого не напоминаю?

– Не молчать! – рявкнула в его наушник Анастасия.

– На врача вы похожи мало, – улыбнулся Артур.

– Ну, ты ведь понимаешь, – девушка сложила губы бантиком, – костюм доктора или медсестры можно купить в любом магазине. Не обязательно в медицинском, кстати.

Он сразу понял, куда пошел разговор, и на душе полегчало. Произнес почти весело:

– Кстати, и костюмы полицейских можно купить. И форму сантехника. Немецкого, я имею в виду.

– О, да, да! – с эротичными интонациями отозвалась ведущая. – Артур, ты меня понял!

Свет в зале погас. На экране – в очень средненьком качестве – начался фильм. Дама в нижнем белье, но на высоченных каблуках вертится перед зеркалом. Гремит дверной звонок. Она доверчиво отпирает. На пороге, конечно, атлет. Полицейская форма эффектно подчеркивает бицепсы-трицепсы. Приветствием себя не утруждает – мигом прижимает хозяйку к стене, его ладонь лезет ей под бюстгальтер.

– Дальше будем смотреть? – Ведущая нажала на паузу. Испытующе взглянула на пару.

Кристина девочкой-паинькой сложила руки на коленях. Прощебетала:

– Можно. Но там... м-мм... не очень прилично дальше будет.

– Вы это видели? – Теледива неприкрыто расстроилась.

– Конечно, – пожала плечами Кристи.

Артур снисходительно пояснил:

– Я никогда не скрывал от любимой, что снимался в порнофильмах.

– Вы считаете это нормальным?

– Обычная работа для мужчины.

– А есть ли у вас совместные проекты? – невинным тоном поинтересовалась красотка.

– Кристи просилась, – кивнул Артур. – Но я запретил. Категорически.

Для мужика порно – нормально. Для женщины – позор.

– Типичный случай мужского шовинизма, – загадочно улыбнулась ведущая. – Но беда в том, что мужчины страшно самоуверенны. Они всегда полагают, что дамы повинуются им беспрекословно.

Артур растерялся. Неужели Кристи его обманула? Он знал: подругу всегда интересовало видео с тремя крестиками. Все-таки снялась? Втайне от него?!

Однако на экране во вновь ставшем темным зале показали совсем другую девушку. Фигура – почти Кристинкина, только в бедрах и талии толще. Но лицо – иное. Нос кноточкой. Глаза близко посажены. Губы пухлые – не от силикона, от природы.

Девушка, в одних чулках и высоких сапожках, лежала в позе Венеры на оттоманке. Левая рука прикрывала интимное место, правая делала вид, что прячет грудь.

– Кто это? – удивился Артур.

Он не заметил, что его подруга смертельно побледнела.

А ведущая укоризненно спросила:

– Как кто? Твоя любимая. Кристина. Будущая супруга.

– Но...

Артур обернулся к любимой, увидел ее налитые слезами глаза. Пробормотал:

– Что за ерунда?

Но Кристи уже всхлипывала в голос. А ведущая умело перекрикивала ее рыдания:

– Изменение разреза глаз. Ринопластика. Коррекция формы губ. Формирование нового профиля. Пластическая операция длилась почти десять часов. Реабилитация после нее – почти полгода. Зачем ты это сделала, Кристи?

Девушка горько всхлипнула.

Телевизионщица ответила за нее:

– Кристина хотела стать красивой. А заодно скрыть, что она снималась во взрослом кино. Сколько у тебя ролей, милая?

В ответ – рыдания.

– Семь! – радостно сообщила теледива. – Несмотря на заурядную внешность, Кристину ценили. Ведь она очень раскованно вела себя перед камерой. И в постели позволяла творить с собой все что угодно.

– Вот для чего ты брала академку. Чтобы сделать операцию? – тихо спросил Артур.

Кристина затравленно кивнула.

Он не колебался ни секунды. Вскочил с дивана и сверху, со всего маху, влепил ей пощечину.

Студия охнула. Ведущая деловито спросила:

– За кино?

Артур ответил честно:

– Кино прощу. А вот когда мне врут – не люблю.

* * *

Грибовчане между собой особо никогда не дружили. В гости друг к другу захаживали, но никаких вам на весь двор вечеринок, свадеб или похорон. Интеллигенция держалась в стороне от торгашей, рабочий класс свысока поглядывал на узбеков.

Но «Свадьба навылет» объединила всех. Раньше соседи едва здоровались, какое там соли или сахарку одолжить, а теперь могли по часу болтать, особенно сразу после эфира.

Когда дело дошло до «Скелета в шкафу», горожане начали горячо спорить, брехня или нет.

Скептики утверждали: все разоблачения придуманы. Герои свои испытания знали заранее и просто оказались отличными артистами.

Оптимисты возражали: невозможно сыграть отчаяние, которое плескалось в глазах пожилого жениха Николая. Ярость, что охватила Артура. Абсолютную растерянность в глазах такого уверенного в себе Полуянова. Даже Раневская не смогла бы. А тут – обычные люди.

Нашлись в Грибовске и доморошенные детективы. Установили: фамилии-имена-отчества у всех действующих лиц настоящие. Василиса и правда из Пачулок, станицы недалеко от Кропоткина. У кандидатки наук Прасковьи – чин чином! – имеется в библиотечном фонде автореферат диссертации. А блестящего журналиста Полуянова те, кто читал «Молодежные вести», и раньше знали.

У иных нашлись знакомые на телевидении, те подтвердили: герой в студии никогда не ведает, что его ждет. За то редакторы со сценаристами и получают большие деньги, что умеют прямо в эфире сорвать маску. Огорошить человека.

Ну, а когда народ в большинстве своем поверил, что страсти на экране творятся не мнимые, тогда начали горячо болеть. До хрипоты спорили, отстаивали своих любимчиков. Причем явных аутсайдеров не было: кто за Полуянова с библиотекаршей стоял горой, кто за потешную в своем

всезнайстве кандидатку наук Прасковью, а иные – за неразумную Василису.

В больнице, где начальствовал Федор Матвеевич, вообще все перемешалось. Раньше было незыблально: пациенты (психические!) в собственном соку варятся, персонал – своим контингентом. А тут начали коалиции в поддержку любимчиков формировать. Без оглядки на чин: доктора, ординаторы, медсестры, истопники, санитары, пациенты. Только буйные или те, кто совсем ничего не соображал, не участвовали.

Федор Матвеевич фаворитов среди героев не имел и на коллективное помешательство поглядывал снисходительно. Его куда больше пророчества Васильича интересовали. Но сколько ни водил бородатого пророка к себе в кабинет на просмотры программы, тот никаких дополнительных деталей не выдал. И вообще, потерял к деревне Селютино интерес.

Близились длинные ноябрьские выходные. Жена пригласила на целых четыре дня «любимую бабушку», то бишь тещу. Федор Матвеевич родственницу не жаловал. Всегда, конечно, можно найти политическое убежище в больнице, но там окончательно от скуки издохнешь. Тихих на праздники распускали по домам, интересных тяжелых случаев не имелось. Сначала доктор планировал сокрыться от вторжения дорогой гостьи в гараже, поковыряться вдоволь с верным стареньkim «Москвичом». Подрихтовать, подкрасить, свечи поменять, электрику посмотреть.

Одно смущало: гараж неотапливаемый, а зима ранняя, дороги припорошены снежной крупой, ночами за окном твердый минус. Если обогреватель гонять, счетчик дикие деньги накрутит.

И вдруг осенило: чем где-то прятаться, лучше сбежать из дома покрупному. Давно ведь зудело, подмывало самому посмотреть на предсказанную Васильичем беду.

Сейчас, когда распутица кончилась, «Москвичок» его до Шибаева доберется запросто. А может, и до Селютина доедет.

Будет чем похвастаться, когда коллектив примется обсуждать, кто как провел праздники.

* * *

Новыми жертвами телевизионщиков оказались кандидатка наук с простым русским именем Прасковья и ее верный рыцарь Александр.

Пара была необычная, с харизмой. Она – очень худая, очкастая и явно не слишком уверенная в себе – выставляла диссертацию, словно величайшее достижение. Постоянно сыпала словечками вроде «генезиса»

или «экстраполяции». Всех (и не всегда к месту) призывала «мыслить с научной точки зрения».

Спутник выглядел полным антиподом. Пухлый простецкий парень. Работал в автосервисе. Простодушно заявлял, что книжки читать ему некогда. Чем слесарю приглянулась ученая вобла, оставалось только гадать. Но глядел он на свою пассию с обожанием, заставляя надевать шарф и шапку, чтоб не замерзла, виновато улыбался:

– Она у меня такая... неприспособленная.

Надю Митрофанову Прасковья раздражала чрезмерно. В ее библиотечном зале ученость считалась абсолютной нормой, даже академики держались не кичливо, а тут заштатная кандидатка наук выпендривается.

Поэтому библиотекарша пришла в полный восторг, когда телевизионщики легко доказали: свою диссертацию Прасковья банально купила.

То есть защищала, конечно, сама, но вот работу – от вступления до заключения – за нее сделали другие.

В студию призвали троих молодых аспирантов, и те подробно рассказали схему: как встречались с заказчицей, получали аванс, обсуждали тему исследования. Потом собирали материал, продумывали план, прописывали главу за главой, готовили к публикации статьи в научных журналах, натаскивали заказчицу перед предзащитой на кафедре, а потом и защитой на ученом совете.

Героиня сначала отпиралась, потом гневалась, под конец раскаялась и разревелась.

Бросилась к Александру:

– Ты меня не простишь?

Тот добродушно усмехнулся:

– Прошу. Только супы варить теперь сама будешь.

Но милостиво облобызать будущую супругу не успел.

К ответу призвали и его.

По виду абсолютно положительный домосед оказался дважды судимым. Первый раз попал за колючку еще в шестнадцать за драку по пьянке. Дальше серьезнее: кража со взломом, дали пять лет.

Прасковья позеленела. Пролепетала:

– Так ты... зэк? Ты деньги у людей воровал?! Боже, какой позор!

Взвилась, вскочила с дивана, дрожащими руками принялась рвать с пиджачка микрофон-петличку.

Вопила истерично:

– Я уезжаю! Немедленно!
– А как же свадьба? – сладким голосом спросила ведущая.
– Jamais! – отчего-то перешла на французский Прасковья. – Je le deteste!^[5]

– Снято! – радостно сообщили из аппаратной.
Камеры выключили, но обманутая невеста продолжала бушевать:
– Дайте мне машину! Не дадите?! Ну и черт с вами! Пешком пойду!
– Александр! – рявкнула Анастасия. – Остановите ее!
Но Саша даже приблизиться не успел – девица метнулась на него, словно дикая кошка. Влепила пощечину. Заорала:
– Иди, Кучина слушай! Татуировку себе выколи! Или ограбь еще кого-нибудь!
– Юриста сюда! – громовым голосом приказала шеф-редактор. – Сейчас я тебе покажу, как истерики устраивать!
– Мне плевать! Никто меня здесь не удержит.

Однако юрист с Анастасией тоже вопить умели. Налетели на Прасковью с двух сторон:

– Три миллиона неустойки, а потом езжай куда хочешь! Деньги вперед!
– Где такое про неустойку?!

– Смотри контракт! – ласково улыбнулась Анастасия.
Протянула листочки.
Несостоявшаяся кандидатка раскрыла документ дрожащими руками. С возмущением произнесла:

– Но такого здесь не было!

– Было там про неустойку. С самого начала, – шепнула Полуянову Надя. – Тоже мне, ученая! Даже договор прочитать не умеет.

Красивым жестом бросить на стол три миллиона Прасковья не смогла. Поэтому пришлось ей остаться. Однако скандальная мадам потребовала, чтобы ее «с этим зэком» немедленно расселили.

– А то мало ли! Вдруг ночью зарежет?!

Шеф-редактор спорить не стала. Согласилась выделить оскорбленной невесте резервный домик. Вещи помогали переносить осветители. Несостоявшийся супруг Александр отсутствовал. Бегал к Петру, единственному местному жителю, за самогоном.

С бутылкой почему-то явился к Наде и Диме.

Искательно улыбнулся:

– Выпьем?

Надя поджала губы – ей тоже не слишком нравились судимые. Но

Полуянов, который много лет вел криминальную хронику, гостеприимно пригласил:

– Проходи.

Саша искательно улыбнулся:

– Может, Кольку еще позовем? Или Толяна?

И опасливо взглянул на Надю.

– Николай непьющий, – вспомнил Полуянов. – А за Толиком сходи.

– Наглость какая! – напустилась на возлюбленного Митрофанова, едва Александр вышел. – На троих они еще будут соображать! В *моем доме*!

– Так присоединяйся! – гостеприимно предложил Дмитрий. – Тебе тоже нужно снять стресс.

Надя покосилась на бутыль с мутным пойлом:

– Нет уж. Спасибо.

– Так и быть. – Полуянов залез в потайной карман куртки, вынул флягу, протянул. – Пожертую тебе. Мой неприкосновенный запас.

Надя отвинтила крышку, понюхала:

– Коньяк?

– Нектар! Армянский, двадцатилетний! Сколько поводов было – не выпил! Для тебя хранил!

Лицо гордое-гордое.

– Мама всегда считала, что коньяк пахнет клопами.

– Так только пессимисты говорят.

– Тогда я, получается, оптимист. Ладно. Гуляем, – решилась Митрофанова.

И стол быстренько организовала: огурчики, помидорки, кинза, бутербродики.

Когда Саша вернулся, посмотрел, словно на богиню:

– Ну, ты даешь!

– Это еще самый скромный, походный вариант, – улыбнулась Надя.

– А моя меня из пластиковых банок кормила, – с нескрываемым отвращением произнес Александр. – Я-то думал – ученая, что с нее взять! А она...

Надя, Дима и Анатолий расхохотались.

Засмеялся и их собутыльник. Произнес самокритично:

– Ладно. Все мы хороши. Давайте за это и выпьем.

Махнул разом полстакана. Крякнул, разрозовелся. Захрустел огурцом. Досадливо произнес:

– Чего мы на это шоу полезли?! С какого перепуга? Это все Прасковья, дурища, славы хотела. Три тура конкурс! Очередь с ночи занимали!

– Так много народа было? – удивилась Митрофанова.

– Тысячи! Со всей страны понаехали. А гостиницу-то не оплачивают. Результаты тоже сразу не объявляют. Десять дней пришлось тут торчать. Мы на съемную квартиру тучу денег спустили. А многие вообще на вокзале ночевали, на лавочках. Хорошо хоть в августе дело было. Тепло. Вам, москвичам, хорошо. А ты, Толик, ведь тоже не местный? Где жил?

Анатолий отозвался виновато:

– Я на отбор не ездил.

– Это как? – удивился бывший зэк.

– Просто позвонили и позвали.

– Прямо сразу участвовать? – опешил собеседник.

– Ну, не прямо сразу. Сначала сказали: мы с канала «Просто the best», у нас к вам интересное предложение. Встретились в кафе. Анастасия была и еще один дядька, я так понял, продюсер.

– Как фамилия? – строго спросил Дима.

– Клычко там какой-то.

– Клычко-Желяев? Специально приходил тебя уговаривать?!

– Не специально. Они сказали, что в Новосибирске проездом.

– Ну и чего?

– Да ничего. Заказали салат. Рассказали про шоу. Пару вопросов задали, я ответил. А через полтора месяца позвонили, сказали – берут. И билеты прислали в Москву.

– Фига себе! Нас и психологи мучили, и редакторы, а потом еще комиссия отборочная. А тебя вот так, за салатом?! – возмущенно воскликнул Александр.

– Ну да.

– Ты, что ли, звезда какая-то? – с интересом спросил Полуянов.

– Да брось, – смущился Анатолий.

Надя – коньяк-нектар ее зацепил – игриво улыбнулась:

– Толя, с вашей внешностью вы обязательно должны играть на сцене.

– Где ты, правда, работаешь? – не отставал журналист.

– Надя угадала, – смущенно улыбнулся тот. – Я в нашем драматическом театре служу. Но во втором составе, про Гамлета не мечтаю даже. – Потом Анатолий оживился: – А еще барменом работаю. Когда спектаклей нет.

– Может быть, вы какой-то блогер знаменитый? – предположила Митрофанова.

– Нет. Пара сотен подписчиков.

– А за что тебя тогда взяли? – строго спросил Дмитрий.

– Сказали, кто-то из редакторов меня на сцене увидел. Понравилось, как держусь. Ну, и внешность фотогеничная.

– Какой ты там фотогеничный! Полстраны таких, – обиженно буркнул Саша.

Полуянов тоже не поверил:

– И главный редактор с продюсером прямо в Новосибирск к тебе явились? Только потому, что ты красиво сказал: «Кушать подано»?

– Они были у нас проездом, я уже сказал! – рассердился Анатолий. – И «кушать подано» я не говорю.

– Что вы пристали к человеку? – защитила красавчика Митрофанова. – Он красивый и смелый. И потом, Дим, нас ведь тоже взяли без всякого конкурса.

– Значит, и вы блатные! Вот везет же людям! – окончательно расстроился Саша. – А мы на дорогу потратились, в Москве кучу денег оставили, а в итоге еще и на всю страну опозорились!

– Но ты как хочешь – мириться или разойтись? – поинтересовался Анатолий.

– Да привык я к ней уже, – растерянно отозвался Саша. – А диссертация – да и пес с ней. Без нее лучше даже.

– Тогда бери у Жеки джип и езжай в Шибаево за цветами, – посоветовал Полуянов.

– Да нас все равно выгонят, – тоскливо отозвался Александр. – Оба мы вруны получились.

– Брось. За тебя все бабы страны будут эсэмэски слать! – улыбнулся Полуянов. – У нас заключенных любят, исторически повелось. Еще и на первое место выйдешь.

Саша налил себе новые полстакана. Объявил тост:

– Давайте! Чтоб больше никаких скелетов! Ни в шкафу, нигде.

– Ой, да! – поддержала Надежда. – Я так устала от этих разоблачений...

– Ещё четверых измучить должны, – напомнил Александр.

– Хоть бы перерыв объявили! – воздела руки к небу Митрофанова. – Небо, помоги мне!

– Бесполезно. Боги телевизионщикам не указ, – усмехнулся Полуянов.

Однако тем же вечером в общем чате программы появилось сообщение:

«Скелет в шкафу» временно не снимаем. Завтра будет новый конкурс. На свежем воздухе».

* * *

В Шибаеве Федор Степанович остановился передохнуть. У продуктового магазина наблюдался аншлаг: трактор, древний «ЗИЛ-130», мотоцикл и даже квадроцикл (сиденье ввиду сырой погоды заботливо укутано целлофаном).

Оживленный разговор – едва в торговом зале завидели чужака – мигом затух. Продавщица с кустистыми бровями и полоской усиков над верхней губой сурово прищурилась:

– Ты кто?

Федор Матвеевич отрекомендовался:

– Из Грибовска я. Врач.

– Так это мозгоправ! – возликовал тощий мужичонка. – Вспомнил! Мы к нему зятя возили с белой горячкой.

– Ну, тогда пусть, – подобрела продавщица. – А то я уж испугалась – опять пожарный или с налоговой.

– А к нам чего? – жадно поинтересовалась старушонка в платке. – Вызвали? Запил, что ли, кто опять?

– Нет. Я в Селютино еду, – не стал скрывать своих планов Федор Матвеевич.

– Иди ты! – разгорячилась бабка. – Там, что ли, крыша поехала у кого?

– Нет. Просто посмотреть хочу. Никогда не видел, как передачи снимают.

– Мы поехали однажды, – важно изрек румяный, пузатый, в кирзачах мужичок. – И что получили? Да хрен собачий. Деревня пустая, один Петька, дурачок их местный, на околице курит. А вся толпа на съемках. В павильоне снимают.

– А попроситься посмотреть нельзя? – спросил доктор.

– Хрена! Не пускают никого просто так. Один раз только к нам приезжали, в массовку звали. Народ чуть не передрался, а они только семь человек отобрали. А теперь и совсем без зрителей снимают.

– Но они ведь не всегда в павильоне?

– Не всегда. Но тебе-то своих планов не скажут!

– А на «Москвиче» доеду я до Селютина?

– Усиленный?

– Нет.

– Тогда ни в жисть.

Федор Матвеевич подумал и обратился к пузатому:

- Сколько за вездеход свой хочешь?
- Купить? – оживился мужичок.
- В аренду. На пару дней.
- У тебя денег не хватит.
- Почему?
- Амортизация. В страховой полис не вписан. Пять косарей, короче.

Федор Степанович внутренне крякнул, но безропотно извлек оранжевую бумажку. К Новому году откладывал жене на подарок.

Купчина ловко выхватил деньги:

- И за топливо штуку.
- Ну, это вообще грабеж!
- Тогда приезжай в следующий раз со своей канистрой. Заправка под Грибовском.
- Наглые вы, шибаевские, – вздохнул доктор.

Кроме тысячи, в кармане только мелочь бренчала. Если никто в гости не позовет, хоть с голоду помирай.

Сделку скрепили рукопожатием. Федор Матвеевич извлек из багажника «Москвича» рабочий ватник, жалкие несколько бутербродов, термос с чаем.

Он спешил добраться в Селютино до темноты, потому стартанул резво, на прощанье не оглянулся. И не увидел, как толстопузый отошел подальше от магазинных дверей, достал телефон и, сверяясь с бумажкой, принялся набирать номер.

Телефонный звонок от него прозвучал в палатке. Защитного цвета, присыпанная листвой и лапником, та была еле различима на заросшей со всех сторон елями полянке. Но связь оказалась отличная, без шипенья и хрипов.

- Что? – отозвался голос с восточным акцентом.
- Местный к вам едет.
- Кто?
- Доктор из Грибовска. Психиатр, – услужливо доложил толстяк.
- Зачем?
- Сказал, на съемки смотреть.
- Для чего психиатру съемки?
- Не знаю.

Дальнейшей реакции не последовало – трубку просто бросили.

– Чертов горец! – ругнулся шибаевский.

Но приходилось терпеть – платили ему щедро.

* * *

Наутро Надю разбудили звуки пионерского горна.

Не просыпаясь, девушка нырнула головой под подушку. Хотя и коньек – то бишь нектар – пила, а в глазах кололо, во рту было сухо. И просыпаться совсем не хотелось.

Труба продолжала наигрывать что-то духоподъемное и очень громкое.

– Совсем одурели, – простонал Полуянов.

Выполз из постели. Подошел к окну, распахнул.

«Пионерская зорька» стала совсем душераздирающей.

– Во дают! – расхохотался журналист. – Репродукторы включили на столбах! Я думал, это старые. Давно не работают. Пробуждайся, подруга. Не успокоятся теперь. Что-то опять затеяли.

Горн наконец утих. Но вместо него раздался прокуренный, бодрый, усиленный мегафоном голос Анастасии:

– Дамы и господа, доброе утро! Московское время восемь часов, погода в Селютино хорошая – плюс два градуса. Сегодня у нас по программе активность на свежем воздухе. Пожалуйста, наденьте спортивные костюмы, возьмите с собой кроссовки и выходите. Через полчаса всех ждем у околицы.

– А кофе попить? Вот извращенцы! – возмутился Полуянов.

Надя пулей вылетела из постели:

– Успеем, Димусик!

Включила газ, поставила воду, сама ринулась к умывальнику.

Полуянов зевнул:

– Вот в тебе энергии! А я чего-то не в форме.

– Еще бы! Столько самогонки в себя влить!

Он кашлянул:

– Блин, еще и горло дерет.

Митрофанова – она, уже в спортивном костюме, мчалась резать колбасу – резко изменила курс. Вытащила из шифоньера аптечку, строго спросила:

– Глотать больно?

– Да нет. Першишт просто.

– Тогда сосалки пока. А вечером посмотрим, – перебросила Диме облатку таблеток.

У Димы еще и коленки крутило, но жаловаться Наде не стал. Начнет сейчас ахать, градусник совать. Лучше парацетамола глотнуть украдкой.

Дома-то все равно не останешься.

«Может, меня Шибаев черной оспой заразил?» – усмехнулся про себя.
И еле удержался, чтобы не рассмеяться от глупейшей гипотезы.

* * *

Как ни пытался гнать, а в Селютино прибыл Федор Матвеевич уже по темноте. Заглушил вездеход-рычалку, с интересом осмотрелся. Домишкы подновленные, фонари новые. Вышка сотовой связи. Урны – в деревне-то!

Время не самое позднее – десять вечера, но на улицах пустота. В окошке мелькнула женская голова, но штора мгновенно задернулась. Новый человек никого не заинтересовал.

Стучать во все дома подряд, проситься на постой?

По счастью, первый встречный прохожий оказался «правильным». Кирзачи, ватник, чесночный запашок.

Прищурился на гостя:

- Ты кто?
- Доктор. Из Грибовска.
- На вызов, что ли?
- Нет. Поглазеть.
- А жить где будешь?
- Не знаю пока.

Дядька хитро прищурился:

- Тогда бартер. Я тебе ночлег, а ты мне грыжу вправишь.

Хирургией – даже столь примитивной – Федор Матвеевич не занимался сроду. Но дело явно нехитрое, да и ночевать больше негде, потому кивнул:

- Сделаем.

Товарищ в ватнике протянул длань:

– Петр я. Пошли быстрей. Чайку – и в люлю. А то завтра вставать рано.

- Чего будет-то?
- Телевизионные гэтэо затеяли.
- Что?
- Ну, это... Быстрее, выше, сильнее.

* * *

Когда участников практически строем пригнали к лесной опушке, Анастасия радостно объявила:

– Дорогие друзья! Сегодня у нас не будет никаких леденящих душу испытаний. Все очень просто. У кого из вас есть значок ГТО?

Кристина с Артуром переглянулись. Дружно подняли руки.

– И это все? – разочарованно протянула шеф-редактор. – Больше никто не умеет быстро бегать, далеко прыгать, метко стрелять?

– Да как-то повода не было, – пробурчал Саша.

А его бывшая невеста отрезала:

– У меня от физкультуры вообще – пожизненное освобождение.

– Увы, но сегодня никакие справки не действуют, – безжалостно возразила Анастасия. – У нас тут нет бассейна, нет винтовок и лыжных трасс. Поэтому полностью выполнить нормы не получится. Но мы решили – трех из них вполне достаточно. Будем прыгать с места, бежать два километра и отжиматься. Результаты пары суммируются. Все поровну, все в семью!

– Несправедливо! – пискнула фальшивая кандидатка наук. Злобно покосилась на Кристину: – Как я угонюсь за этой цаплей?!

– Не переживай, – утешила шеф-редактор. – Отыграешься, когда будет конкурс на интеллект. Итак, первое, элементарное испытание: прыжок с места. Норма на золотой значок для мужчин – два метра двадцать, для дам – метр шестьдесят. Кто хочет начать?

Головы участников дружно оборотились к Артуру с Кристиной.

– Нет, – отрубила Анастасия. – Они будут последними.

– Давайте я, – предложил Полуянов.

Надя взглянула с осуждением – чего, мол, высовываешься?

Но у Димы имелись свои резоны. Парацетамол помог плохо. Коленки продолжало крутить, виски ломило.

Проклятый промороженный павильон!

Заботливая Митрофанова предупреждала: когда сидишь в холодном помещении, да еще и нервы тебе треплют, иммунитет ослаблен вдвое. Простудиться очень легко. Она сама одевалась в два свитера, а когда выключались софиты, укутывалась в плед. Диму тоже пыталась утеплить, но тот гордо отвергал одеяло. Охота была стать похожим на пленного фрица! Он закаленный мужчина.

Вот и дозакалялся. Надо сдать эти их нормы, пока окончательно не развезло.

Камеры выставили умело и быстро.

– Мотор идет!

Ведущая в розовом, с золотыми ангелочками спортивном костюмчике представила:

– Итак, первым у нас совершает прыжок... журналист Дмитрий Полуянов!

Он не сомневался: улетит далеко за два метра. Но неожиданно приземлился на метре восьмидесяти пяти.

– Что ж. Для женщины тридцати пяти лет неплохо, – ехидно прокомментировала ведущая. – А мужчина должен прыгать на два тридцать пять.

– Еще попытка есть?

– Нет. Но твоя спутница может улучшить результат.

За что он любил Митрофанову – ни капли осуждения во взгляде. Смело подошла к отметке старта. Нахмурилась, напрягнулась.

– Воздух не испорти! – насмешливо выкрикнула Василиса.

Но Надю с толку не сбила. В невероятном, совсем не библиотечном броске девушка улетела на метр девяносто.

– Ничего себе! Золотой значок – метр восемьдесят пять. Ты занималась легкой атлетикой?

Надя, тяжело дыша, помотала головой:

– Нет. Прыгаю... исключительно по хозяйству.

– И прыгаешь неплохо! – снисходительно похвалила ведущая. –

Общий результат – три пятьдесят. Кто следующий?

– Давайте я, – предложил Александр. – Тоже попробую прыгнуть за нас обоих. Как можно дальше.

– Мне вообще плевать. Можешь хоть на полметра. – Прасковья после разоблачения употреблять ученые словечки практически перестала.

Но когда сама не смогла получить даже бронзу, а за счет жениха они вытянули прыжки на серебро, сменила гнев на милость.

* * *

Петр предложил отличный наблюдательный пункт. Метрах в ста пятидесяти от съемочной площадки, под прикрытием молодых, но резво разросшихся елей.

«Вестника беды» Федор Матвеевич узнал сразу. Рослый, фактурный, брутальный. Дамы, несомненно, обожали целовать морщинки вокруг его пронзительных глаз, утыкаться носом в налитую мышцами грудь. Ведущая с Анатолием откровенно заигрывала, гримерша поглядывала почти

влюбленно. Обычно подобные экземпляры держат себя крайне снисходительно в отношении всего мира, но этот выглядел скромнягой. Телевизионных девушек не щупал, с видом Наполеона не ходил. Влюблена, что ли, в свою Аллу?

Федор Матвеевич навел на пару бинокль. Переговариваются, иногда улыбаются. Но – удивительно – ни разу друг друга не коснулись. Хотя прочие участники наперебой демонстрируют страсть. Убеленный сединами дядечка лихо отжался двадцать пять раз – юная спутница кинулась душить в объятиях. Красотка-блондинка красивым галопом пробежалась между голых берез – жених на финише схватил на руки, закружил.

Спутник доктора Петр проворчал:

– Фальшивые они насквозь.

– Что? – Федор Матвеевич опустил бинокль.

– На камеру работают, – с осуждением произнес абориген. – На людях – любовь-морковь, а по домам – знаешь как друг на друга орут?

– Подслушиваешь? – улыбнулся психиатр.

– А чем еще заниматься? – простодушно улыбнулся его собеседник.

Ему, похоже, не терпелось выложить свежему человеку все сплетни. Но Федор Матвеевич по роду работы привык не доверять тому, что болтают люди. Гораздо полезнее понаблюдать и самому сделать выводы.

Кто он все-таки такой, Анатолий?

Мужчина, безусловно, в прекрасной форме. Два километра пробежал – на одышку ни намека. Далеко прыгнул, без проблем сделал пятьдесят отжиманий – качественно, до самой земли.

«Такими бывают террористы», – мелькнула странная мысль.

Физически подготовлен. Легко входит в доверие. Старается не привлекать к себе лишнего внимания.

Федор Матвеевич, прежде чем ехать, собрал на Анатолия небольшое досье. Актер второго плана в Новосибирске. Часто вместе с труппой ездит на гастроли по всей области. Отличное, кстати, прикрытие. Как у Чикатило. Тот тоже постоянно разъезжал по командировкам.

Но – с другой стороны – террорист никогда не делает ничего вызывающего. Анатолий же натворил дел: бросил невесту, повесил на нее кредит. Да еще и в телевизор полез. Глупость? Или у него какой-то специальный дьявольский план?

«А скорее всего обычный человек. Просто у моего ясновидящего больная фантазия».

Федор Матвеевич снова обернулся к Петру. Спросил:

– С ними общаться можно?

– Не со всеми, – вздохнул абориген. – Полуянов, например, нормальный мужик. С ним и выпить можно, и побазарить. А есть козлы. И овцы. Вон та, белая, – показал на спортивную блондинку, – на меня духами брызгала.

– Зачем? – удивился доктор.

– Чтоб не вонял.

Федор Матвеевич автоматически повел носом. Девица, несомненно, придирилась. Подумаешь, слегка попахивает чесноком и несвежим бельем. В его больнице куда жестче ароматы встречались.

– А телевизионщики?

– Эти только приказывают. Я для них вроде узбека – чернорабочий.

– На зарплате?

– Да так. Кошкины слезы.

– И что ты делаешь?

– Коробки разгружаю. Аппаратуру таскаю. Листья мету.

– Подслушиваешь? – по-свойски подмигнул доктор.

– Что могу, – хитро улыбнулся местный житель. – Но если у руководства совещание, окна всегда закрыты. И двое охранников патрулируют.

– А кто здесь начальники?

– Вон видишь, баба в синих штанах, глазюки, как у змеи? Это редакторша главная. На всех орет. С ней даже режиссер никогда не спорит. Хотя явно бесится, когда она его учит, как композицию делать.

– Ты мне покажешь, где кто живет?

– Без проблем, – заверил Петр. – Ты только выбирай, к кому переться.

– Могут не пустить?

– Могут. Шеф-редактор охрану вызовет, чтоб с лестницы сбросили. А вон та стервь белая (показал на Кристину) будет денег требовать. Она типа звезда, бесплатно интервью не дает.

– А Толя?

– Джеймс Бонд-то? – задумался. – Этот здоровается. Но общаться не хочет. Спросишь: «Как дела?» – буркнет: «Нормально». И дальше чешет. Хрен знает что за фрукт.

«Наведаюсь я к тебе в гости», – решил доктор.

Искусством допроса он не владел, но разговорить умел кого угодно. Жизнь и работа давно научили.

* * *

Савелий Юрьевич рано вставать ненавидел, но куда врачу деться от подъемов затемно? Пока в больнице служил, к восьми утра извольте явиться на конференцию. Руководящая должность от повинности тоже не избавила. Самые важные звонки, встречи – все спозаранку, так уж в медицине повелось.

Зато когда выпадали отпуска с выходными (нечасто, ох, нечасто!), главный врач отрывался по полной программе. Вырубал у телефона звук и спал по-барски. До часа, двух. В семье знали его слабость, жалели, ходили на цыпочках.

Супруга периодически проверяла его мобильник. Знала: если вдруг из городской администрации, а паче из области позвонят – будить немедленно. Все остальные могут подождать.

И когда в самый что ни на есть праздничный день – четвертого ноября – жена осторожно тронула за плечо в половине восьмого утра, Савелий Юрьевич взглянул испуганно. По хорошему поводу в такое время дергать не будут.

– Кто? – шепнул хрипло.

Супружница виновато отозвалась:

– Федор Матвеевич.

Муж немедленно налился багрянцем. Прошипел:

– К черту!

– Он говорит, очень важно! – пискнула супруга.

Чем, интересно, психиатр смог умаслить жену – всегда неумолимого цербера? Вырвал трубку, заорал:

– Федя! Ты что, охренел?!

– Прости, Савва, – кротко отозвался коллега. – Но дело очень серьезное.

– Что еще?!

– Не по телефону. Надо встретиться. Я в час дня буду в Грибовске.

– Так и звонил бы в час, сволочь! – простонал Савелий Юрьевич.

Отшвырнул телефон, откинулся на подушку. Засопел угрожающе – супруга мигом кинулась прочь из комнаты. Проклятый докторишко!

Савелий Юрьевич сунул голову под подушку. Попытался расслабить мышцы и остудить мозг. Но сон, зараза, не шел. Промучился полчаса, со стоном дотянулся до аппарата, сделал обратный вызов. Пусть сейчас говорит – еще время тратить, в законный выходной с ним встречаться!

Но металлический голос сообщил, что «абонент временно недоступен».

Очень по-человечески: сделать гадость, а потом выключить телефон!

* * *

Целый день Полуянова то морозило, то бросало в жар. Сначала в горле першило, к обеду стало больно глотать. Многое бы отдал за горячий чай и теплую постель возле камина!

Но понимал: съемки из-за какой-то *простуды* никто не перенесет. Станешь жаловаться – только хлюпиком прослышишь, да и Надюха накроет заботой, как квочка крыльями. Нет иного выхода, как оставаться мужчиной и банально выкинуть хворь из головы. Тем более после первого – позорнейшего! – испытания.

Вместо того чтобы кутаться и жалеть себя, Дима решил как следует размяться. Сто приседаний, у Кристины одолжил скакалку, попрыгал. Горло сначала взорвалось болью, но после того как промчался на пределе сил два километра, неожиданно саднить перестало. Полуянов приободрился и, когда дело дошло до отжиманий, схлестнулся с Артуром: кто больше?

– Дима, не сходи с ума! – прошипела Надюха. – Это Iron Man, только себя уморишь!

Но Полуянов уже окончательно поверил, что в топке усталости и пота зачатки простуды сгорят дотла. И хотя в глазах мутилось, руки дрожали, а коленки крутило нещадно, все-таки своего добился. Сделал на одно отжимание больше и бессильно упал носом в посеребренную инеем жухлую траву.

– Браво, господин журналист! – ехидно похвалила ведущая.

Камеры выключили, но полежать на земле не дали. Анастасия погнала строиться, высушивать результаты.

Полуянов с удивлением узнал, что, несмотря на его неудачный прыжок, они с Надей все равно заработали золото. Результаты по всем трем испытаниям складывали, и Надя в отчаянной попытке покрыть «косяк» любимого прыгнула куда дальше своей нормы. На том и выплыли.

– Надя, ты не очень похожа на человека, который ходит на фитнес, – съязвила ведущая.

– Я и не хожу, – честно призналась Митрофанова. – Мне не тренировки помогли, а любовь.

Золотой значок, конечно, получили Артур с Кристиной. И, к вящему удивлению публики, Василиса со своим бодрым старицком.

Еще три пары получили серебро, одна – бронзу. Прасковья с Александром, как ни старался автослесарь, сдали нормативы по прыжкам,

но с единственным отжиманием и двумя километрами за сорок минут от Праксовои остались в неудачниках.

– И прекрасно! – разорялась фальшивая кандидатка наук. – Буду очень рада уехать отсюда.

Но ведущая отбрила:

– Решать не тебе. Когда зрители выгонят, тогда поедешь.

* * *

Полуянов не стал делиться с Надей своей методикой излечения от простуды.

Вечер провел бодрячком: написал вдохновенный пост для блога, любил Надюшку, пили в честь спортивных свершений вкуснейший глинтвейн (умелица Митрофанова спроворила из дешевой кислятины). Озноб и боль в горле вернулись ночью. Подруга, к счастью, крепко спала. Дима втайне выпил парацетамол и хлопанья крыльями в очередной раз избежал. Спал с кошмарами, но пробудился на заре. Причем чувствовал себя прилично. То ли поправился, то ли жаропонижающее еще действовало.

Надюша в полуслне пробормотала:

– Не могу проснуться... все мышцы болят.

Дима подоткнул подруге одеяло, шепнул в ушко:

– И спи себе. Съемки сегодня вряд ли будут.

А сам решил закрепить вчерашний успех. Вместо традиционных кофе и компьютера отправился на пробежку. Простуда обязательно опешит от его зверской решимости и уйдет окончательно.

Дело верно двигалось к зиме. Крыльцо, словно лаком, покрылось ледком, подмороженная трава вкусно хрустела под ногами. Селютино, утомленное вчерашним днем спортивных свершений, крепко спало.

Дима взял курс на окопицу и дальше – к роще, где снимали нормы ГТО. Дорога отличная, грязь придавлена колесами «узиков», вытравлена холодом.

Поначалу, как и вчера, морозный воздух иголками впился в горло. Но Полуянов мчался все быстрее, и боль (опять перепугалась!) начала стихать.

«Всё. Патентую методику», – с усмешкой подумал журналист.

Бежать по вчерашней, проложенной в лесу трассе показалось скучным, и Дима решил двинуться в «большую жизнь» – по дороге, что вела из Селютина к Шибаеву, Грибовску и дальше, в огни, в суету, в столицу.

Сначала просто дышал, по сторонам и под ноги не глядел. Только

когда родимая деревня оказалась километрах в двух за спиной, взгляд выхватил совсем свежий след – характерную колею от квадроцикла.

Дима притормозил. Насколько он знал, ни у кого из съемочной группы подобной техники не было. Зеваки заявились?

Заинтересовался, присел, присмотрелся. Проехали, похоже, совсем недавно – осколки некрепкого ночного ледка летели из-под колес во все стороны. Направлялись в Селютино? Но он проснулся полтора часа назад, никого не видел и звука мотора не слышал. Ехали *отсюда*? Но кто? Почему так рано? И беззвучно?

«Дима, что тебе за дело?» – попытался охолонуть себя.

Однако уже прикидывал, как лучше: побежать по следу обратно или, наоборот, вперед.

И хотя логичнее было выяснить, откуда маршрут квадроцикла начинается, возвращаться Дима не захотел. Решил: «Пробегу еще с километр».

Потом себя спрашивал: что именно повело его в нужном направлении? Еле уловимый запах солярки? Крик птицы, чем-то похожий на человеческий? Или чутье журналиста?

Спустя десять минут – то бишь еще в километре от деревни – след внезапно оборвался. Полуянов недоуменно притормозил. Как это может быть? Слева – поле, справа – рощица. Негустая, с облетевшими деревьями. Квадрик свернул на бездорожье?

Дима сделал несколько шагов назад. Присел на корточки. Он, безусловно, не эксперт, но сначала – судя по отметинам шин – водитель резко тормозил. Потом, после небольшого заноса, остановился. И в неудобном месте, с горочки, вдруг решил ехать через лес.

Зачем?

Полуянов не колебался ни секунды – двинулся по следу. Немедленно продавил весом тела слабенький совсем лед, черпнул кроссовками липкую грязь, чертыихнулся. Зачем квадрик сюда понесло? И без того еле видимая тропа становилась все непролазнее. Дикая малина и еще какие-то неведомые колючки тянули к Диме свои кровожадные лапы.

Полуянов вспомнил о двух кавказцах – Петр недавно жаловался, что те опять здесь бродят. Это их, что ли, квадрик? Но в чем смысл странной поездки – сначала по дороге, потом по глухому лесу?

Ответ он узнал еще через пару метров.

Сначала остро запахло свежесломанным деревом. Дальше увидел: вот он, квадроцикл. Весь передок разбит – снес немаленькую березу. А на сиденье, лицом вниз, недвижимо лежит мужчина.

– Твою мать, – пробормотал журналист.
Горло начало болеть с новой силой.

* * *

«Тело не трогать, место преступления не топтать». Полуянов тысячу раз в жизни слышал непреложную полицейскую истину и считал ее, безусловно, справедливой.

Но любопытство часто пересиливало здравый смысл.

И сейчас ему даже в голову не пришло дисциплинированно удалиться в сторонку и набрать 112.

Хотя бы потому, что здесь, в глухом лесу, сигнала сотовой связи банально не было. Ничего не оставалось, как провести первичный осмотр самому.

Хорошо, заботливая Надюшка когда-то давно сунула ему в карман ветровки перчатки. Дима ими сроду не пользовался, но сейчас пригодились. Натянул, осторожно приподнял мертвеца.

Абсолютно незнакомое лицо. Русское. Не маргинальное. Одет по-походному, но чисто выбрит, ногти аккуратно подстрижены. Тело холодное, но трупных пятен не видать. Совсем недавно погиб. Или убили?

Дима очень аккуратно осмотрел труп. Документов или бумажника не обнаружил. Пулевых или ножевых ранений не заметил. Но дальше Полуянов раздвинул волосы на голове покойного и нахмурился. Наверняка утверждать нельзя, но очень похожую рану он видел в Москве, у ночного клуба, когда один браток влепил другому по кумполу бейсбольной битой.

По телу прошел озноб, и то была не только простуда. Полуянов вдруг осознал, что он в этой дикой глуши абсолютно один. Преступники вряд ли ушли далеко. Увидят шевеление в лесу, услышат шум, вернутся – и ляжет он рядом с незнакомым мужчиной.

Дима очень быстро сделал пару снимков мертвеца. Выбрался на дорогу и припустил в направлении деревни.

* * *

Савелий Юрьевич заснуть так и не смог.

Провертелся до девяти утра и в отчаянии поднялся. Жена – дежурила, что ли, под дверью спальни? – вбежала, запричитала:

– Милый, ну прости!

Доктор буркнул:

– Будешь неделю будильник на три часа ночи ставить. И Федору звонить.

Супруга рассмеялась:

– Давай лучше в два ночи и в пять утра. Так эффективнее. Пошли завтракать?

Савелий Юрьевич выпил кофе, откушал яичницы с ветчиной, закусил гренками. Лениво спросил жену:

– Чем он тебя приворожил-то? Что будить согласилась?

Супруга округлила глаза:

– Сказал, что предсказатель не ошибся.

Главный врач хмыкнул. Взял телефон. Набрал психиатра, раздраженно прослушал очередного робота. Дальше позвонил на квартиру.

– Он на съемки поехал! В эту вашу, как ее, в Селютину! – радостным голосом сообщил старушечий голос.

Не зря говорят – здоровых психиатров в мире нет, все сами с приурью.

К счастью, в памяти телефона у Савелия Юрьевича имелся телефон Анастасии, шеф-редактора программы «Свадьба навылет». Приезжала однажды в городскую больницу с высоким давлением, он принял лично – с такими гостями надо дружить.

Номер московский, платить за междугородний звонок из своего кармана придется, но делать нечего.

– Анастасия Валерьевна? – строго произнес. – Савелий Юрьевич беспокоит. Главный врач Грибовска. У вас там все в норме?

Женщина холодно отозвалась:

– Не жалуемся.

– Никто не болеет?

– А вы можете «Скорую» подогнать? – ехидно поинтересовалась дама. – По вашим чудесным дорогам?

– Вертолет, если надо, пришлю, – веско произнес доктор.

Анастасия хмыкнула:

– Не надо пока, спасибо. У нас все в порядке.

Савелий Юрьевич принял непринужденный тон:

– К вам там мой коллега поехал. Федор Матвеевич. Не видали?

– Коллега? В смысле врач? А кто его вызывал? – строгим тоном поинтересовалась шеф-редактор.

– Нет-нет. Он просто так. Частным порядком. На съемки решил

поглазеть.

– Вообще-то, чтобы глазеть, нужно у меня разрешения спрашивать, – заметила женщина.

– Так видели вы его?

– Я за зеваками не слежу. Вчера натуру снимали – никого посторонних не видела.

– Ну, тогда простите за беспокойство, – поспешил попрощаться Савелий Юрьевич.

В час дня Федор Матвеевич не появился.

А в два на связь вышел начальник полиции. И сообщил, что в полутора километрах от деревни Селютино нашли тело мужчины. Документов при нем не оказалось, но местный житель Петр уверенно опознал в покойном психиатра из Грибовска.

* * *

«Где Полуянов – там обязательно труп».

Надя раз пять повторила.

Дима не спорил. К невесте старался не приближаться – его то морозило, то в жар кидало. Похоже, температура все-таки поднялась.

Но, хотя и пытался прятаться, Митрофанова подозрительно спросила:

– А что ты румяный такой?

– Бегал. Обветрился.

– Рассказывай.

Ловко извернулась, дотронулась губами до виска и немедленно заквохтала:

– Да ты горячий!

И понеслось: чай, мед, градусник, таблетки. Заставила прополоскать горло, в носки насыпала сухой горчицы (откуда только взяла?) и уложила в постель.

Полуянов безропотно принял заботу. Глаза слипались, голова кружилась. Уже засыпая, пробормотал:

– Сама какую-нибудь профилактику выпей.

И вырубился.

Проснулся – за окном чернота, Надя вдохновенно колотит по клавишам лэптопа. Услышала, что он шевелится, мигом свернула файл.

– Что за секреты? – лениво поинтересовался Дима.

Не ответила, бросилась:

– Ты как себя чувствуешь?

Слабым и жалким.

Но уверенно отозвался:

– Отлично. Завтра снова бегать пойду.

– Только попробуй! – не поняла юмора Митрофанова.

Дима, как мог уверенно, выпрыгнул из кровати. Сглотнул – голова продолжала кружиться. Но вида, что ему плохо, не подал. Деловито спросил:

– Что происходит?

Надя с удовольствием доложила:

– Двое полицейских приходили. Тебя хотели опрашивать – я не дала.

– Послушались?

Надя презрительно фыркнула:

– Да там такие кадры! Толстые, лица скучные. Очень расстроенные, что в праздники работать надо. Я сказала – у тебя свиной грипп, очень заразный. И заверила, что – как жена! – все знаю и готова рассказать. Они согласились.

– Профессионалы, – хмыкнул Дима.

Митрофанова взглянула внимательно, сообщила:

– Выглядишь ужасно. Ложись обратно. Я тебя лечить буду.

– Надь, да что ты всполошилась? Обычная простуда.

– Не факт. Кристина тоже заболела. И двое из съемочной группы.

– Да ты что! Чем?

– Похоже на грипп. У всех температура под сорок.

– А может, это черная оспа?

– Тыфу, дурак! – отмахнулась. Но призналась: – Хотя я тоже сначала испугалась. На медицинские форумы ходила. Но меня там на смех подняли. Сказали, натуральная оспа на всей планете побеждена. Много лет назад.

– И штаммы уничтожены?

– Практически. Только в двух научных лабораториях по всему миру остались. Но охраняют их там круче, чем президента.

Дима прокашлялся:

– Я, конечно, не врач, а только сын врача, но горло при натуральной оспе, по-моему, болеть не должно. Это все сквозняки проклятые в павильоне.

– Завтра доктор приедет – разберется.

– Зачем мне доктор?

– Как зачем? А если осложнение? Воспаление легких, миокардит? Я сказала Анастасии, чтобы обязательно вызвали.

- Паникерша. Лично у меня уже все прошло.
- Все равно нужно проконтролировать.
- Да, Митрофanova. Я гляжу, ты бурную деятельность развела. Какие еще новости?
- Могу про труп рассказать.
- Его опознали?
- Да. Это местный. В смысле из Грибовска. Главный врач психушки.
- Документов при нем не было.
- С ним наш абориген знаком. Этот дядька-вонючка.
- А зачем психиатр сюда приезжал?
- Неведомо.
- С ним несчастный случай или убили?
- Эксперт молчит как рыба, – фыркнула Митрофanova. – Но все болтают: голову доктору проломили и ограбили.
- А почему тогда квадрик не взяли?
- Съехали с дороги типа следы замести. Завязли. Плюнули.
- Глупость. Скорее, они хотели показать, что доктор сам в дерево врезался.
- Все, что знаю, – пожала плечами она.
- Подозревают кого-нибудь?
- Петр про двух горцев болтает. Вроде те не просто вокруг деревни крутились, а тут живут постоянно.
- Где?
- Палатку он видел. Где-то в чащобе. Предлагал показать, но полицейские не пошли.
- Слушай, откуда ты все это знаешь? – изумился Полуянов.
- Интересное кино! Ты спал почти семь часов! Мне было скучно. Вот я и собирала информацию.
- Как?
- Что-то у Анастасии вытянула. С Аллой поболтали. Прасковья сама приходила.
- А они откуда знают?
- Женщинам положено, – назидательно сказала Митрофanova. – Кто случайно услышал, кто специально подслушал.
- Что наше начальство думает делать?
- Show must go on, – вздохнула девушка. – Сегодня перерыв на форс-мажор, а завтра, говорят, опять съемки. А пока народ развлекается, в блогах строчит. Прасковья такое выдала – просто умереть! Показать?
- Давай.

Невеста взяла лэптоп, подошла к его постели. Полуянов скосил глаза на свернутый файл – активный чат. На фотке собеседника – наглая рожа московского блогера. Ай да Надюшка! Не теряется.

Но устраивать сцен ревности не стал. Сделал вид, что не заметил. Надя поспешила закрыть файл, открыла новый, положила компьютер Диме на колени:

– Вот.

– *Рядом с нами маньяк?* – с выражением зачитал Полуянов. Поперхнулся от смеха. Продолжил: – *У нас ужасные новости! На съемки программы «Свадьба навылет» приезжал инкогнито главный психиатр города Грибовска. Однако кто-то провел, что доктор здесь, и теперь он убит. Ему проломили голову. Возникает вопрос, кто это сделал. Официальная версия – ограбление – не выдерживает никакой критики. У доктора даже дорогую технику – квадроцикл – не забрали. Предлагаю свой вариант: убил один из участников нашего шоу. Спросите – зачем? Отвечаю. Незваного гостя, по слухам, интересовала тема патологических личностей. Психиатр имел обширную картотеку – заносил в нее психопатов, некрофилов, маньяков. Он внимательно смотрел нашу программу и приехал в Селютино, потому что заподозрил в одном из героев преступника. Но тот не допустил разоблачения. Теперь психиатр мертв. Однако смерть его списали на рядовой грабеж. Никто не ищет маньяка. Съемки продолжаются. Нормальных дорог здесь нет – до «большой земли» можно добраться только на вертолете. Мы все в огромной опасности. Но никого это не волнует.*

– Круто? – усмехнулась Надя.

– Да, – покачал головой Полуянов. Скосил глаза на отклики, оповестил: – Отреагировали семь тысяч двести сорок человек. Меньше чем за час.

– По-моему, клинический бред, – приговорила Митрофанова.

Полуянов ответил после паузы:

– Зачем-то психиатр сюда приезжал?

– Но не маньяка ведь искать! Нас всех сто раз проверили и перепроверили!

Однако журналист резво вскочил.

– Ты куда? – взвилась Надя.

– Пойду пройдусь.

– Зачем?

– Не могу я допустить, чтобы кандидаты наук следствие вели, – улыбнулся он. – Тем более фальшивые.

* * *

Надины информаторы подслушивали и подглядывали. Димин контрагент Петр рубанул с плеча:

- Доктору нужен был Толик.
- А зачем? – осторожно спросил Полуянов.
- Без понятия, – развел руками абориген. – Но когда мы за съемками наблюдали, он бинокля с него не сводил. А вечером в их хату пошел. Полтора часа там пробыл.
- Откуда знаешь?
- Сам провожал. И ждал во дворе.
- И что психиатр сказал, когда вышел?
- Ни гу-гу. Но рожа довольная была. Все порывался немедленно в Грибовск ехать. Я еле отговорил. Куда ночью на квадрике? Он тогда себе будильник на шесть поставил и двинулся утром, еще только рассветать начало.
- Так и не сказал тебе ничего?
- Нет. Но куда-то звонил два раза.
- Подслушивал?
- Да он во двор вышел. И говорил тихо, – досадливо отозвался Петр. – Я только пару слов разобрал. Одно «Новосибирск». И что-то узнавать просил очень срочно.

Дима вздрогнул.

Анатолий, насколько он помнил, как раз из этого города.

А Полуянову после драматической истории с эпидемией оспы в 1959–1960 годах, что вытащили на свет телевизионщики, никак не давала покоя тема грозных инфекций.

И ведь как раз в Новосибирске находится знаменитый центр вирусологии и биотехнологии «Вектор». Одно из двух мест в мире, где сохранились штаммы натуральной оспы. Так ли надежно лабораторию охраняют?

Вдруг обаятельный немногословный Толик – не банальный маньяк, но настоящий грозный террорист? И его дьявольский план – заразить их всех смертельной болезнью?! Схема получается очень эффектная. Сначала вытянуть на божий свет тему оспы. Поднять шороху в Интернете. А потом явить сам вирус.

Полуянов автоматически приложил руку ко лбу. Прохладный. Вряд ли бы оспа столь легко и быстро прошла. Да и каким образом Анатолий –

заштатный актер второго плана – мог продумать и осуществить столь масштабное действие?

Но, допустим, что-то доктор про Анатолия все-таки вывел. Что-то крамольное. И тогда мужчина решает убить психиатра.

Как он мог это сделать? Своего транспорта у него нет. Да и колея – Дима помнил – на дороге была единственная.

Убил еще в деревне и потом вместе с мертвым телом ехал почти два километра? Или специально караулил далеко за окраиной, у леса, чтобы никаких свидетелей?

Дима пожалел, что, потрясенный своей находкой, совсем не обратил внимания, имелись ли на дороге следы борьбы. Или просто следы.

Спросил Петра:

– Ты доктора провожал?

– А то! – гордо отозвался местный житель. – Даже кофий ему сварил.

– Когда он поехал, ты сразу в дом ушел?

– Нет. Стоял, смотрел. Он до окраины на малых оборотах доехал, чтобы никого не будить. А дальше уж погнал.

– Кто убил-то его? – будто в пространство, спросил Полуянов.

– Все говорят – джигиты. А я думаю – может, Толик? Раз доктор по его душу приезжал?

– С полицейскими говорил об этом?

– Да что я, больной? – схватился за голову абориген. – Оно мне надо – проблем на свою задницу наживать? Я и про то, что доктор у меня квартировал, тоже ни гу-гу. Затаскают ведь или вообще дело пришлют.

– А если все равно узнают? Тем более будут подозревать.

Но Петр только отмахнулся:

– Брось. Нашей полиции все по фигу. Что им удобнее всего? Лицо кавказской национальности. Причем неустановленное. Вон даже палатку ихнюю искать не стали.

– А ты ее правда видел?

Петр слегка смущался:

– Ну... прямо близко я не подходил. Сдрейфил. Но издали очень похоже. И дымок вился – костер, что ли, жгли.

При чем здесь горцы и зачем им жить промозглыми осенними ночами в глухом лесу неподалеку от деревни Селютино, Дима понять не мог. Его куда больше интересовал Анатолий. Как бы выяснить, где тот провел конец ночи и утро?

Вопроса, зачем ему лезть в это дело, даже не возникало.

Довольно прочие участники шоу навалили в Интернет глупостей. Он –

единственный среди доморощенных писак профессионал. И просто обязан докопаться до истины. Да и рубрика «Испытано на себе» рангом куда ниже, чем статья о самоличном расследовании убийства.

План действий придумался простейший.

Они с Анатолием – практически кореша. Позавчера выпивали вместе. Надо банально заглянуть в гости и поболтать за жизнь. Он, конечно, не психиатр, но, если внимательно понаблюдает, возможно, тоже сможет отыскать в смазливом актере черты *маниака*. Или поймать на слове, что-то подозрительное заметить.

Отправился претворять план в жизнь немедленно – сейчас, на кураже, казалось, что его собственный недуг полностью отступил.

Дима резво дошагал до домика, где проживал подозреваемый.

На стук за порог вышла грустная Алла:

– Заболел он.

– Чем?

– Да грипп, похоже. Температура тридцать девять и пять. Мышцы ломит, на свет смотреть больно. Напоила аспирином. Спит сейчас.

«Вез штаммы оспы – и сам заразился? Нет, как-то несолидно».

– Бедняга. И давно его скрутило? – сочувственно спросил Дима.

– Вчера вечером слег, – вздохнула девушка. Добавила не без досады: – Всю ночь вокруг него скакала. То воды ему, то уксусом обтирала.

– Совсем не спала? – Дима дружески приобнял Аллу.

Она с удовольствием прижалась к нему. Посетовала:

– Да ужас! Только задремлю – он опять зовет.

– А что за мужик к вам вечером приходил? – невинно поинтересовался Полуянов.

– Да сумасшедший какой-то. Хотя сказал, что он психиатр, – улыбнулась она. – Такие глупости нес!

И безо всяких наводящих начала рассказывать:

– Есть у него в больнице какой-то пациент типа пророка. Уже много чего предсказал, и все сбылось. Так вот. Как этот псих, который в психушке лежит, Толика увидит по ящику, сразу в буйство приходит и начинает кричать: «Вестник зла, вестник зла!» Врач и приехал выяснить.

– Ты серьезно?

– Ну, он так сказал.

– А вы что?

– Мы посмеялись.

«Может, метод такой – чтобы человека прощупать?»

– О чём еще говорили? – спросил Дима.

Алла прищурилась:

– А тебе зачем? Хочешь в свою газету про Толика гадостей написать?

– Зря ты так, – укорил Полуянов.

– Прости, – легко пошла на попятный она. – Просто я вся на нервах, ночь не спала.

Понизила голос – хотя кто тут, во дворе, мог их услышать? Добавила:

– Смеяться-то смеялись, Толик громче всех. Но я теперь думаю: ведь этот психиатр странный только к нам заходил, к другим нет. Почему?

– Сама-то как думаешь?

– Да всю голову сломала! Но с чего вдруг Толик – вестник беды, понять не могу. Нормальный мужик. Еще получше многих.

– А из дома он не выходил? Вчера вечером, ночью, утром? – невинным тоном продолжал Полуянов.

– Нет, – покачала головой Алла. – Он совсем плохой был.

– Ты с него глаз не спускала?

– Ну, я вырубалась, конечно. Но не больше чем на полчаса. Нет. Не выходил Толя. И доктора не убивал. Но только...

– Что?

Она прошептала досадливо:

– Я защищаю его, конечно. И вроде как невеста считаюсь. Но я ведь совсем не знаю, что он за человек!

– То есть как? – удивился Дима.

– Ну, это я выразилась неправильно. Знаю-то я его лет пять. Мы вместе в театре служим. Он актер, я гримерша. Только никогда не общались особо. Так. Привет, пока.

– А с чего вдруг взяли жениться?

Алла придинулась близко-близко. Зашелестела в самое ухо:

– Он этим летом меня вдруг в кафе позвал. Ни с того ни с сего. И говорит: «У меня к тебе деловое предложение. Давай подадим заявление в загс». Я, конечно, в отпаде. Спрашиваю: «А зачем?» А он: «Меня в ти-ви-шоу сниматься зовут. Но туда нужно только с невестой. Роль ответственная. Возьмешься?»

Дима молчал. Переваривал. Алла смущенно добавила:

– Я его сначала послать хотела. Но потом подумала: мужчина видный, положительный. И приключение. И слава. Почему нет?

– А почему, прости, он именно тебя позвал?

Алла насупилась:

– Считаешь, недостойна мачо? Да ладно, не утешай. На это у Толика объяснение тоже было. Люська, прима наша, к нему дышит неровно и

поехала бы – только помани. Но она потом ведь и правда жениться на себе заставит. А я женщина разумная и непрятязательная.

– Странно, что у него своей девушки не было.

– Так он только недавно с ней разругался. В себя еще не пришел. Я ее тоже знала. Истеричка еще та.

– Это которую на съемки привозили?

– Ну да. Только тут она себя еще тихо вела. Необычно тихо. Хотя по жизни абсолютная фурия. Называла Толику постоянно. В театр приезжала. Выслеживала его, чтобы никогда и ни с кем. Когда они разбежались, вообще пошла в разнос. Однажды приперлась, мы после спектакля выходим – она у служебного входа. Увидела нас, из бутылки себя чем-то облила и орет: «Это бензин! Сейчас я себя подожгу!» Наши парни еле успели ее скрутить, зажигалку отобрать. Толик даже увольняться собирался, переезжать куда-нибудь – да главный режиссер не отпустил. Мы тоже все уговаривали: «Перемелется – мука будет». И тут очень кстати эти съемки подворачиваются. Вот так я и стала невестой.

– В полном смысле этого слова? – уточнил Дима.

Алла покраснела:

– Ну, в постели он нормальный. Удовольствие умеет доставить.

– Да-а, – протянул Дима. – История… Вы вместе сколько живете?

– Как муж и жена – только здесь начали.

– И как он? В быту, вообще?

– Обычно. Хозяйство не любит, но, в принципе, все делает, если попросишь. Не бьет, не орет. Никакого садо там или мазо. Но говорить, – вздохнула, – нам как-то не о чем. Когда дома сидим, он в свой планшет глядит, я в свой.

– Никаких странностей не замечала за ним?

– Рисует.

– Хм.

– Исключительно розы. Всегда красные. И знаешь, так очень тщательно. Каждую прожилку на листиках прокрашивает, каждую колючку. Целый блокнот уже измалевал.

– А куда-нибудь ходит без тебя?

– Куда тут ходить-то? – пожала плечами Алла. – Бегает только.

– Подолгу?

– Да как все. Полчаса. Иногда час.

– Никогда не проверяла, куда он бегает?

– Нет. Но возвращается всегда потный, усталый. А, еще позавчера уходил, часа на два. И пришел пьяный. Сказал, у тебя квасили. Так?

– Так, – кивнул Дима. – Что ты еще о нем знаешь?

– Ну... – замялась Алла. – Артист он так себе. В театре за фактуру держат. Зато в баре личность популярная, от постоянных клиенток отбоя нет. И деньги водятся – чаевых каждый вечер тысяч пять-десять.

Полуянов лихорадочно соображал, о чем бы еще спросить. Нет ли у Анатолия особых запросов в постели? Но Алла уже сказала: здесь все нормально. Впрочем, и Чикатило с законной женой жил почти дружно.

– Слушай, а он правда кредит на свою подругу взял и потом отказался отдавать? – вспомнил Дима.

– Да врет она все! – отмахнулась Алла. – Баба с закидонами, я тебе говорю. Знаю я все про тот кредит. Захотелось ей однажды на Мальдивы. Вот именно на Мальдивы, и никуда больше. Причем на какой-то остров премиальный, куда одни звезды ездят. Толик ей сразу сказал: не по карману. Но она ведь упрямей осла. И всегда назло сделает. Взяла тайком заем и купила тур. За сумасшедшие деньги. Сдать обратно нельзя. Толик сначала ругался, все-таки потом поехал. Не выкидывать ведь путевку.

– А где его подруга работала, кстати? – Дима спросил просто для поддержания разговора.

Но Алла ответила неожиданно:

– Толик не знает.

– То есть как?

– Она не говорила. Он раз спросил, второй, потом плонул.

– Поверить не могу!

– Я тебе правду говорю. Эта истеричка заявила: «Мое личное дело. А будешь выслеживать – вообще убью».

– Я бы выследил.

– Ну а Толя решил: не говорит – значит, в органах работает. Или в «почтовом ящике». А допытываться – не такой человек. Он вообще равнодушный довольно. Не признаешься – и не надо. Сам себе интересен. А другие люди ему до лампочки.

– И зачем тебе такой жених? – изумился Дима.

– Ну, это ведь временно. Замуж за него я теперь точно не пойду. Даже если звать будет. Зато телевидение. Известность. Может, в артистки выйду. Или кругосветку выиграем, – без энтузиазма отозвалась Алла. Поежилась. Произнесла: – Глупая я. Наговорила тебе... Пойдешь ведь сейчас статью писать.

– О чём?

– Что я фальшивая невеста. Или что Толик – вестник беды.

– Ты не хочешь, чтобы я это делал?

– Нет, конечно!
– А зачем рассказала тогда?
– Просто так. Душу излить хорошему человеку. Ты вот, сразу видно, настоящий.

Обняла. Прижалась.

Дима отвечать на объятие не стал.

– Ладно. Пойду, – вздохнула Алла. – Сейчас, наверно, опять проснется, будет воды просить или еще чего. – Взглянула умоляюще, еще раз попросила: – Ты обещал. Не пиши про нас. И никому не рассказывай.

– Не буду, – кивнул журналист.

Никакого «гвоздя» Алла ему все равно не дала. А разводить сплетни – не его профиль.

* * *

Кристина болела редко. Но если приключалась такая напасть, становилась абсолютно несносной. Будто капризная царевна, гоняла Артура сутки напролет. То подай одеяло, то убери. Воды, сока, мокре полотенце на лоб. Потом вдруг начала кричать, будто Шибаев – тот урод, что на съемках Полуянова обвинял, – ее натуральной оспой заразил.

По счастью, Артур приятельствовал с одной из помощниц Анастасии. Эта девушка, очень полная, страшно стеснялась своей комплекции, а он с удовольствием просвещал, как похудеть быстро и безопасно. В обмен телевизионница приоткрывала секреты «кухни». И про якобы Шибаева поведала под страшным секретом: действительно актер. Четыре часа гримировали.

Теперь Артур и Кристине тайну раскрыл. Она вроде успокоилась, ненадолго вздрогнула, но к полуночи опять подскочила. И противным кислым голосом стала требовать ни много ни мало – ананас. А где его в диком Селютине взять?

Тут уж будущий муж начал конкретно раздражаться. Если сейчас невыносима до крайности, что будет, когда забеременеет?

Но потрогал горячий лоб – жаропонижающие на Кристину почему-то не действовали – и сменил гнев на милость. Всегда здоровому человеку внезапно стать больным и слабым особенно тяжело.

Свежий фрукт, конечно, не разыскал, но раздобыл у киношников банку ананасового компота. Пока бегал по ночному Селютину, приметил: во дворе у Петра, местного пропойцы, возвышается нечто объемное. Сверху

укрыто брезентом.

Ничего непонятного рядом с собой Артур не любил. Постоял минут пять за столбом, понаблюдал. Окна темные, в доме тишина. Потом легко перемахнул через невысокий забор. Подошел. Осторожно приподнял край брезента. Ничего себе – квадроцикл! Кто это в гости пожаловал?

Сердце сразу застучало ударов на двадцать быстрее. Артура мало волновали телевизионщики – те постоянно одни приезжают, другие отбывают в столицу. Но если гость прячется в убогом домишке аборигена и транспортное средство скрывает, это всегда настораживает.

Не по его ли душу?

В тысячный раз укорил себя, что позволил тщеславию победить, беспечно выставил себя напоказ всей стране. И опять приказал себе: «Прекрати панику! Вычислить тебя невозможно».

Вернулся с банкой ананасового компота к невесте, принялся снова кружить вокруг ее одра. Еще до рассвета услышал ропот двигателя – еле слышный, на малых оборотах. Выскочил во двор ровно в тот момент, когда мимо очень медленно прополз квадрик. За рулем – пожилой полноватый дядька в ватной куртке, на мента или следака не похож. Артур слегка успокоился. Кристине наконец тоже стало легче. Оба задремали. Проснулись ближе к полуночи от громкого стука в дверь – прибежала Прасковья делиться страшными новостями. К Петру приезжал непонятно зачем психиатр из местной больницы, и теперь этот самый доктор убит.

Версия про *маньяка среди нас* Артура ни капли не впечатлила. И гибель незнакомого человека не взволновала ни капли. Беспокоило другое: полиция понаедет, начнет вынюхивать, всегда опасно, когда ищейки рядом крутятся.

Однако едва увидел несолидных местных силовиков, сразу перестал волноваться. Подобные кадры глубоко копать в жизни не будут. Да и в чем им Артура обвинять? Доктора приезжего он в глаза не видел, а всю ночь и утро дома просидел, Кристинка подтвердит.

* * *

Савелий Юрьевич пил уже третий стакан успокоительного чаю с ромашкой и никак не мог придумать, что ему делать. Проявить гражданскую сознательность, пойти в полицию? Пролить свет на мотивы поездки коллеги в Селютино, рассказать про сумасшедшего бородача, его пророчества? Сдать, таким образом, неведомого ему лично Анатolia,

участника шоу? Но по обвинению в чем? Что тот вестник беды?! Смешно.

Может, самому поехать в психушку, допросить тамошнего прорицателя?

Еще глупее.

Просто промолчать? Пусть полицейские сами работают? Тем более ничего не известно пока. Может, просто несчастный случай.

Пока раздумывал, грянул телефонный звонок. Ух ты! Желчная шеф-редактор. Что, интересно, ей надо?

– Слушаю вас очень внимательно, – прошелестел бархатисто.

Женщина здороваться не стала. Деловито произнесла:

– Савелий Юрьевич, вы ведь главный врач, насколько я помню?

– Да. Заведую местной ГКБ. Чем могу быть полезен?

– У нас в Селютине народ заболел.

– Чем?

– То ли простуда, то ли вирус. Семь человек с высокой температурой.

– Какая температура?

– У кого как. Тридцать восемь и пять. Тридцать девять. У одной девушки под сорок.

Савелий Юрьевич насторожился: обычные ОРВИ таких высоких цифр не дают. Требовательно спросил:

– На что еще жалуются?

– Голова болит. Горло. Суставы ломит. Спину.

– Кашель есть?

– Нет вроде.

– Сыпь?

– Нет.

– Температура сбивается?

– По-разному. Один совсем ожил. У двоих тридцать семь с копейками. Девушке плохо. Но вы что, предлагаете нам самостоятельно ставить диагнозы? Или заняться самолечением? Нет уж. Мы граждане России и имеем право на медицинскую помощь. Помнится, вы говорили: надо будет – вышлете вертолет. Вот и держите слово.

«Ага. Попробую я от области технику потребовать из-за ОРВИ или даже гриппа».

Но отказывать скандальным столичным штучкам себе дороже.

Заверил:

– Будет вам врач.

– Когда?

– В течение дня.

На станцию «Скорой помощи» звонить бесполезно – начнут скулить, что их машина в Селютино не проедет, завязнет. И, вероятно, будут правы.

Кого-нибудь из терапии к телевизионщикам отправить? Или на всякий случай инфекциониста? На «уазике»?

«А может, – вдруг осенило, – самому съездить?»

Передвигался Савелий Юрьевич на мощном джипе, никакие ямы-колеи не страшны.

Больных – будучи администратором – давно не вел, но с ОРВИ уж как-нибудь справится.

«И все про Федора разузнаю – на месте».

* * *

К вечеру у Кристины появилась сыпь – совсем крошечные красные точки на сгибах локтей, на груди, на лице, на шее.

– Что это за дрянь?! – взвыла девушка. – Я тебе говорю: это оспа!!!

– Хватит! – рявкнул Артур. – Ты ветрянкой болела?

– Да. Или, может, свинкой. Я не помню, – с несчастным видом отозвалась подруга.

– А прививки тебе все делали?

– Не зна-аю! – убито всхлипнула она.

Артур про себя тихонько порадовался. Хорошо, что у Кристины не грипп. А всей детской инфекционкой он честно переболел. Значит, не заразится.

Невеста – только что лежала с умирающим видом – вдруг резко села в постели.

– Ты чего? – удивился он.

Девушка потребовала:

– Дай мне зеркало.

Взглянула на лицо – снова завопила:

– Как я с этим сниматься буду?!

– Ну... может, пройдет, – пробормотал Артур.

Он сам – издерганный бессонной ночью, суматошным днем, убийством – про грядущую борьбу пар даже не думал.

– Ветрянка – это на три недели! – продолжала причитать Кристина. – Нас просто выкинут из программы – и все!

– Может, у тебя аллергия? – попробовал утешить Артур.

– С температурой? – взвилась она. – Что ты несешь?!

– Да подожди бушевать. Смотри. Жаропонижающее тебя не берет. Теперь еще сыпь. У тебя, наверно, эта, как ее... индивидуальная непереносимость.

– Тогда больше мне никаких таблеток не давай! – приказала царевна. – И тональник из сумочки принеси.

– Зачем?

– Надо замазать. Чтобы врач не увидел.

– Ты с ума сошла?!

– А ты думаешь, я допущу, чтобы мы вот так вот позорно проиграли?!

* * *

Когда супруг отбыл, Марина Романовна вздохнула с облегчением.

Савелий Юрьевич, чем ближе к старости, в быту становился все сложней. Сон ему оберегай, чаи заваривай только с травами, еду готовь обезжиренную. И вечно то ворчит, то приказами сыплет.

Женщина взглянула на часы: начало пятого, начинает смеркаться. В Селютино муж доберется, дай бог, к восьми вечера. Пока всех осмотрит – дело к полуночи. Домой по такому времени не поедет.

И хорошо.

Постучалась в комнату к дочке.

Лариса после развода хандрила. С работы уволилась, целыми днями валялась в кровати, вздыхала над любовными романами. Трескала печеньки, сильно поправилась. Отец с мужской прямотой пытался встряхнуть дочь:

– Забудь своего козла и начинай новую жизнь!

Лариса шипела сердито:

– Отстань!

Мать понимала: ей тяжко. Под сороковник, не красавица, детей нет. Боится, что теперь до смерти куковать в родительском доме придется.

– Чего ты, мам? – Лариса подняла глаза от очередной яркой книжицы.

– Шампанского хочу, – улыбнулась Марина Романовна. – Все-таки праздник сегодня. И папа уехал. Давай в кино сходим. А потом в ресторан.

* * *

Зря его ругала Надюшка – Дима считал, что спасла его именно

шоковая терапия. Вон остальные лежат, себя жалеют, чай с медом пьют и не поправляются. А он с утра побегал, вечером к Алле сходил, теперь за компьютером глаза ломает – и чувствует себя прекрасно.

Митрофанова подошла, пощупала лоб. С подозрением произнесла:

– Нормальная. Ты жаропонижающее не пил?

– Нет, нет. Я поправился. Говорю тебе.

– И чего это было с тобой?

– Краткосрочная простуда.

– А у Кристины, говорят, сыпь появилась. У тебя нигде нету?

И шарит глазами, как заправский доктор.

Полуянов улыбнулся:

– Мне раздеться?

– А давай! – задорно предложила Надя.

Дима покорно вытерпел осмотр кожных покровов, а затем повалил своего личного доктора на кровать.

Митрофанова устроилась на подушках в умелой позе – чтобы гигантская грудь била в глаза, подавляла, вышибала остатки разума. Улыбнулась:

– Ладно. Раз сыпи нет, могу тебе разрешить небольшую физическую нагрузку.

Едва успели отдохнуть – в дверь застучали. Митрофанова пискнула, бросилась лихорадочно натягивать джинсы. Полуянов зациклившись на хорошем тоне не стал. Накинул банный халат (собственность телеканала) и пошел открывать.

На пороге возвышался мясистый, деловитый, лоснящийся незнакомец. В руках – докторский чемоданчик. Глаза уверенные, почти наглые. Ни разу не похож на вечно бледных, загнанных участковых.

Требовательно спросил:

– Где больной?

– Перед вами, – улыбнулся журналист.

– Дмитрий Полуянов? – Мужчина взглянул на его голые ноги. Потом на уличный термометр – тот показывал плюс один.

В сени выскочила Надя, застrekотала:

– Вы врач? Пожалуйста, проходите!

Мужчина важно прошествовал в дом. Умостился в горнице у стола, попенял Дмитрию:

– Если больной, почему на холод голым выскакиваешь?

– Я закаленный, – отмахнулся Дима.

Коротко изложил врачу историю болезни и твердо заверил: сейчас он в

совершенном порядке.

Мужчина на слово не поверил – Полуянову пришлось вытерпеть еще один тотальный осмотр.

Надюшка перетаптывалась на пороге горницы. Когда доктор встал, недоверчиво спросила:

– Он правда поправился?

– Сейчас никаких проблем не вижу, – скруто улыбнулся мужчина.

– Очень странно. Даже простуда за один день не проходит. А он вчера как кипяток был... – пробормотала Надюшка. И невинным тоном осведомилась: – А что с остальными?

– Предварительный диагноз – ОРВИ.

– У Кристины какая-то сыпь, – заложила конкурентку Митрофанова.

– Видел. – Доктор почему-то усмехнулся.

– И что это у нее?

– Давайте не будем обсуждать чужие диагнозы.

– Но она не заразная?

– Навещать ее пока не нужно.

С тем и ушел.

– Странное какое-то ОРВИ, – задумчиво проговорила Надя. – Кристине совсем плохо, Артуру хоть бы хны. Толик болеет. Алла – нет. И я от тебя не заразилась.

– Зато точно – не оспа. Она косит всех поголовно, – усмехнулся Дима.

И снова вернулся к компьютеру.

Хотя Анатолий сейчас и выглядел абсолютно больным и беспомощным, Диму всерьез заинтересовала версия, что красавец из Новосибирска задумывал масштабный террористический акт.

Но только что можно узнать отсюда, из Селютина? Мировая паутина оказалась чрезвычайно скруто в отношении артиста второго плана. В рецензиях на спектакли театра его фамилия не упоминалась ни разу. Профили в социальных сетях оказались банальны до неприличия. Фотки ресторанных блюд. Селфи на фоне Эйфелевой башни. И по поводу шоу Анатолий – единственный из всех – ни разу в Интернете не высказался. Хотя по контракту они вроде все обязаны.

А про его экс-девушку – Людмилу Петельскую – вообще не нашлось ни одного упоминания. Даже профилей в соцсетях не имелось. По нынешнему времени – совсем подозрительно.

* * *

Савелий Юрьевич завершил обход страждущих поздним вечером. Семь домов в разных краях деревни посетить – не шутка. Ноги с непривычки гудели. Настроение с каждым часом становилось все поганее.

Съемочная группа выделила доктору гостевой дом со всеми удобствами, и кровать здесь оказалась с ортопедическим матрасом, но все равно перспектива ночевать в Селютине чрезвычайно раздражала. Как он в незнакомом месте уснет? Давно уже не интерн, кто хоть в ординаторской дремлет, хоть на жесткой койке в дежурке.

Еще больше раздражало, что он – главный по медицине во всем Грибовске – не понимал природу хвори, свалившейся на *временно местных* жителей.

Народ в Селютине увлеченно муссировал тему натуральной оспы, но шеф-редактор честно рассказала про постановку с мнимым инвалидом, и Савелий Юрьевич сбросил страшный диагноз со счетов.

Проще всего, конечно, объявить стандартное ОРВИ, но чутье – хотя и притупилось за годы административной работы – прямо-таки вопило: нет, здесь что-то иное.

У троих – обычные катаральные явления.

Шустрый журналист неведомым образом выздоровел всего за сутки. Однако у безутешной блондинки сыпь неясного генеза, а это всегда тревожно. Да и еще у двоих симптомы нетипичные для обычной простуды. Оператор жалуется на сильную тошноту и рвоту. У осветителя боли в пояснице. ОРВИ, аллергическая реакция, кишечная инфекция, пиелонефрит? В одно время и в одном месте?

Может, все-таки позвонить в область? Прямо сейчас? Пусть присылают – вертолетом – бригаду! И – очень желательно! – инфекциониста. Сыпь – всегда тревожно.

Хотя ночью все равно ведь не полетят. А завтра с утра можно снова навестить пациентов, посмотреть динамику и тогда уже делать выводы.

С этой мыслью Савелий Юрьевич и улегся в постель. Может, ортопедический матрас вкупе с деревенскими просторами и вольным воздухом станет панацеей? И ему удастся наконец высаться?

Однако только начал проваливаться в приятное небытие, зазвонил телефон.

– Да! – злобно рявкнул доктор.

Когда из сна выбили в самом начале – однозначно потом крутись в постели до утра.

– Савелий Юрьевич? – ласково поинтересовался незнакомый мужской голос с легким восточным акцентом. – Вам большой привет. От супруги

Мариной Романовны и вашей дочки Ларисы.

* * *

Часов в десять утра по Селютину с ревом пронесся джип.

Надя – девушка удивительно быстро приобрела деревенскую привычку сидеть у окошка – оповестила:

– Доктор поехал. Хотя нет! У того «Пасфайндер», а этот круче гораздо. Дим, посмотри!

Полуянов подошел с чашкой кофе, пригляделся:

– Это Клычко-Желяев.

– Да ладно! Зачем он сюда?

– С ревизией. Всем пистон сейчас вставит.

Но Дима не угадал.

Спустя час репродукторы, которые недавно сзывали всех на сдачу норм ГТО, бодрым голосом ведущей оповестили:

– Дорогие друзья! Вы еще не забыли, что такое выходной день? Поздравляем, сегодня он для вас наступил. После обеда мы всей командой едем в Грибовск. Будет большая программа: сначала пойдем в кинотеатр на премьеру, потом будет банкет в лучшем городском ресторане. Также мы снимем небольшой и очень милый кулинарный конкурс. Сбор в пятнадцать ноль-ноль. Ждем вас нарядными и в отличном настроении!

– Класс! – возликовала Митрофанова. – Мы поедем в город! В настоящий город! Где нет коров!

Полуянов тоже обрадовался:

– Не думал, что могу соскучиться по людям и светофорам.

– Я подберу тебе костюм, – вскочила Митрофанова.

– Ни за что.

– Ладно. Тогда брюки и рубашка под джемпер. Но больше не спорь.

Зашипел утюг, запахло горячей тканью.

Дима вернулся к компьютеру. Он только что просмотрел криминальные сводки Новосибирска. Надеялся: вдруг выплывет хотя бы намек на Анатолия. Или на каком-нибудь месте преступления объявится, будто в круtyх детективных романах, картинка с тщательно прорисованной красной розой.

Но ничего подобного, конечно, не нашел и теперь – просто от безделья – метался от сайта к сайту.

Городской театр и ресторан, где барменствовал Анатолий, контент не

обновляли месяца два. Людмила Петельская тоже оказалась неуловимой. Где она все-таки работает? Версию с органами Дима отмел сразу: истеричку, которая обливает себя бензином, туда не возьмут. Да и поездка на дорогой мальдивский курорт за кредитные деньги выдает человека безответственного, невыдержанного. Может быть, в «стыдном» месте трудится? Вроде скотобойни или морга? Но подобные организации, если вдруг и есть у них сайты, информацию о своих сотрудниках обычно не публикуют.

Или она вообще инвалид по психическому заболеванию и живет на пенсию? Хотя нет, куда-то на работу ведь каждый день ходила.

Полуянов досадливо отодвинул компьютер.

Надя услужливо предложила:

– Мыться будешь? Я бойлер включила и чистые полотенца повесила.

– Ты первая, – улыбнулся он. – Я сейчас приду.

И отправился к Анатолию.

Алла препон не чинила – допустила к больному.

Ничего себе, как щеки ввалились! Глаза блестящие, губы обметаны.

Диме инстинктивно захотелось натянуть защитную маску.

Но он смело присел на край кровати. Пробормотал:

– Толь, ты как?

– Спасибо. Хреново.

– Что болит?

– Всё, – лапидарно отозвался страдалец.

Судорожно сглотнул.

– Глотать больно? – сочувственно спросил Полуянов.

Тот помотал головой:

– Комок какой-то. Мешает.

Попытался привстать, скривился, охнул:

– Спину тянет кошмарно.

М-да. Ничего общего с Димины классической – и чепуховой – простудой.

– Ты просто апельсинов принес или надо чего? – с видимым усилием произнес Анатолий.

Ему явно хотелось поскорее лечь и закрыть глаза.

Полуянову вдруг подумалось: проще было редакторов вызвать на откровенность. Те – раз приглашали бывшую Толину невесту на съемки – несомненно, выяснили всю ее подноготную.

Но раз шел по делу, нечего теперь притворяться заботливым другом.

– Хотел про Петельскую спросить.

– Зачем тебе она? – поморщился Анатолий.

– Да я еще с тех съемок голову ломаю. Где-то ее видел. А где – вспомнить никак не могу, – съимпровизировал Дима.

Больной слабо улыбнулся:

– В полиции мог видеть. В суде. У нас в Новосибирске.

– А что она там делает?

– Переводит. С ходжарского.

– С какого?!

– В России почти две тысячи этнических ходжар^[6]. Разумеется, иногда нужен переводчик.

– А Петельская откуда язык знает? – изумился Полуянов.

– У Людки отец ходжарец. Она в республике до двадцати лет жила. Там школу закончила, в институте два курса. Вот ее полиция и привлекает на допросах переводить. Работа по договору.

– Твоя невеста – наполовину ходжарка?

– Ага, – поморщился Анатолий. – Бэла, блин. Ее настоящее имя.

– А фамилия?

– Фамилия мамина. Бэла Петельская.

– Ты вроде не знал, где она работает, – вспомнил Дима.

– Знал. Просто она просила не говорить никому. Я понимал почему. У нас в городе ходжарцев не особо жалуют.

Полуянов – хотя ни разу не расист – представителей маленькой, но гордой южной республики тоже остерегался. Не любил шумные и наглые компании в метро, свадьбы со стрельбой. Привычку называть «братьем», но при любой возможности обманывать.

Да, угораздило русского красавца Анатолия найти себе невесту. Ходжарцы маниакально мстительные, все говорят.

– А твоя Бэла кем себя считала – ходжаркой? Или русской?

– Хотела стать *нашей*. Изо всех сил, – усмехнулся Анатолий. – Но горы, знаешь ли, легко не отпускают.

– Но раз она допросы переводила, значит, *против* своих работала?

– Она просто хороший переводчик. И любит это дело, – возразил бывший жених. – Еще английский знает. Недавно в экспедицию ездила. В Якутск. Совместный проект с учеными из Америки и Ходжарии.

– И что они там искали?

– Кости, что ли, мамонтовые.

Упал на подушки, закрыл глаза. Пробормотал:

– Дим, прости. Что-то устал я совсем.

Надя бы в подобной ситуации немедленно взялась выгонять незваного

гостя. Но Алла только плечом дернула – слабак, мол.

Толя начал поворачиваться на бок, одеяло сбилось, и Дима увидел на сгибах его локтей ярко-красные пятнышки.

Махнул Алле, та подошла, кивнула:

– Его сегодня с утра обсыпало.

– Доктору звонила?

– Да, он был. Говорит, кожная реакция. На высокую температуру.

Дима нахмурился. И бухнул:

– Толь, каким образом можно транспортировать вирус оспы?

– Что?! – вскинулся Анатолий.

– Тот психиатр тебя вестником смерти назвал. Может, потому, что ты сюда эту заразу привез?

Тут даже равнодушная Алла возмутилась:

– Дим! У тебя с головой вообще все в порядке?

Анатолий же просто отвернулся к стене, укрылся с головой одеялом.

– Извините меня, – сказал Дима.

– Да ладно, – благородно простила Алла. – Понимаю, что нервы у всех на взводе. Вот только как нам ехать, ума не приложу.

– Куда?

– Развлекаться.

– А вы что, собираетесь?

– Жека приходил, сказал, явка строго обязательно. Нам обоим.

– Толик даже до машины не дойдет.

– Это никого не волнует.

– В смысле?

– Сказали, если не поедем, выгонят сразу. За саботаж.

– Они что, издеваются?

* * *

Полуянов вышел из домика. Постоял во дворе. Подумал. Что все-таки крамольного доктор из Грибовска узнал про Анатолия? Дима никак не мог понять.

И кто психиатра убил? Те двое горцев, что крутятся вокруг лагеря и даже вроде бы установили где-то неподалеку палатку?

Интересная, кстати, цепочка.

Людмила Петельская – наполовину ходжарка. И двое в кожаных куртках – тоже нерусские. Но кто они конкретно – армяне, азербайджанцы,

чеченцы? Ходжарцы?!

А еще – зачем абсолютно больного человека под угрозой вылета с проекта заставлять ехать развлекаться? Что за дикая блажь?

«Интересно, Кристине такой приказ поступил?»

Дима свернул к их домику.

Артур внутрь его не пустил:

– Не ходи, заразишься.

– Да я тем же болел, – отмахнулся Дима.

– Да ладно! Ты вон огурец, а у нее... – Парень понизил голос. – У нее вообще непонятно что. Она маме звонила. Та сказала, от кори и краснухи у дочки прививка. Ветрянкой она болела. И что у нее сейчас за дрянь – вообще непонятно.

– А в ресторан вы едете? – поинтересовался Дима.

– Я Жеку на три буквы послал, – поморщился Артур. – Пусть выгоняют. Кристи в таком состоянии не потащу.

И Толик, если даже отправится, потеряет сознание по дороге.

Дима снова свернул с дороги к домику, где его ждала Надя. Теперь он двигался по направлению к штабной избе.

* * *

Два черных джипа стояли рядом, и Дима подивился, как Надя могла перепутать старичка и юнца – терпкую провинциальными дорогами лошадку и холеного скакуна-иноходца. Транспортное средство доктора, несомненно, стоило раз в десять дешевле. И выглядело лет на пятнадцать старше.

Первым делом по закону подлости Дима наткнулся на Анастасию. Та хмуро спросила:

– Что тебе?

– Мне нужен Клычко-Желяев.

– А луну с неба? –sarкастически поинтересовалась шеф-редактор.

Она и раньше выглядела неважно: кожа прокуренная, желтоватая, глаза усталые, в обрамлении мешков и морщинок. А сегодня лицо вообще серое, словно у мертвеца. И полыхает неуместно красным, будто плохой гример поработал, румянец на щеках.

Дима спросил:

– Вы тоже, что ли, заболели?

Анастасия взвилась:

– Полуянов! Простуда – это не болезнь! Во всех нормальных странах

на нее вообще не обращают внимания! Только мы при первом чихе в постельки улеглись, доктора потребовали! Съемочный процесс срываем!

– Где Клычко-Желяев сидит? – вздохнул Полуянов.

– Какой тебе еще Клычко?! Иди переодевайся! Мы через полчаса выезжаем! – Шеф-редактор сорвалась на совсем непотребный крик, и Дима понял: ей тоже очень хреново.

Комната в штабной избе всего три. Полуянов непочтительно отодвинул Анастасию, заглянул в первую – там операторы шлепали картами в «дурачка».

– Не смей тут шляться! – взвизгнула редакторша.

– Громче! – попросил Полуянов.

Клычко-Желяев не глухой, сейчас сам выползет.

Так и случилось.

Дверь второй комнатухи приотворилась. Вострые глаза великого человека обшарили диспозицию. Недовольный голос изрек:

– Настя, заткнись. Полуянов, зайди.

«Коротко и ясно», – оценил журналист.

С Клычко-Желяевым они познакомились накануне отъезда в Селютино. Продюсер лично вручил Диме подписанный контракт, пожелал только победы и попросил писать про съемки «много и что угодно».

Журналисту он понравился. Артистичный, немногословный, стремительно мыслящий. Клычко-Желяев, несомненно, обладал нюхом на талантливых людей, отлично чувствовал конъюнктуру и даже скучные на этапе заявок затеи умел превращать в рейтинговые шоу. Вдобавок к исключительным деловым качествам продюсер обладал правильной – большая редкость в его среде – сексуальной ориентацией.

Дима рта не успел раскрыть – Клычко-Желаев выстрелил:

– Проблемы?

– Вопрос. – Полуянов поневоле перенял его хлесткий лапидарный стиль. – Вы в курсе, что серьезно больных насильно тащат в Грибовск?

– У нас есть серьезно больные? – Тон удивленный.

– Да. Двое.

– Ты тоже вызывал врача.

– Я поправился, – отмахнулся журналист. – Но у них дела куда хуже.

– И кто им велит ехать в Грибовск?

– Анастасия. Обещает, что иначе выгонит из шоу.

Продюсер задумался – на секунду, не больше.

Но Полуянов успел вставить свои пять копеек:

– Права человека нарушаете.

Клычко-Желяев поморщился. Затем стукнул кулаком в стену. В комнату немедленно ворвалась пухленькая девчушка из редакторской группы. Начальник распорядился:

– Врача сюда и Анастасию.

Искомые двое явились почти мгновенно.

Сесть им Клычко-Желяев не предложил. Обратился к доктору:

– Повторите ваше заключение.

Врач покорно забубнил:

– У всех осмотренных состояние удовлетворительное, диагноз ОРВИ, желателен домашний режим, однако участие в съемках при необходимости не возбраняется.

Клычко-Желяев обернулся к Полуянову:

– Будешь спорить?

– Да. Я не могу говорить про всех, но у Кристины и Анатолия температура под сорок. У обоих сыпь. Девушку я не видел, но Толик на постели приподняться не может. Какой может быть Грибовск? Какие съемки?!

Доктор взглянул на Полуянова с ненавистью. Язвительно спросил:

– Вы по специальности врач?

– Довольно, – не дал разгореться дискуссии продюсер.

Обернул лик к шеф-редактору:

– Твое слово.

Теперь и она наградила Диму испепеляющим взглядом. Горячо произнесла:

– Я не могу возить их в Грибовск просто для развлечения! Там запланированы съемки, кулинарный конкурс, уже заказаны продукты, приглашено жюри. Без двоих участников вся затея теряет смысл, и почему какой-то...

– Ты температуру сегодня мерила? – перебил продюсер.

– Мне делать больше нечего? – ощетинилась Анастасия.

– Возьми, – извлек из ящика стола аптечку, из нее – электронный термометр, перебросил через стол женщине. Приказал: – При мне.

Она покорно сунула градусник под мышку. Через три секунды прибор запищал.

– Давай сюда, – потребовал Клычко-Желяев. Констатировал: – Тридцать восемь и две.

Встал, хлопнул ладонями по столу, рявкнул:

– Грибовск отменяется!

– Вам напомнить, во сколько обходится день простоя? – не растерялась Анастасия.

Он снова думал не больше секунды.

– Простоя не будет. Перенесем действие в студию. Кулинарию к черту. Формат ток-шоу. Мотор не позже шести. Те, кто болен, присутствовать не обязаны.

Обернулся к журналисту:

– У тебя все?

Дима хотел поговорить об убийстве психиатра, но в присутствии Анастасии и врача поднимать тему не хотелось.

А Клычно-Желяев уже махнул в его сторону решительной дланью:

– Гуляй, Дима. Я исполняю только одно желание в день.

* * *

– Ну и сволочь ты! – ругнулась Надюшка, когда Полуянов явился с новостями. – Я так хотела выбраться в город! Хоть в нормальный магазин заглянуть!

– Съездим еще. В другой раз. Когда остальные поправятся.

– Дима, ты такой добрый! – саркастически прокомментировала она. – Толик с Аллой и Кристи с Артуром нас, между прочим, по рейтингу обходят. А так бы мы на первое место вышли! Тем более что конкурс кулинарный.

– Надя, давай будем честно играть, – призвал Полуянов.

– На ти-ви это невозможно, – отрезала она. – Вот увидишь, отплатят тебе добром за добро. Эти в итоге останутся, а мы вылетим.

– Не исключено, – вздохнул Полуянов. – Еще и Анастасия на меня разозлилась конкретно. Я ей все планы поломал.

– Она уж точно отомстит. Не сомневайся, – заверила Митрофанова.

– Но Клычко-Желяев – крут – с уважением произнес Дима. – Одним махом – бац! – и всё переиграл.

– Только потому, что ты его попросил? – с иронией поинтересовалась Надя.

«А ведь правда, – мелькнуло у Димы. – Как-то подозрительно быстро он согласился! Неужели настолько быстро соображает, что буквально за минуту придумал абсолютно новый план? Или я просто очень удачно озвучил его собственные мысли?»

– И о чем будет ток-шоу? – продолжала пытать Митрофанова.

- Понятия не имею.
- Все с тобой ясно, Полуянов, – вздохнула девушка. – Полез интриговать, все испортил, ничего полезного не узнал.
- И побежала одеваться.
- Ты куда?
- Ну, это ведь только вы, мужчины, прете напролом, сразу к начальству, – усмехнулась она. – А я попробую без шума и пыли, по куларам, но хотя бы что-нибудь выведать.

* * *

Пока Митрофанова собирала сплетни, Полуянов взялся изучать блоги и посты участников шоу.

Прасковья продолжала муссировать тему маньяка среди нас.

Верный себе Артур выложил детальный отчет о визите доктора. Текст получился чрезвычайно скучный («На что жалуетесь? Откройте рот, скажите а-а... Давайте измерим температуру») и лайков собрал совсем немного. Дима на всякий случай заглянул в комментарии. Они в основном были кратки. Доброхоты желали выздоровления, хейтеры призывали побыстрей сдохнуть. А некий товарищ с ником *Несущий смерть* явственно писал:

«Какая на фиг ОРВИ. У вас там типичная ОOI, детки».

«Типичный кто?» – простодушно заинтересовался Артур.

Несущий смерть припечатал цитатой:

«Особо опасные инфекции (ОOI) – превысокозаразные заболевания, которые появляются внезапно и быстро распространяются, охватывая в кратчайшие сроки большую массу населения. ОOI протекают с тяжелой клиникой и характеризуются высоким процентом летальности».

Дима усмехнулся – его собственное состояние на ОOI никак не тянуло.

Закрыл блог Артура, принялся изучать писанину Аллы.

Девушка уже успела выложить все сегодняшние откровения Анатолия:

«Только представьте, его бывшая невеста Людка оказалась ходжаркой! Сроду бы не подумала, что в ней есть какой-то восток. Понятно теперь, почему Толик так рвался сюда, на съемки. Когда ходжарцы мстят, милости не жди. А она с ними на короткой ноге, в экспедиции ездит!»

Дима вдруг заинтересовался, что за экспедиции такие. Анатолий

сказал – совместный проект американских и ходжарских ученых.

Начал пытать поисковик, очень быстро добыл фотографии: полноводная река, крутой песчаный склон, скудного роста, но сочного зеленого цвета растительность. Несколько мужчин, двое из них, несомненно, восточной внешности. Посередке кокетливо улыбается Петельская. Подпись гласит: «*В экспедиции с нашей очаровательной переводчицей*».

С российской стороны, сообщал Интернет, проектом занимался некто Юнусов. Ходжарец. Как уверял его личный сайт, товарищ являлся доктором наук и профессором. Изучал биологию, генетику и патанатомию. В Якутию совместно с американцами господа отправились добывать ДНК мамонта (удалось ли – в отчете об экспедиции не сообщалось).

Сайт пестрел кучей сканов: дипломы, грамоты, благодарности.

Дима быстренько свернул благостную картинку.

Еще раз пробил Юнусова – теперь одного – через поисковик. И застыл с широко раскрытыми глазами.

* * *

Телевизионщики умели держать интригу. Как Надя ни старалась, выяснить тему ток-шоу не смогла.

– Но явно не о погоде будем говорить. Что-то они задумали.

Диме, честно говоря, было плевать.

Информация, которую он получил – в открытом источнике! – о профессоре из Ходжарии Акраме Юнусове, ошеломляла. Сбивала с ног.

Но пугать прежде времени Надю не стал.

Надеялся, что во время съемок никто не станет приставать лично к нему, и он сможет спокойно подумать, как поступить.

Зрителей сегодня не пригласили. Участников – их осталось четырнадцать человек, Кристина и Анатолий не присутствовали – рассадили на сцене по четырем диванчикам. Петельки с микрофонами не цепляли. Анастасия строго предупредила:

– С места не орать. Никто все равно ничего не услышит. Хотим сказать – подняли руку, девочки подойдут с микрофоном.

Гримерши пробежались с пуховками, подправили героям тон, и шеф-редакторша заорала:

– Снимаем!

Голос сорвался на хрип, закашлялась.

– Плохой знак, – шепнула Полуянову Надя.

На сцене появилась ведущая в очередном удивительном наряде: темно-синий приталенный костюм, черные мужские штиблеты, голову украшает фуражка, через плечо – объемная белая сумка с черной полоской.

– Я с такой в школу ходил, – хмыкнул Полуянов.

Но изображала девушка отнюдь не школьницу.

– Сегодня я буду вашим почтальоном! – радостно провозгласила она. – Ведь вы, дорогие друзья, отрезаны от мира, соскучились по вашим друзьям и, конечно, хотите получить от них весточку! Позвольте прочитать вам первое письмо.

– Опять подстава! – довольно громко прокомментировала Василиса.

По рядам участников прошелестел шепоток. Артур нервно щелкнул пальцами.

Ведущая вынула из почтальонской сумки белый конверт. С удовольствием обернулась к атлету:

– Тебе передают привет, господин спортсмен. Давайте посмотрим.

Свет в студии погас. Засветился экран. На нем появился молодой человек, лицо размыто. Однако Артур сжал кулаки и смеялся на самый край дивана, словно готов был сорваться и убежать.

Утробный (несомненно, измененный) голос произнес:

– Привет, Артур! Я слышал, с твоей новой девушкой опять несчастье? У юной спортсменки, красавицы – неведомая тяжелая болезнь? Скажи, на что ты надеешься в этот раз? Что патологоанатомы снова напишут удобный тебе диагноз? Про сердечный приступ? У абсолютно здоровой молодой женщины? Тебе не надоело убивать? У тебя есть хотя бы остатки совести?

Экран погас.

К молодому мужчине кинулась ассистентка, всунула в руки микрофон.

– Прокомментируй, – ласково обратилась к нему ведущая.

Отчетливо послышалось, как скрипнули зубы. Артур прохрипел:

– Это все вранье.

– Что именно?

– Я никого не убивал.

– Но, согласись, очень странно, когда твоя супруга умирает в возрасте двадцати двух лет. Кстати, знает ли Кристина о том, что ты был женат? Штампа о браке в твоем паспорте нет – документ ты предусмотрительно потерял...

– Кристи... все про меня знает, – с видимым усилием произнес Артур.

– Расскажи тогда и нам.

– Лена... моя бывшая... просто упала и умерла. Я поверить не мог. Не

мог понять. Сам просил, чтобы экспертизу два раза сделали. В разных местах. У нее оказался порок сердца. Лена про него понятия не имела, болезнь себя не проявляла никак. Я не виноват! А вы... вы просто свиньи, что меня обвиняете. Я Кристи больше жизни люблю. Когда ей плохо, мне будто ножом по сердцу!

Алла взглянула на атлета с сочувствием. Подняла руку. Получила микрофон. Горячо произнесла:

– Ни при чем он! У нас тут полно народа болеет. Мой жених Толик тоже с высоченной температурой лежит. И я его – клянусь богом – ничем не травила.

Надя однако шепнула Диме:

– Артур как-то чересчур разволновался.

Ведущая тоже не успокаивалась:

– Хорошо. Тогда ответь. Ты молодой, здоровый, тренированный парень. Но никогда в жизни не имел постоянной работы. На что вы с Кристиной живете?

– Квартиру сдаем. В рекламе снимаемся.

– Этого хватит на хлеб с водой и кроссовки, – пренебрежительно отозвалась девушка. – А вы только за тренировочный лагерь в Таиланде заплатили больше тридцати тысяч долларов.

Артур сжал кулаки. С ненавистью произнес:

– Мне в казино везет.

– Почему тогда налоги не платишь? – лучезарно улыбнулась ведущая. – По закону положено тринадцать процентов. Но ты декларацию никогда в жизни не подавал.

– Что я, дурной – с выигрышем налоги платить? Я деньги не по паспорту получаю.

– Великолепное, смелое, патриотичное заявление! – усмехнулась девица. – К тому же ни один человек в мире не может прожить на выигрыши из казино. В игорных домах всегда оставляешь больше, чем получаешь от них. Артур, несомненно, что-то скрывает, и мы его обязательно выведем на чистую воду. В самое ближайшее время.

Резко отвернулась от поверженного спортсмена. Вытащила из своей старомодной сумки новый конверт. Лукаво произнесла:

– Но у нас есть послание еще одному из героев.

Свет в зале снова погас.

На экране явилась женщина. Выглядела она зловеще: закутана в черный плащ, руки в перчатках. Лицо скрыто венецианской маской. Голос хриплый, дрожащий – впрочем, Наде он показался знакомым.

Тяжело дыша (вздохи били в уши зрителей громким шорохом), дама объявила:

– Я Люда... Люда Петельская. Толик, ты здесь? Ты меня еще помнишь? – Хрипло расхохоталась. Раскашлялась. Добавила жестко: – Впрочем, мне плевать, забыл ты меня уже или нет. Я хочу рассказать тебе одну сказку. Милую-премилую историю на ночь. Помнишь, я ездила в экспедицию – ты считал, что в славный город Якутск и дальше – в Батагай, в Бетенкес?

Дима вздрогнул.

– Ты что? – обернулась к нему Надя.

– Все в порядке, – шепнул он.

Он чувствовал себя, как герой американского боевика. Летел в пропасть с обязательным криком «I'm fine».

Женщина в черном между тем продолжала:

– Но я тебя обманула. В Якутске мы оставались только полдня. Я сходила на черный рынок, купила тебе бивень мамонта. Ты, дурачок, обрадовался, благодарили. Но на самом деле мы ездили вовсе не в Бетенкес, не на раскопки очередного мамонтенка Димы. Нашей целью был город Зашиверск.

– Елки-палки! – воскликнула Прасковья.

Хоть кандидатские корочки и фальшивые, кошмарную историю этого места она, похоже, знала. А Дима и вовсе покрылся ледяным потом. Остальные участники, включая Аллу, пребывали в счастливом неведении.

Страшная леди перешла на полуслепот-полухрип:

– Все население этого города еще в давние времена погибло от черной оспы. Люди умирали сотнями одновременно. Хоронить их не успевали – дело происходило зимой, некому было копать мерзлую землю. А весной трупы плыли вниз по реке Индигирке. Зашиверск исчез, все боялись заразы и обходили его стороной. Но в 1969 году туда отправилась экспедиция. Археологи вскрыли несколько захоронений – и все очень быстро погибли от черной оспы. А ведь тогда против этой болезни еще делали прививки. Сейчас, в наши дни, она считается побежденной. Население не вакцинируют уже больше сорока лет. Но из вечной мерзлоты очень медленно поднимаются тела. Тела людей, умерших в давние времена от ужасной болезни.

Надя нагнулась к Диме. Прошептала:

– Тебе не кажется, что они начали повторяться?

Полуянов не ответил. Он сидел беспросветно бледный, с расширенными зрачками.

– Ты чего? – испугалась Митрофанова.

Анастасия, стоящая позади камер, с яростным видом погрозила ей кулаком.

Надя пожала плечами. Зевнула. Очередная инсценировка начала ее утомлять.

А завернутая в черное Петельская продолжала хрипеть:

– Дорогой Толик, ты давно живешь в Новосибирске и, конечно, знаешь, что в 1991 году ученые из «Вектора» ездили в Якутию, где на поверхность поднялись останки семьи, погибшей от черной оспы. Сотрудники «Вектора» надеялись обнаружить новый штамм вируса для своей коллекции. Тогда им это не удалось. Эксперимент повторили в 2004 году, и он оказался успешнее. Новая мумия дала достаточно ДНК для частичного восстановления последовательности. Но настоящий живой штамм черной оспы смогли достать только мы. Сейчас.

Петельская сделала глубокий свистящий вдох и продолжила:

– Черная оспа начинается невинно, как простуда или грипп. Температура, болят мышцы, тянет спину. Через несколько дней на теле появляется вроде бы безобидная красная сыпь. «Аллергия, ветрянка, корь», – думают врачи. Но на третий или четвертый день из сыпи образуются осины. Они похожи на большие прыщи, внутри которых прозрачная жидкость. Осины покрывают человека целиком, снаружи и внутри, формируются в горлани, трахее, прямой кишке и даже на бронхах. Затем они лопаются, и на их месте образуются как бы окружной формы ямы. Эти штуки называются эрозиями. Они с каждым днем увеличиваются вглубь и вширь, превращая человека в беспростивного урода. И даже если врачи спохватятся и смогут остановить болезнь, никакая пластическая операция не вернет человеку былую красоту. Ты считаешь, у тебя грипп, Толик? Нет. У тебя самая настоящая – натуральной не бывает – черная оспа. И больше никто и никогда в жизни не согласится целовать твоё лицо. Лицо некогда прекрасного принца!

Надя скосила глаза на Аллу. Та перехватила ее взгляд и покрутила пальцем у виска.

Людмила будто услышала. Произнесла зловеще:

– Смеетесь? Не верите? Думаете, вас опять разыгрывают? Так посмотрите, как теперь выгляжу я! Ни один гример не сможет изуродовать человека так, как это делает по-настоящему страшная болезнь.

И сорвала с лица венецианскую маску.

Лицо, изрытое кровоточащими ямами, и страдающие глаза.

В студии дружно охнули.

– Боже мой! – пробормотала Надя.

А Петельская тихо произнесла:

– Повторяю. Это не грим, дамы и господа. Это натуральная оспа. Я заразилась специально ради тебя, Анатолий. За неделю до съемок, чтобы инкубационный период точно успел миновать. Я знала, что достоверно, стопроцентно больна. И опасна для окружающих. Да, мне немного вас жаль, милые охотники за славой, и вообще безвинно пострадавшие операторы, осветители и кто там у вас есть еще. Да, мне вас всех жаль. Но когда делаешь большое дело, всегда летят щепки. Вы попали под молох случайно. Что ж. Благодарите за это Анатолия. Человека, который меня предал.

Картинка погасла.

Студию накрыла гробовая тишина.

А дальше откуда-то из темноты раздался оглушительный визг, и на сцену яростной фурией вылетела Кристина. Лицо и руки ее полыхали ярко-красными точками, щеки багровели нездоровым румянцем.

– Кристи! – вскочил Артур.

Но девушка бросилась не к нему – к Анастасии. Схватила редакторшу за грудки, взвыла:

– Это правда? Эта тварь сказала правду?!

Ведущая судорожно вцепилась в свою сумку. Шеф-редактор пыталась оторвать от себя Кристину. Ассистенты, осветители, гримерши сбились в нервную кучку. Только операторы – будто ничего не случилось – продолжали снимать. Две камеры остались направленными на сцену, остальные обратились на двух скандалящих женщин.

– Что за хрень?! – в полный голос выкрикнул Александр.

А его невеста Прасковья лихорадочно затараторила:

– Я знаю про Зашиверск! Она всю правду сказала!

Надя попыталась возразить:

– Ребята! У нас был уже один якобы прокаженный! Все это подстава, глупая игра!

– Отпусти меня! – хрипела Анастасия.

– Говори! Признавайся! – Кристина мертвой хваткой пережимала ей горло.

И редакторша растерянно пискнула:

– Я не знаю.

– Что?! – взревел Артур.

Тут словно с неба раздался громовой голос:

– Все, хватит!

На сцену уверенной походкой взошел Клычко-Желяев. Произнес в микрофон:

– Я продюсер этого шоу и от имени всей съемочной группы честно признаю: мы не знаем, правду ли говорит эта женщина. Она прислала свое видеописьмо за минуту до эфира. Мы не успели его предварительно просмотреть. Меня тоже шокировали ее слова. Однако в наших силах спокойно, без истерики во всем разобраться и понять, правду ли она говорит. В нашей студии присутствует врач. Давайте первым делом спросим его.

Эскулап нетвердой походкой вышел на сцену. Волосы его были всклокочены, руки тряслись, зубы цокали о микрофон.

Клычко-Желяев без запинки представил:

– Савелий Юрьевич Шишкун, Главный врач городской клинической больницы города Грибовска. Вчера он прибыл в наш поселок, чтобы лично осмотреть заболевших. Какой у вас предварительный диагноз?

– У них... ОРВИ. Острая вирусная инфекция.

– Почему тогда у этой дамы сыпь? – Продюсер показал на Кристину.

– Это... реакция... – начал бормотать мужчина – и вдруг резко рванул, оторвал ворот рубахи. Выкрикнул: – Нет! Не могу больше! Я врач, я Гиппократу клялся. Пусть будет что будет.

И яростно, с тяжелыми всхлипами зарыдал.

– Вы мужчина или пацан?! – взорвался Клычко-Желяев. – Не надо здесь истерик, говорите по делу!

Доктор поднял на него затравленный взгляд:

– Я еще вчера понял: здесь все плохо... Хотел немедленно вызывать инфекционистов, информировать СЭС. Но мне... мне позвонили... Они забрали мою жену и дочь! Их похитили! И заставили меня всем говорить, что это ОРВИ! Иначе их убьют!

Савелий Юрьевич судорожно всхлипнул.

Студия дружно охнула.

– Кто вам звонил? – деловито осведомился Клычко-Желяев.

– Я не знаю! Но они дали трубку Ларисочке! Моей дочке. Она так плакала! Что оставалось?! Я сказал вам, что они требовали. И не стал никого вызывать. Лариса, рыбка моя! Что они с тобой теперь сделают?!

По студии прошел ропот.

– То есть это действительно черная оспа?! И мы все теперь станем уродами?!! – в ужасе выкрикнула Василиса.

– Прекратить панику! – рявкнул продюсер. Обернулся к несчастному врачу, набросился на него: – Возьмите себя в руки! Включите мозг! Вы тут

единственный медик! Что за болезнь у Петельской? Оспа? Или что-то иное?

– Я... я никогда не видел таких больных лично. Но ее вид, характер высыпаний... они да. Они очень похожи на черную оспу. Хотя я не понимаю. ВОЗ еще сорок лет назад объявила: болезнь побеждена. Даже в беднейших африканских странах... Последний случай был в Сомали в 1977 году...

– А что это еще за Зашиберск? Звучит как выдумка!

– Это настоящий город! – подала голос Прасковья. – И все его жители погибли! В эпидемии!

– И что, вирус за многие столетия сохранил силу?

– В вечной мерзлоте такое возможно, – убито пробормотал врач.

– Нет!! – снова завопила Кристина.

Отшвырнула Анастасию, бросилась на сцену, упала на колени перед врачом:

– Нет! Ну пожалуйста! У меня ведь просто аллергия! Вы вчера сами говорили!!!

Доктор залепетал:

– Милая, я сам не верю! Нас учили: черной оспы на планете давно нет. Нужны анализы, инфекционист...

Кристина рухнула ничком и горько зарыдала.

– Как вам не стыдно! – прогремел Клычко-Желяев. – Нельзя ничего принимать на веру, пока нет доказательств! Я бывал в Новосибирске, видел, как охраняется «Вектор». Похитить оттуда штамм вируса абсолютно невозможно. А байки про тела из вечной мерзлоты – обычная страшилка. Она в Интернете много лет гуляет. Обиженная невеста просто не знает, как отомстить, вот и придумала страшную сказку.

Полуянов решительно встал. Подошел к доктору, взял у него из рук микрофон. Тихо, но уверенно произнес:

– Это не сказка. Я сегодня узнал: российско-американская экспедиция в Зашиберск действительно была. Ее организатором с нашей стороны выступил ходжарец Акрам Юнусов. Петельская – наполовину ходжарка и его давняя знакомая – ездила туда как переводчица с английского.

– И кто такой этот Юнусов? – почти беспечным тоном поинтересовался продюсер.

– Доктор биологических наук. Профессор. Декан факультета естественных наук Ходжарского университета. В сентябре этого года его обвинили в сотрудничестве с международной террористической организацией. Сначала арестовали, но через несколько дней взяли

подписку и отпустили. Адвокат заверил, что его подзащитный явится на допрос по первому требованию. Однако в тот же вечер Юнусов исчез – из Ходжарии и из России. Сейчас он находится в международном розыске. А террористическая группировка, с которой он сотрудничал, в начале ноября объявила, что в ее руках опаснейшее биологическое оружие. Так как подобные заявления делались и прежде, им не придали значения. Но сейчас, сложив два и два, я думаю, что это правда. Биологическое оружие появилось. Это черная оспа. Причем инфицирована, возможно, вся страна. Ведь Петельская – больная – приехала на съемку из Новосибирска. Как она добиралась? – Дима взглянул на Анастасию.

– На самолете. Регулярным рейсом. Потом поездом. В купе, – пробормотала шеф-редактор.

– И какой прогноз? Мы умрем? – спросил Клычко-Желяев почти с детским любопытством.

– Думаю, что нет. Сейчас есть лекарства, – уверенно ответил Полуянов.

– А эти страшные оспины? Их можно будет убрать? – взмолилась Кристина.

– Конечно, – улыбнулся ей Дима. – Если вовремя начать лечение, они просто не успеют тебя изуродовать.

– Он прав? – Продюсер передал микрофон врачу.

Тот заблеял:

– Да! При нынешнем развитии медицины и чума, и натуральная оспа – они вполне излечимы. Особенno если хороший иммунитет. И если срочно – очень срочно – начать колоть иммуноглобулин и антибиотики. Главное – успеть до того, как оспины созреют и начнется эрозия. Но если гнойный процесс в эпидермальных тканях будет протекать остро, рубцы останутся очень глубокими. Тогда ничего не поможет. Даже пластика.

– То есть мне... мне уже поздно?!

– Мы приложим все силы, – заверил Клычко-Желяев. Обернулся на операторов и выдал заключительную речь: – На этом мы прощаемся с вами. Нам нужно срочно принять все меры, чтобы излечить заболевших и не пустить инфекцию дальше Селютина.

Красные лампочки камер дружно погасли.

Долю секунды царило молчание, а потом воцарился хаос. Ведущая кинулась к Анастасии, что-то затараторила – в ее огромных глазах стояли слезы. Любитель мантр осветитель по имени Глеб – на его лице тоже проступала свежая сыпь – разудало выкрикнул:

– И чё? Я буду дохнуть один?!

Подхватил пробегавшую мимо ассистентку, кинулся ее целовать. Девчушка отчаянно завопила.

– Прекратить бардак! – громовым голосом приказал Крычко-Желяев. Подступил к доктору, потребовал: – Вызывай немедленно СЭС, вертолет, всех!

Тот дрожащими руками принялся тыкать в клавиши телефона.

Сам же продюсер поспешил обойти операторов. Лично собрал у всех флешки с записью сегодняшнего эфира. Горячая тема, несомненно, волновала его куда больше, чем риск уродства или смерти.

Артур бережно поднял с пола Кристину, понес к диванчику.

– Убирайтесь отсюда! – злобно взвизгнула Василиса.

– Не вори, – равнодушно цыкнула на нее Прасковья. – Ты уже инфицирована. Мы все попали. Все.

Надя растерянно обратилась к Диме:

– Слушай, но ты ведь тоже начал болеть! Но поправился, и никакой сыпи...

Полуянов развел руками.

А продюсер продолжал командовать:

– Всем по домам и никуда не отлучаться. Сейчас приедут врачи. Все будет хорошо.

– Не смогут они сегодня, – жалобно пискнул доктор. – Уже темно. Вертолет не сядет. Только завтра с утра.

– Нет! – снова взвилась Кристина. – Я хочу немедленно! Вдруг еще можно успеть?! Дайте мне машину! Я сама поеду в город!!!

– Никуда ты не поедешь! – рявкнул Крычко-Желяев. – Я – лично я! – объявляю карантин. Никто из Селютина не выйдет до тех пор, пока этого не позволят врачи!

– Но зачем ждать утра? – подал голос Артур. – У вас ведь есть транспорт. Давайте поедем в больницу прямо сейчас!

– Тебе мало, что нас тут больше ста человек? Хочешь весь город заразить? – загрохотал продюсер.

– Да мне как-то плевать, – пожал плечами Артур.

Но настаивать на своем не стал. Обнял Кристину. Медленно повел к выходу. Девушка не сопротивлялась.

К Диме и Наде подошла Алла. Виновато попросила:

– А можно я у вас посижу?

– С какой это стати? – поджала губы Митрофанова.

Полуянов воззвал:

– Надюш! Но она ведь здорова пока. А что риск – так мы все под

богом ходим.

– Я бы тебя больного не бросила! – возмутилась Надежда.

– Ты у меня золото. Но Аллу я тоже понимаю, – твердо сказал Дмитрий.

Девушка благодарно взглянула на журналиста.

– Ладно, – фыркнула Надя. – Пусть сидит. Предательница.

Они вслед за всеми вышли из студии.

– Может, правда, не ждать никакой вертолет? – горячо предложила Алла. – Угоним у доктора джип. К полуночи уже будем в больнице. Пусть колют. Иммуноглобулин. Все, что можно! Не хочу я такого лица, как у этой Петельской!

– Тогда надо по справедливости, – сказал Дима. – Сначала везти тех, кому хуже. Толика. Кристину. Осветителя этого с сыпью.

– Дима! – жалобно простонала Надя. – Хочешь делать добрые дела – иди делай. Только давайте мы сначала приедем домой и спокойно посидим в тишине. Хотя бы полчаса. У меня голова просто взорвется сейчас.

– Да, и у меня после всего этого башка трещит, – согласилась Алла.

На Селютино опускалась ночь. Моросил мелкий дождь. Ветер яростно трепал волосы и полы одежды.

– У меня коньек остался, – вспомнил Дима.

– Весь мне! – потребовала Надя.

– Тогда мы с Аллой будем пить самогон, – вздохнул Полуянов.

Девушка радостно кивнула. Про своего жениха – возможно, уже умирающего – она даже не вспоминала.

* * *

Артему Кудряшову давно хотелось сорваться и поехать в Селютино.

Причем вовсе не ради Надюши.

Девушка она, безусловно, милая. Приятно смущать ее комплиментами – краснеет, словно тургеневская барышня. Вместе пить чай не скучно. Библиотекарша легко поддержит беседу хоть о Босхе, хоть о Брамсе. Причем безо всяких понтов, как иные всезнайки. Но всерьез отвоевывать Надю у Димы Артем не собирался. Положа руку на сердце, в Москве полно абсолютно свободных и куда более отвязных девчонок, нежели строгая сотрудница читальни.

Хотя определенный умысел у него имелся. Не преступный, упаси господь. Так, по мелочи. Во-первых, блат – он и в библиотеке не помешает.

Во-вторых (пусть Надя и пыталась хранить тайну), он очень быстро узнал, что бойфренд у нее – известный на всю страну журналист. Тоже может оказаться полезным. А уж когда парочку в телешоу позвали, Артем совсем расцвел. Это ведь какая возможность – написать о съемках телешоу *изнутри!*

Судя по тому, как участники друг друга в Интернете поливают, ситуация у них там шипит-искрит. Не банально *строят любовь*, но за выживание борются. Плюс интрига не постановочная, настоящая: кто все-таки заезжего доктора убил?

Артем внимательно читал блоги героев программы, переписывался с Надюшкой, исподволь прорабатывал: «Не погонят ли, если приеду?»

Митрофанова простодушно отвечала: зевак особо не притесняют. На съемочной площадке болтаться не разрешают, но издалека наблюдать позволяют. А иногда и в студию зовут – восторженно хлопать по сигналу редактора.

Иное дело, что просто наблюдать скучно. Попасть бы в штат – разнорабочим, грузчиком, ассистентом.

«Раз у них там грипп, работать некому – может, явиться и на голубом глазу предложить помочь? Надюшку заодно посмущать, кавалера ее понервировать?»

Но планы так бы и остались планами, не обнаружь он в тот вечер в верхней строчке топовых новостей потрясающее сообщение: «*В деревне Селютино Грибовского района – вспышка неизвестной инфекции!*»

Любой нормальный человек бы порадовался, что сидит в безопасной Москве, в семи сотнях километров от очага заразы. Но Артем даже статью до конца не дочитывал. И тратить время на бутерброды в дорогу тоже счел неразумным. Если сиднем сидеть, он свой «гвоздь» никогда не найдет! Нужно мчаться немедленно. Пока машина-государство не раскачалась, не оцепила деревеньку кордоном. Он – если гнать на пределе – успеет раньше.

* * *

Дима думал – дома девчонок «накроет». Осознают, проникнутся, начнут причитать в стиле Кристины: «Умрем! Станем уродками!!»

Но то ли Алла с Надюхой все эмоции в студии выплеснули, то ли друг перед дружкой хороорились, но никаких стенаний и слез не последовало. Когда Полуянов разлил по стаканам спиртное, образованная Митрофанова почти весело процитировала:

– Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы.
И, заварив пирры да балы,
Восславим царствие Чумы^[7].

Чокнулись. Выпили. Алла философски заметила:

– Кругосветку теперь зажмут. Сто процентов.

– Да ладно! – Непривычная к алкоголю Надя стремительно захмелела. – Обнесут нас кордоном, поставят часовых. Но снимать продолжат – деньги-то вложены! Так что, может, еще и выиграешь!

– Кто снимать-то будет? Сотрудники все скоро тоже полягут!

– Новых пришлют. В противочумных костюмах.

Девушки весело рассмеялись.

Лично Полуянову шутить совсем не хотелось. Он пытался понять, где случайность, а где злой умысел.

Как телевизионщики могли выпустить в эфир видеописьмо Людмилы, даже его не посмотрев?

Дима был уверен: брошенная невеста не сама разработала дьявольский план. Да, она выраженная психопатка, но облить себя бензином и ждать, пока отнимут зажигалку, – это ее потолок. А комбинацию «заболеть, заразить да еще привлечь к событию максимум внимания», безусловно, придумывал и осуществлял кто-то другой.

И в экспедицию ее взяли осознанно. Чтобы заранее, исподволь начать готовить к страшной миссии.

С улицы раздался яростный рев мотора, Дима бросился к окну.

По деревенской грунтовке, не щадя подвески, мчался роскошный джип продюсера.

Капитан, как крыса, бежит с тонущего корабля?

И в эту секунду в дверь заколотили. Отворить Полуянов не успел – щеколда вылетела от удара ноги. На пороге, дыша со свистом, стоял Артур. Не дал Полуянову слова вымолвить, схватил за руку, шепнул:

– Бежим!

Яростно потянул за собой.

– Мальчики, вы куда? – жалобно кинулась за ними Надя.

Спортсмен злобно молвил:

– Прибавь! Что ты, как «чайник»!

Дима послушно ускорился. Артур обрывочно, на выдохе после каждого скачка, изложил:

- Они... сбежали.
- Кто?
- Кристи и Глеб.
- Зачем?
- Кристи... срочно хочет... в больницу. А он... ее повез.
- Что ты хочешь?
- Догнать. Этот... пусть сам. Ей с ним... нельзя.
- Я зачем тебе? – Дима тоже начал задыхаться.
- Отобрать ключи... один не смогу...

Думать на предельной скорости выходило плохо. Но просить Артура поговорить спокойно, Дима понимал, бесполезно. Парень явно на кураже, тормозить его – как самолету на взлетке поперек дороги вставать.

Мчались не к штабной избе – к гостевому домику рядом.

Артур продолжал безжалостно ускорять темп. На ходу объяснял:

- Сейчас доктору в рыло... и его джип заберем.

Еще больше увеличил скорость, на полном ходу взлетел на крыльцо, мощным ударом плеча сбил с петель дверь.

Докторишко бросился навстречу:

- В чем дело?

Артур схватил его за грудки:

- Ключи от тачки! Быстро!

На съемках эскулап выглядел тетехой, тугодумом, но сейчас сообразил быстро. Заговорил умоляюще:

- Не надо! В Грибовске ей не помогут. А здесь уже утром будут лучшие врачи! Лекарства!

Ждать новых аргументов Артур не стал – двинул Савелию Юрьевичу кулаком в подбородок. Бедняга рухнул и больше не спорил. Трясущаяся рука полезла в карман брюк, швырнула ключи.

- Бежим! – бросил атлет Полуянову.

- Заводи, – кивнул Дима. – Я сейчас.

Помог доктору сесть. Осторожно спросил:

- Что с вашей семьей?

- Их отпустили. – Лицо с кровоточащей губой расплылось в счастливой улыбке. – Дочка звонила...

Во дворе отчаянно сигналил джип.

- Он не застрахован, – горестно сообщил врач.

Но Дима уже не слушал. Да, возможно, авантюра и бред, но отпускать

Артура одного нельзя никак. Называет психом осветителя, но и у него самого нервы на пределе.

Дима выскочил из домика, плюхнулся на пассажирское сиденье.

Атлет вдавил педаль газа в пол. Несмотря на безумную скорость, ямы обезжал довольно умело. Еще и рассказывать успевал.

– Этот осветитель, Глеб, приперся к нам. Я хотел выгнать, но Кристи пожалела, попросила пустить. А он свою песню завел: типа нас всех подставили, и он не тварь дрожащая, чтобы тихо умереть. Орет: «Я в Грибовске в лучший ресторан пойду! В центр торговый! Всех заражу! Сотню за собой утащу. Тысячу!» Кристи сначала ему всякие правильные вещи говорила: ты, мол, лучше думай, как самому вылечиться. Но этот все свое: «Я уже мертвец! Шлак!» Потом она попросила сделать чаю. Я вышел на кухню. Минут пять там был. Прихожу – в комнате пусто. И дверь – снаружи! – на ключ заперта. Я пока понял, что они сбежали, пока выбрался – гляжу, поздно. Машина мчится. Ну, я тогда к тебе – дом благо рядом и мужик ты нормальный. Не подведешь.

Взглянул умоляюще.

– Но зачем Кристина поехала с ним? – удивленно спросил Полуянов.

– Она зациклилась: начать лечиться до того, как эти ее оспины созреют. Думает, Глеб в больницу отвезет. А я считаю, он ее на окраине выбросит в лучшем случае. А скорее с собой потащит вместе дурить. Кристи сейчас слабая. За себя постоять не может.

«Пожалуй, тут приоритет – не ее в больницу, а прикурка остановить, пока весь Грибовск правда не полег», – подумал Дима.

Но делиться мыслями с Артуром благоразумно не стал.

Давно уже выехали за окопицу, мчались меж голых, скучно посеребренных первым снегом лесопосадок.

– У них фора – минут десять. И машина мощнее, – в отчаянье пробормотал спортсмен.

Он гнал старенький автомобиль на пяти тысячах оборотов, машина ревела, воняла, тряслась.

– Движок сейчас запорешь, – предупредил Дима.

– Плевать!

– Просто встанем тогда посреди леса – и все.

– Вон они! – радостно выкрикнул вдруг Артур.

Далеко – километрах в двух впереди – показались габаритные огни.

Лицо спортсмена озарилось зловещей ухмылкой льва, учувшего добычу.

«Ничего нет хуже, когда один псих нагоняет другого».

Полуянов сказал:

– Давай я поведу. Я школу экстремального вождения закончил.

– Иди ты! – отмахнулся Артур.

Ускорился до, казалось бы, невозможных на ужасной дороге девяноста.

– Лед. Ямы. Повороты. Убьемся, – спокойно предупредил Дима.

– Все под контролем. – Артур от напряжения прокусил нижнюю губу, по подбородку потекла кровь.

Расстояние между машинами сокращалось.

Дима вытащил телефон. Сигнал – пусть и слабенький – к счастью, имелся. Потребовал:

– Диктуй ее телефон.

Набрал номер – абонент недоступен.

– Что с ней? – запаниковал Артур.

– Сигнал хреновый. Или с собой не взяла. Или сел.

– А если он с ней уже что-то сделал?!

Спортсмен отвлекся лишь на долю секунды, но машина немедленно ухнула в яму, отчаянно загрохотала днищем.

– Будь хладнокровен. И мудр, – попросил Полуянов.

Но Артур будто не слышал – продолжал разгоняться.

Беглецы уже совсем рядом.

– Прижми их к обочине. Спокойно. Аккуратно. Там кювет, – скомандовал журналист.

Однако Артур лишь усмехнулся. И когда машины поровнялись, резко вырвался вперед, а потом дернул ручной тормоз.

Азартно выкрикнул:

– Дорогу им перегорожу!

– Дебил! – рявкнул Полуянов.

Их джип потерял управление, заскользил, заюзил, съехал передними колесами на обочину, накренился вперед, но в последний момент удержался. Ремень безопасности сильно ударил в грудь.

На мгновение сознание покинуло Полуянова. Когда он открыл глаза, узрел: лицо Артура заливает кровь, он тщетно пытается ее стереть. А машина беглецов лежит в овражке колесами кверху.

* * *

– Кристи! – взревел Артур.

И кубарем вывалился из джипа. Пока Дима отстегнул ремень, пока оказался у машины беглецов, парень уже вытаскивал из салона недвижимое тело подруги. Лицо девушки в свете тусклой осенней луны выглядело счастливым и милым.

– Аккуратней! – заорал Дима.

Мама-врач предупреждала: пострадавших в аварии нужно переносить очень бережно – вдруг сломан позвоночник.

Но Артур продолжал держать невесту на руках, целовал, бормотал:

– Кристи, солнце мое!

Руки красавицы бессильно болтались, грудь не вздымалась. Из покореженной машины донесся стон.

– Я убью его! – с ненавистью прошипел спортсмен.

Его глаза блестели, лицо заливал румянец, и до журналиста только сейчас дошло: это не азарт погони. Артуру плохо, у него температура. Болезнь нагнала и подавила его всего за какой-то час, пока они мчались по лесу.

«Болван», – укорил себя Полуянов.

Ему ведь казалось, что парень неадекватен. Но он ничего не предпринял, чтобы остановить. Перехватить руль. Предотвратить катастрофу.

Нужно хотя бы сейчас сохранить здравый ум и холодный рассудок.

– Кристи, девочка! Открой глазки! – лихорадочно бормотал Артур.

Дима приблизился. Взялся за пульс. Сердце билось, но еле-еле.

Приказал:

– Отнести ее аккуратно! Положи к нам на заднее сиденье.

– Ей нужна помощь! Врач! – истерически выкрикнул спортсмен. – Едем в Грибовск!

«Сейчас ведь даст по газам – и умчится!»

– Я сам врач, – легко соврал Полуянов. – По первому образованию. Дай осмотрю ее.

Максимально бережно принял тело девушки из рук Артура. Он очень надеялся на лучшее, но правая его рука – та, что поддерживала голову Кристи – мгновенно обагрилась кровью, а пальцы нащупали на затылке под волосами что-то острое, склизкое. С открытой травмой черепа шансов мало, особенно ночью на бездорожье, однако Дима уверенным тоном приказал Артуру:

– Тащи аптечку.

Парень сделал движение в сторону покореженной машины – стоны оттуда становились все отчаяннее, однако Полуянов повысил голос:

– Первым делом Кристина!

И Артур послушно потрусили к багажнику.

Дима отнес девушку в их автомобиль. Приказал ее жениху:

– Будешь помогать.

Как мог перевязал рану. Покрикивал на Артура:

– Еще бинт! Теперь марлю. Быстрей!

И все больше убеждался: ничего не поможет. В ближайшие часы, а то и минуты, бедняжка умрет.

Но спортсмену этого говорить никак не следовало.

Полуянов взглянул на часы:

– До Грибовска еще сто километров. В лучшем случае доедем к восьми утра. Вертолет в Селютино прилетит раньше.

– Но ей нейрохирурги нужны! Реанимация!

– Кто ей поможет в крошечном городке? Кристи надо в Москву, в Склиф! Как раз на вертолете доставят.

Дима понимал: его аргументы не самые убедительные. Но ехать в Грибовск с больным черной оспой и умирающей девушкой он никак не хотел. И Надьку бросать нельзя. Если их посадят в разные карантины – неизвестно, когда и где встретятся. Да и доведется ли вообще увидеться.

Полуянов коснулся лба Артура, безапелляционно произнес:

– У тебя жар. Найди в аптечке аспирин, прими три таблетки. И сиди здесь, в машине. От Кристины ни на шаг.

Сам вновь побежал к месту аварии.

Из джипа продюсера несся отборный мат.

– Заткнись. – Полуянов попытался открыть покореженную дверь.

– Хрена! Заела, падла! – злобно выкрикнул Глеб.

Выглядел парень прилично. Активный, румяный. Максимум, что получил, – перелом.

– Где болит? – тоном строгого доктора спросил Дима.

– Ногу, на хрен, прижало! – простонал осветитель.

«Даже если вытащу его – сейчас с Артуром сцепятся».

Полуянов приложил руку к собственному лбу – жара нет, голова свежая. И какой нечистый попутал его, втянул в бессмысленную погоню?

– Помоги, сейчас сдохну здесь нах!.. – взмолился Глеб.

И тут в Димином кармане крякнул мобильник.

Он вытащил аппарат. Девятнадцать СМС-сообщений. Все от Нади. Последнее – из одного слова, зато большими буквами: «СВОЛОЧЬ».

Полуянов прокрутил до первого послания. Оно было отправлено два часа назад и гласило: «Мы с Аллой едем за вами. На «уазике».

* * *

Дожидаться девушек Дима не стал. Оставил крики Глеба без внимания, вернулся к джипу, где сидел Артур, баюкая на руках недвижимую Кристину, сел за руль.

– Куда? – Голос спортсмена звучал равнодушно. После приступов курража и ярости его, похоже, охватила апатия.

– Я сейчас развернусь, – не допускающим возражений голосом произнес Полуянов, – а ты пересядешь за руль и поедешь в Селютино. Медленно. Аккуратно.

– Но я не могу отпустить ее! – возмутился Артур. – Вдруг она очнется?

– Ты поедешь в Селютино, – повторил Дима. – Там есть врач. Скоро туда прилетит вертолет. Кристине помогут. Обязательно.

Артур поежился, пробормотал:

– Холодно что-то.

Щеки его налились багрянцем, зубы постукивали.

«Сейчас и этот еще в аварию попадет».

Но иного выхода Дима не видел. Развернулся. Вышел из машины. Помог Артуру забраться на место водителя. Кристину оставили на заднем сиденье, положили ей под голову свернутую куртку. На прекрасном бледном лице наливались ядовитым соком красные точечки сыпи. «Может, тебе и лучше умереть», – подумал Дима.

Сказал спортсмену:

– Кристине очень важно, чтобы ты ехал медленно, плавно. Скорость – не больше двадцати в час, понял?

– А ты? – жалобно спросил Артур.

– Останусь здесь, – отрезал Дима. Хлопнул парня по плечу: – Сконцентрируйся. Я в тебя верю. Ты справишься.

Он прислушался – где-то, пока еще далеко, надсадно подывал двигатель.

Артур тоже услышал, спросил с надеждой:

– Может, это врачи?

– Нет.

– Кто тогда это едет?

– Надя и Алла. За мной.

Спортсмен не проявил к полученной информации ни малейшего интереса. Упрямо повторил:

– Мне нужны врачи.

– Они уже летят. На вертолете, – повторил Полуянов. – Помогут Кристине, помогут тебе.

– Если Кристи умрет, я тоже сдохну, – убежденно заявил Артур. И бережно тронул машину с места.

Дима подождал, пока тормозные огни исчезнут за поворотом. С облегчением выдохнул. Поспешил к аварийному джипу.

– Куда ты делся? – с новой силой заскулил Глеб. – Вытащи меня отсюда!

Полуянов открыл багажник. Клычко-Желяев оказался ответственным человеком – тут имелась и аптечка, и большая сумка с инструментами, и даже лопата. Вытаскивать пострадавших со сдавлениями, Дима знал, тоже целая наука. Он подцепил монтировкой, разблокировал дверь.

Глеб дернулся было к свободе, но мигом исказился лицом, прохрипел:

– Ногу... вытащить не могу.

Дима включил телефонный фонарик, с огромным трудом сдвинул сработавшую подушку безопасности, нырнул в салон. Внутренняя обшивка двери от удара треснула, и конечность осветителя каким-то невероятным образом попала в щель с острыми краями. Неприятно, но куда лучше, чем застрять в покореженном металле. За несколько ударов монтировкой Дима освободил страдальца. Тот попытался вылезти, но застонал ещё громче.

– Чего?

– Хрен знает. Больно очень!

Капризный младенчик. Себя любит, на остальных плевать. Бог, видно, увидел. Остановил. Не позволил гаденышу доехать и заразить весь город.

Помогать Глебу вылезать Дима не стал.

Устало сел рядом с пострадавшим джипом. Куртку он положил под голову Кристине, но холодно не было. Наоборот, что-то вроде благости снизошло. И гордости: он все урегулировал. Эпидемии в Грибовске не будет.

«А я сам? А Надька?»

Прислушался к организму. Работает как часы. Только руки слегка подрагивают.

«Но если у Нади будет лицо, как у Петельской?»

Дима вздрогнул.

Будем надеяться – Всевышний не допустит.

* * *

По тому, сколь аккуратно и неуверенно тащился «узик», можно было сразу догадаться: за рулем девушка.

Глеб наконец выбрался из машины. Стоял на четвереньках. Охал. Матерился. Жаловался:

– Нога как в огне.

Полуянов подошел, взглянул мельком: всего лишь ссадина. Большая по площади, но совсем не глубокая. А вот сырь на лице осветителя ярко пунцовела даже в бледном свете луны.

Спасительницы наконец припарковались. Выскочили из машины, Надя первым делом кинулась к Диме, обняла, выдохнула счастливо:

– Живой!

Он тревожно всмотрелся в лицо подруги. Ясные влюбленные глаза. Легкий румянец.

– Ты не болеешь? – уточнил.

– Пока все хорошо.

– У нас и будет все хорошо.

Подошла Алла, вздохнула:

– А меня зацепило, похоже. Спину тянет. Суставы ломит.

– Хватит трепаться! – взвыл Глеб. – Везите меня к врачам быстро!

Полуянов повернулся к нему спиной. Отвел девушек, кратко объяснил, что случилось.

– Бедный Артур! – вздохнула сердобольная Митрофанова.

– Бедная я, – буркнула Алла. В сердцах добавила: – Вот чего меня сюда понесло? Так и умру фальшивой невестой.

– Ты не умрешь, – заверил Дима.

– А до меня наконец дошло! – триумфально произнесла Надя.

– Что?

– Почему вне конкурса прошли только две пары. Мы и Алла с Толиком.

– Ну?

– Ты до сих пор не понял, что нас объединяет?

– Бли-ин, – выдохнул Дима.

В стремительном течении событий он действительно не обратил внимания на очевидное.

В окружении обеих пар имелись те, кто был связан с черной осью.

– То есть меня взяли, – произнес задумчиво, – не ради статей в «Молодежных вестях», а потому что мама когда-то в инфекционке работала?! А Толика – потому что его невеста ездила в эту экспедицию?! Но про меня ведь – все вранье. Постановка.

– Вот ее и использовали – на разогрев настоящей темы, – усмехнулась Надя. – Понял, господин журналист? Похоже, здесь целый заговор. Одна большая красивая история. Которую готовили старательно и долго.

– Митрофанова! Ты чрезвычайно мудра.

– Послушайте, ребята, – вмешалась Алла. – Мне холодно. Глеб скулит. Поехали обратно, а? Потом поговорите.

* * *

Тратить время на сон Артем не мог и сейчас, в три часа утра. Хотя отчаянно клевал носом. Громкая музыка, крепкий кофе, бодрящий холод из открытого окна – не помогало больше ничего. Только прыжки на буграх-ямах и не давали окончательно съехать в царство Морфея. Еще и пейзаж тосклиwyй – ни огонька, ни единой встречной машины, бесконечный, лысенький, темно-серый лес.

И вдруг на обочине увидал машину. Сначала спросонья показалось – это большой черный слон. Отчаянно заморгал, пригляделся, увидел: на боку лежит громадина-джип, стекла выбиты, в салоне белеют сработавшие подушки безопасности.

Артем затормозил. По тишине кругом сразу понял: помогать здесь некому. Схватил с пассажирского сиденья фотоаппарат. Обошел автомобиль, быстро нашелкал серию снимков. Сел за руль, погнал дальше. По пути ломал голову: что случилось с теми, кто был в машине? И что ждет его самого в зловещей деревне Селютино?

Пока спешно собирался, безостановочно гнал, план сделать эксклюзив из эпицентра катастрофы представлялся логичным и стройным. Однако сейчас, когда голова отчаянно болела, Артем начал думать о предметах бренных. Лайки с перепостами – это, конечно, гуд. Но не слишком ли дорогая цена за репутацию бесстрашного парня?

Он малодушно подумал: «Может, назад?»

И мигом себя окоротил: «Ерунда. Сейчас антибиотики какого-то немыслимого по счету поколения. Оспа перед ними ничто. А блог мой на вершину мирового топа взлетит».

Но если бы на подъезде к Селютину его остановил военный кордон, не расстроился бы. И обходными путями прорываться к деревне не стал.

* * *

Клычко-Желяев отлично знал: операторы редко вникают в суть того, что снимают. У них в голове другое: чтобы картинка красивая, брак не проскочил. А о чем там на площадке говорят, их вообще не волнует. Особенно хороши те, кто в горячих точках побывал. Тем вбили накрепко: пусть убивают, все равно обязан снимать.

Когда набирал команду, на зарплату операторам не скучился, пригласил самых лучших. Поэтому, хотя и произошел сегодня на площадке явный форс-мажор – паника, ведущая бросилась прочь, – съемки продолжались.

Как только он сам взял в руки микрофон, операторы спокойно взяли в кадр и его. Так что материал на спецвыпуск все равно имелся.

Правда, монтировать оказалось некому. Едва съемочная группа осознала, что имеет дело не с постановкой, а с реальной угрозой, коллектив охватила настоящая истерия. К продюсеру беспрерывно ломились, дергали, требовали. Врачей. Немедленной эвакуации. Сказать, что это неправда.

Шеф-редактор – в противовес коллективу – с ним вовсе не разговаривала. Только выплюнула:

– Вы-то знали!..

Он попытался объяснить, что тоже не знал. Что просто быстро сориентировался. Не мог позволить, чтобы подобная бомба ушла в песок и не взорвалась. Потому и перехватил инициативу. Знал, что операторы съемку не остановят. И сам вышел под камеры вместо струсившей ведущей.

Анастасия спорить не стала. Посмотрела на него блестящими воспаленными глазами. Махнула рукой и ушла в свой домик, заперлась. Предоставила ему орать на паникеров и вразумлять тех, кто готов был слушать.

Но таковых оказалось немного. А уж заставить кого-то работать оказалось совсем нереально. Народ пил, плакал, публиковал жалобные, гневные, беспечные посты.

Клычко-Желяев быстро понял, что помощников не найдет. К счастью, когда-то поставил себе цель досконально изучить процесс производства телепередач. Поэтому забрал все исходники сегодняшней программы, уединился перед компьютером и включил монтажную программу Final Cut.

Закончил к шести утра. Никакими вертолетами, десантами из врачей

пока даже не пахло. С улицы доносились пьяные крики.

Он подошел к окну и только сейчас заметил: его машины перед штабной избой нет. Угнали. Дело нехитрое. Ключи он, беспечный творческий человек, на переднем сиденье бросил. Вот растяпа!

Впрочем, джип все равно застрахован и тратить время на следствие продюсер не стал. Вернулся к монитору. Прогнал на быстром просмотре материал. Убедился, что забойность темы перевешивает огрехи не слишком умелого монтажа.

Он прошел в ПТС и отослал спецвыпуск в Москву.

Утреннюю программу с новостями, анекдотами, знаменитостями, происшествиями, погодой и спортом на его канале включал, по данным статистики, каждый восьмой россиянин. Клычко-Желяев не сомневался, что «Свадьбу навылет» сегодня посмотрит больше.

* * *

Глеба было решено поместить в домике Аллы.

«Если только там Анатолий еще не умер», – пробормотала «счастливая» невеста.

Однако Толик был плох, но жив. В отличие от беспрестанно скулящего Глеба, даже пенять не стал, что бросили одного. Лишь попросил виновато:

– Воды совсем нет. Принесете?

– Я тоже заболела. – Алла плюхнулась на кровать.

– А я жрать хочу. – Осветитель вполне себе бодро доковылял до стола, уселся.

Полуянов посмотрел на Надю:

– Справишься?

Та сурово сдвинула брови:

– Разберусь. А ты куда?

– Тоже. Разбираться.

И Дима поспешил вышел. Первым делом хотел проверить, что там у Артура с Кристиной, но увидел: светится окошко в домике аборигена Петра. А сам он во дворе, выгоняет корову.

Вошел сквозь незапертую калитку:

– Привет, Петро.

Местный радостно возопил:

– Полуянов! Ты еще жив?!

Самогоном от местного жителя несло метров на десять. Произнес

гордо:

- Я тоже жив. Потому что дезинфекция.
- И мозг в порядке? – строго спросил Дима.
- С бутылки-то одной. Ха! – браво отозвался Петр. – Че надо?

Спрашивай.

- Горцы интересуют. Помнишь, ты говорил?
 - Ну.
 - Пошли. Их палатку покажешь.
 - Так это ж... они и грохнуть могут. Как дохтора, – боязливо произнес абориген. – Стремно мне!
 - Тогда расскажи хотя бы. Когда ты этих двоих впервые увидел?
 - Ну... – задумался Петр. – На второй день. Как вы приехали.
 - Где?
 - Да с поляны они за деревней наблюдали. В бинокли. Меня увидели – сразу бежать. Я Анастасию немедленно упредил.
 - А в следующий раз?
 - Через день. Когда по лесу бродил. Они у палатки сидели.
 - Там точно была палатка?
 - Да не видел я наверняка! Но похоже. А костер точно был.
 - А еще видел их?
 - Да. В тот день, когда дохтора грохнули.
 - Где именно?
 - Ну, я Федора проводил и корову на поле погнал. А за околицей гляжу, опять два черных ворона.
 - Те же самые?
 - Да они все на одно лицо. Но вроде те же.
 - Как они выглядели?
 - Ой, ну как и положено им! Рожи смуглые, волосья черные. Куртки черные. Один по телефону говорил.
 - Расслышал что-нибудь?
 - Хурды-бурды! – возмутился Петр. – Они ж лопочат не по-нашему!
 - Но доктора они убить не могли?
 - Не, – уверенно помотал головой абориген. – Тот уже далеко уехал.
 - «А вот позвонить и предупредить сообщников запросто».
 - А еще ты их не видел?
- Петр икнул. Пренебрежительно молвил:
- Хреновый ты журналист!
 - Это почему? – усмехнулся Дима.
 - От жизни отстал! Подумаешь, джигиты! Эта информация устарела

давно. Ща у меня куда круче мулька есть. Хочешь купить?

– Сколько?

– Шучу, – благородно улыбнулся Петр. – Бутыль поставишь – и хватит.

– Говори быстрей!

– Это идти надо. Часа два. Но увидишь – вообще обалдеешь.

– Нет, Петр. Двух часов у меня нет, – твердо возразил Дима. – Опиши словами.

– Говорю же: хреновый ты журналист! Никакого любопытства! – укорил местный.

И вытащил из кармана простенький, видавший виды сотовый. Протер экран рукавом. Проворчал:

– Чего воздух сотрясать? У меня фотокамера есть.

И развернул перед Димой фотографию.

Качество оказалось паршивым, сначала Полуянов видел только нагромождение штрихов и полос. Лишь когда приглядился, понял: это отпечаток огромного колеса.

– Квадрик отдыхает. Целую колею проделал! Это джип, что ли, такой огромный? – Петр продолжал прокручивать перед Димой серию фотографий.

– Я бы сказал, это БТР. БТР-82, – взволнованно произнес журналист. – Где ты это видел?

– Километров восемь отсюда. Я целый час по следу шел. Хотел понять, откуда, куда. Но потом стемнело, не разобрать ничего. Да и стремно стало. Пошли вместе, а? Вдвоем не страшно расследовать.

Мутный рассвет все увереннее изгонял прочь ночной мрак.

Дима взглянул на часы. Без десяти семь утра.

В столице и в области наверняка паника. Вертолет по идеи должны были отправить с первыми лучами рассвета.

И – словно по заказу – вдалеке послышался рокот.

– «Восьмерочка», – любовно прошептал Дима.

Звук ее лопастей – спасибо армии – он легко отличал от дорогущих «КА-226 Т» или еврокоптеров «ЕС-145».

Надежная техника. Сядет где угодно.

* * *

Селютино вылетело из утреннего мрака внезапно. Артем инстинктивно нажал на тормоз – не следовало привлекать к себе внимание

ревом мотора. Остановился у окопицы, вышел из авто. Почти идиллический пейзаж: подновленные домики, дружелюбный свет фонарей. Краешек вялого осеннего солнца выглянул из клочьев туч – может получиться неплохой панорамный снимок.

Но прежде чем доставать фотоаппарат, Кудряшов вернулся за руль. Сдал метров сорок назад, съехал на неприметную боковую дорожку. Едва не завяз, пока заезжал за ивовые кусты. Запер машину. Не то чтобы совсем спрятал, но в глаза теперь не бросалась. Куда разумнее войти в Селютино пешеходом, чем дразнить гусейзывающие красной «Ауди».

Он достал телефон. Удивительно: полная глушь, но значок вай-фая светится в полную силу. Причем доступ свободный, безо всяких паролей.

Артем с удовольствием подключился к сети. Потом прислушался. Хотя и рань несусветная, деревня не спала. Мычала корова. Где-то далеко нестройный хор завывал «Я встретил вас, и все былое...» Два голоса – мужской и женский – яростно ругались.

Кудряшов напряг слух.

– Ты убил меня! – вопила женщина.

Что отвечал мужчина, расслышать не получилось.

Да, обстановка приближена к боевой.

«Как отреагируют, когда увидят нового человека?»

Артем вступил в пораженную недугом деревню. Воздух осенний, свежий, хрусткий, но блогеру показалось – миллионы отравленных стрел вонзились ему в легкие.

Отогнал наваждение. Отступать все равно поздно.

Домики все на одно лицо. Где, интересно, Надюша живет?

А вот и первый прохожий. Молодой парень шествует ему навстречу нетвердой походкой, отчаянно цепляется за заборы. Алкогольное забвение в финальной стадии? Однако нет. Сфокусировал взгляд на лице Артема, восхликал с надеждой:

– Вы врач? Врач?!

Глаза у пьяницы блестящие, щеки горят.

– Врачи сейчас будут, – уверенно отозвался Артем.

– Врете вы. Все – врете, – скорбно констатировал парень.

Не удержал равновесие, шлепнулся в грязь. Поднимать его Кудряшов не стал, поспешил дальше.

– Ты тоже умрешь! – безнадежно крикнул вслед парень.

«Хватило бы слов описать картину», – подумал Артем.

Но дальше пошло куда эффектнее.

Метрах в ста впереди он увидел целое собрание. Деревенский дом –

побольше, чем все остальные. Ворота распахнуты, во дворе и на улице толпится народ. Человек пятьдесят собралось. В основном молодежь. Ярко-пижонские резиновые сапожки и куртки странно контрастировали с мрачными, очень взрослыми лицами. На него никто внимания не обратил.

Артем ускорил шаг, пристроился в задних рядах стихийного митинга. Телефон, включенный в режиме видео, чтобы не привлекать внимания, держал в наплечной сумке на уровне бедра.

На чужака по-прежнему никто не смотрел, люди не сводили глаз со ступенек дома. Там стоял худощавый, очкастый, с тихим голосом мужчина. Говорил еле различимо, однако внимали ему безропотно, затаив дыхание. Лицо оратора показалось Артему знакомым. Он стал слушать вместе со всеми:

– ...абсолютно никаких доказательств нет, поэтому не становитесь жертвами паники, – убеждал мужчина. – Почему вы принимаете на веру слова единственного человека? Тем более что Людмила Петельская по своему психологическому профилю – истерическая, невоздержанная личность. Вполне вероятно, что это просто спектакль, попытка поразить, запугать.

– А чем мы болеем тогда?! – спросил гневный голос.

– В мире существует более двух тысяч штаммов гриппа, у всех разные симптомы. А заболеть у вас возможности были – вы все время находились в холодном помещении. Да, павильон не отапливался, это наша вина, я ее признаю и обещаю, что наш канал компенсирует медицинские расходы каждому из вас. В любом случае к нам летит санитарная авиация. Нам помогут. Всем. Обязательно помогут. Все будет хорошо. Я вам обещаю.

Слова из арсенала гипнотизера.

Артем наконец узнал оратора – Клычко-Желяев, артист, кавэнщиц, а ныне – продюсер канала «Просто the Best». Весьма умело утихомиривает бунт в рядах своей паства.

Но усмирить пока удалось не всех.

– Уже светло. Почему врачей нет? – выкрикнул чей-то голос.

Мужчина вместо ответа поднял лик в небо.

Тоном всевышнего произнес:

– Сейчас все будет.

И, словно по волшебству, в воздухе отчетливо послышался рокот вертолетного мотора.

– Вы видите, нас не оставили в беде! Доктора летят к вам на помощь! – Голос мужчины стал почти ликующим.

Артем, как и все остальные, задрал голову вверх. Точно, вот он, еле

различимый пока вертолет! Кудряшов достал телефон, приблизил фокус, сделал несколько снимков. Хотел уже опустить камеру, но вдруг через объектив увидел: к вертолету стремительно приближается ярко-красная точка. Он пока еще ни о чем не догадывался, но – инстинкт охотника! – молниеносным движением сделал максимальное приближение и переключился на видеорежим. А дальше в его распоряжении оказались уникальные кадры.

Едва безопасный с виду огонек соприкоснулся с винтокрылой машиной, ту мгновенно объяло огнем. Сразу же повалил темно-сизый дым, терпящие бедствие стремительно понеслись к земле. А в следующую секунду раздался оглушительный взрыв.

Первое, что подумал Артем: «Я теперь знаменит».

И только потом настигла покаянная мысль: «Сколько людей погибло!»

* * *

Артур, как и все, кто сидел по домам, выскочил на ужасающий грохот.

В воздухе ощутимо воняло гарью. Мимо дома галопом мчались Жека и двое операторов. Один из них на ходу крикнул:

– Вертолет упал!

Спортсмен сделал было движение бежать вслед за ними, но в мозгу хлестко щелкнуло: «Зачем?!»

Действительно, зачем?

Он в отличие от остальных вертолета с докторами не ждал.

Много часов тешил себя иллюзиями. Гладил. Целовал. Тряс за плечи. Подносил к губам зеркало и наконец признал: Кристина тихо и незаметно умерла. Он даже не заметил, в какой момент остановилось ее дыхание.

И какой смысл оставаться на этой земле без любимой?

Артур болел редко и сейчас, когда температура зашкаливала, соображал с огромным трудом. Самое важное решение он уже принял: лично ему лечиться нет смысла. Но прежде чем умереть, нужно исполнить главную миссию. Отомстить человеку, который убил его Кристи. И совершил возмездие как можно скорее, пока рука еще почти тверда.

Остатки разума шептали в ухо: «Напоказ! Без плана! Самоубийство! Нельзя!»

Но он гнал из головы глупые мысли.

Зачем конспирация, если он не хотел больше жить?

Отомстить за смерть Кристины – и умереть самому. Вот и все, что ему

осталось сделать на этой планете.

* * *

Иногда в нем включался робот.

Так случилось и сейчас. Пока прочие визжали, запоздало доставали телефоны, плакали, ужасались, причитали, Артем – без монтажа, фотошопа, улучшений и даже просмотра – выложил видео катастрофы в своем блоге.

Быстро добавил заголовок: «Вертолет с врачами сбит. Это явно теракт. Спасать людей от черной оспы больше некому».

И лишь потом огляделся.

Во дворе дома, где только что шел почти мирный митинг, царило полное сумасшествие. Капитан корабля – продюсер – скрылся в помещении. Несколько мужчин с полуబезумными лицами яростно колотили в дверь. Кто-то плакал. Иные отчаянно пытались куда-то звонить. Часть людей кинулась к месту катастрофы, хотя очевидно было: спасать там некого. А тушить пожар нечем.

Красной точки, которая поразила вертолет, кажется, никто не заметил. Поэтому те, кто не рыдал, наперебой строили версии, почему произошла катастрофа. Отказ двигателя? Сильный боковой ветер? Слишком низко шел над деревьями?

Дверь в дом широко распахнулась. Продюсер, несмотря на внешнюю хилость, легко столкнул с крыльца тех троих, что пытались прорваться внутрь. Произнес в мегафон (на собственный тихий голос больше не полагался):

– Друзья! Земля пухом тем, кто погиб в катастрофе. Но – отставить панику! К нам уже летят еще два борта. Самое позднее через час они будут здесь.

И тут визгливый девичий голосок умудрился перекричать мегафон:

– Вранье! Нас никто не спасет!

Столько отчаяния и уверенности, что притихшая было толпа снова зароптала.

А красивая, плотно сбитая деваха продолжала причитать:

– Никто не будет спасать! Мы никому не нужны! Вакцины от оспы не существует! Выжгут деревню со всеми нами! Так будет проще!

– Рыбочка! Что за глупости ты говоришь? – переминался с ноги на ногу, причитал рядом с девахой пожилой нескладный мужчина.

– Василиса, прекрати! – рявкнул Клычко-Желяев.

Но она безо всякого мегафона зычно вопила на всю деревню:

– Лекарства от оспы нет! Нас не будут лечить, нас просто убьют!

– Отставить бред! – взвился продюсер.

А девушка – волосы ее разевались, словно у бесстрашной воительницы, – призывала:

– Давайте спасать себя сами! Есть автобус, есть дорога! Они не осмелятся убивать нас при всех, в городе! Не дадим загнать себя в ловушку!!!

– Василиса, не смей! – дрожащим голосом произнес пожилой дядька.

Молодайка вдруг размахнулась и врезала ему по лицу.

Мужчина упал. В глазах слезы – как у брошенной, побитой собаки.

А девица двинулась прочь и даже не обернулась.

Артема сотрясала дрожь. Да, происходящее ужасно. Но его телефон снова стоял на режиме видеозаписи, и Кудряшов просто физически представлял, как его блог взрывается от тысяч, миллионов новых подписчиков.

А прекрасная Василиса тем временем призывала:

– Кто смелый – все за мной! Кто трус – оставайтесь здесь. На верную смерть!

И кинулась прочь со двора.

Кудряшов прижался к забору, чтобы не смели. И не задались вопросом, что здесь делает новый человек.

Но всем стало окончательно не до него.

Толпа уже яростно толкалась локтями, штурмовала телевизионный фургон, который стоял на площадке за воротами.

Продюсер остался на крыльце. Продолжал убеждать тех, кто не бросился убегать:

– Не делайте глупостей! Нет смысла ехать! Врачи сейчас будут! Врачи-инфекционисты, самые лучшие! А в Грибовске ни докторов нормальных, ни лекарств!

– Но нас не сожгут? – боязливо обратилась к оратору худощавая дама в очках.

– Прасковья, вы практически кандидат наук, – укорил Клычко-Желяев. – Как такое только в голову может прийти?! К счастью, у нас не Средневековье.

Ситуация стремительно теряла накал, и Артем уже начал вертеть головой в поиске новых убийственных сюжетов.

И тут засек Полуянова – тот на предельной скорости мчался к штабу.

За ним с трудом поспевала Надя.

Журналист оценил диспозицию мгновенно. Бросился не к продюсеру – к автобусу, куда с трудом втискивались последние желающие.

Отпихнул кого-то, вскочил на подножку, заорал:

– Останьтесь! Вы не доедете! Вас остановят!

Но Василиса – изнутри автобуса – завопила:

– Газу! Уходим!!!

Мужчина, что сидел за рулем, не колебался ни секунды. Дверь автоматически поползла внутрь – журналист еле успел отскочить, – и автобус, взорвав фонтаны грязи, рванул к свободе.

Пожилой спутник Василисы бросился было за ним... Но остановился. Снова заплакал.

А Надя наконец увидела Кудряшова и гневно бросилась к нему:

– Ты самоубийца?

На языке вертелся штамп: «Я тебя спасать приехал».

Но Артем врать не стал. Устало вздохнул:

– Я блогер.

И – опять без монтажа и даже без просмотра – отправил новый отснятый материал прямиком в свой Живой журнал.

* * *

В Большой Кабинет никто и никогда не входил без стука. Но сегодня – впервые в жизни – дверь распахнулась рывком, внезапно.

Тратить время на преамбулы помощники не стали. Президент сразу увидел – в поразительном для любительской съемки качестве – кадры, снятые блогером Кудряшовым. А в следующее мгновение глава страны, как и десятки миллионов россиян, уже смотрел экстренный выпуск «Свадьбы навылет».

Окончания программы ждать не стал. Едва на экране возникло пораженное язвами лицо Петельской, подчиненные получили приказ: бросить на очаг в деревне Селютино все возможные силы.

В течение часа в небо ринулось несколько вертолетов санитарной авиации и МЧС, одновременно в регион направили войска из расположенных поблизости воинских частей. Лучших инфекционистов страны поднимали с постели, эпидемиологов везли с мигалками и сиренами на военный аэродром. В авральном режиме готовили оборудование для дезинфекции и дератизации.

В столичной инфекционной больнице спешно закрыли целый корпус – пациентов выписали или перевели в другие учреждения в течение часа. Здесь готовились принять больных с особо опасной инфекцией – для излечения, а также всех контактников – для обсервации и карантина.

В клинику завозили противочумные костюмы, лекарства, прививочные вакцины.

Одновременно целая бригада сотрудников ФСБ, полиции, санитарно-эпидемиологических служб устанавливала местонахождение виновницы паники Людмилы Петельской, а также профессора Акрама Юнусова и его сподвижников.

Несколько бортов отправили к месту крушения санитарного вертолета.

Специальные подразделения прилагали все силы, чтобы получить максимум информации о террористической группировке, объявившей, что в ее руках – биологическое оружие.

Президента заверили: к девяти утра Селютино вместе со всеми его обитателями будет полностью блокировано с земли и с воздуха.

Однако автобус с беглецами стартанул в половине восьмого и разминулся с теми силами, что направлялись в деревню *по земле*, буквально на считанные секунды.

* * *

Дима не собирался приглашать Кудряшова в дом, но Надя отрезала:

– Твоя Алла у нас уже второй день. Чем Артем хуже?

Полуянов хотел было вступить в перепалку, но кто-то из толпы во дворе выкрикнул:

– По телику! Спецвыпуск! Про нас!

Спор мигом угас – все четверо поспешили к телевизору.

Артем не сводил глаз с экрана. Полуянов успевал одновременно поглядывать в Интернет и делать заметки в блокноте.

Алла (от Митрофановой не укрылось) сбегала в уборную, причесалась и умелой рукой гримера подрисовала себе лицо.

Сама Надя (хотя и лень было) исполнила традиционную роль – принесла всем чаю, нарезала бутербродов.

– Вот это жизнь у вас! – вздохнул Артем почти завистливо, когда передача закончилась.

– Ага, – холодно отозвалась Митрофанова. – Иммунитета ни у кого нет, а осенние вакцины давно сняты с производства.

– Но вы-то пока здоровы!

– А ты сходи на ее жениха посмотри, – не удержалась от шпильки Надя.

Артему очень хотелось снять для блога настоящего больного. Но секунду поколебался и решил: пока экстрема достаточно.

Четверо пока уцелевших накинулись на бутерброды. Однако допить чай не успели. В небе снова раздался рокот, на сей раз куда мощнее.

Кудряшов сделал движение встать. Полуянов посоветовал:

– Не дергайся. За тобой сейчас сами придут. И вряд ли первым делом покормят.

Спустя минут десять на пороге появилась весьма зловещая делегация: четверо бесполых существ в космически-белых костюмах, респираторах, сверху закрытых пленкой, зеленых, словно у дайверов, очках, в шапочках, желтых резиновых сапогах и перчатках.

– Вы пришельцы? – сострил Дима.

– Мы врачи.

Однако первым делом потребовали документы. Затем один из зловещих начал осматривать пациентов, остальные занялись странным делом: закрыли форточку, обклеили рамы лейкопластырем. Наглоухо залепили вентиляционное отверстие. Извлекли емкость, открыли – в помещении резко запахло хлоркой.

– Что за вонь? – поморщилась Алла.

– Лизол с хлорной известью, – глухо отозвался женский голос из-под респиратора.

– Но мы ведь не больны!

– Вы были в контакте с больными, поэтому подлежите обсервации и экстренной терапии, – проинформировала дама.

Полуянову с Митрофановой (как жениху и невесте) разрешили остаться дома – со строгим указанием на улицу ни под каким видом не выходить.

Надя, едва взглянув в хитрое лицо будущего мужа, поняла: сбежит, как только медицинская делегация уйдет.

Однако когда затворилась дверь, послышался глухой стук снаружи: их заколачивали, словно они в гробу!

– Окно вышибу, – мрачно пообещал Дима.

Но двор – словно они оба опасные преступники – остались патрулировать двое.

Спасибо хоть к информации доступа не перекрыли. Жениху с невестой только и оставалось каждому уткнуться в свой гаджет.

Надя взялась за глобальное. То и дело восклицала:

- В Москве паника, народ спешно улетает из страны!
- ВОЗ направляет в Россию миссии помощи!

Диму больше интересовали детали:

– Наши беглецы добрались до Грибовска, в городе сумасшествие. В больницу их не берут – говорят, пока указаний нет. Так они гулять пошли, ты только представь!

– Кошмар! – ахнула Надя. – У оспы вирулентность огромная. Какой там город – эпидемия всю страну охватит! Все, не могу больше об этом читать.

Девушка захлопнула лэптоп и побежала отдавать дань деревенской привычке – смотреть в окно. Углядела: из домика Аллы и Анатолия выносят носилки. Лицо человека прикрыто.

– Толик или Глеб? – кинулась к Диме Алла.

Полуянов подошел, присмотрелся. Вздохнул:

– Анатолий.

По всей деревне – будто размножались! – расходились люди в защитных костюмах. Мыли улицы, обрабатывали специальными аппаратами стоки. Изредка в окружении дезинфекторов-марсиан появлялись участники программы или телевизионщики. Их лица выглядели глубоко растерянными. Всех вели к окопище – очевидно, к вертолетам.

– А нас почему никуда не везут? – спросила Надя.

– Признаков заболевания нет, – тоном авторитетного доктора отозвался Полуянов.

– Мы с тобой, что ли, более здоровые, чем Артур с Кристиной?

– Мама всегда говорила: медицина – дама нелогичная.

– Я вот все думаю… Ты ведь тоже болел. Но явно не оспой. И даже для гриппа очень быстро поправился. Что это было с тобой?

– Знаешь, Надюх… Я, конечно, не уверен… Но вспомни про черную оспу – и про мою маму. Если мамуля *действительно* находилась в то время в инфекционной больнице. Если видела, насколько это ужасная болезнь, – может, она просто подстраховалась? И привила меня – хотя оспа считалась побежденной и прививок от нее тогда уже не делали?

– Слушай, а ведь запросто! Но тогда тетя Женя и меня могла привить! – с просветленным лицом произнесла девушка. – Моя мама говорила, что всегда Евгению Станиславовну слушается!

– Так давай посмотрим! – Дима скинул рубашку.

И увидел на предплечье характерный шрам. Поразительно! Сколько лет по земле ходит – ни разу не обращал на него внимания.

– И у меня есть, – прошептала Надя.

Покачала уважительно головой:

– Да. Твоя мама мудра. Прямо Екатерина Вторая. Ты знаешь, что она чуть ли не первой в России привила от оспы себя и своих детей? А тогда ведь вакцины куда более опасными были.

– У тебя могла быть отличная свекровь, – вздохнул Дима.

А Надя еще более печально спросила:

– Как думаешь, сколько продлится карантин?

– Ну... наверно, месяц. Как минимум. Даже если по правилам меньше – они всячески страховаться будут.

– Значит, увы. В загс мы опять не попадаем, – пригорюнилась Митрофанова.

Дима хотел укорить, что несерьезно в нынешней ситуации думать о глупостях, но посмотрел в расстроенное лицо невесты и промолчал.

* * *

Артур пошел на поправку лишь в феврале, когда в окно палаты стало хотя бы изредка заглядывать солнце, а воробы наглым чириканьем возвестили о том, что весна неизбежна.

Лежал спортсмен в одиночной палате, но запирать его давно перестали. И врачи уже месяц приходили без защитных костюмов. Постоянно водили – будто в цирк – делегации студентов. А вчера объявили: он больше не опасен и может принимать гостей.

Благодарить Артур не стал – отвернулся к стене.

Во всем мире у него был единственный близкий человек – его Кристи.

И что делать теперь, когда она мертва?

Зеркало утверждало: он все еще хорош собой. Лечили его качественно и уродом не оставили. Единственный шрам от особо крупной оспины над бровью погоды не делал.

Тело – почти здорово. Душа – мертва навсегда.

Куда деваться и чем заниматься теперь, он понятия не имел.

Продолжать делать то, что он умел? Организовывать несчастные случаи, убивать?

Но зачем, для кого?

Найти себе новую подругу и «обточить» ее под себя?

Да, когда-то он банально хотел сделать из Кристины удобную и совершенную во всех отношениях спутницу. Но только сам не заметил, как

влюбился. И теперь, когда представлял, как любимое тело разлагается, усыпанное килограммами хлорной извести (хоронили по типовым для особо опасных инфекций правилам), у него сжимались кулаки.

К Артуру – человеку, который побывал в объятиях смерти, – постоянно пытались прорваться журналисты. Он категорически отказывал всем.

И только когда на пороге палаты вдруг появился его собрат по несчастью Полуянов, губы сами собою расплзлись в слабой улыбке.

– Артур! – кинулся к нему Димка. – Как я рад тебя видеть!

Атлет поморщился, и Полуянов поспешно добавил:

– Ты не волнуйся, я к тебе не за интервью. Просто проведать пришел. Вот апельсины. Держи.

– Ну... как там на воле? – вяло поинтересовался спортсмен.

– Мороз, солнце. Надюха тебе огромный привет передает. Просится проведать с домашними пирожками.

Артур начал было отказываться, но Дима перебил:

– Да брось ты. Мы ведь теперь однополчане практически. Про остальных знаешь?

Спортсмен покачал головой. Кристина умерла, а на прочих ему было плевать. Он вспомнил свой последний день в Селютине.

Кажется, он шел к Глебу. Человеку, который убил его Кристи. Но жар плавил тело, ноги дрожали, лицо заливало потом, и до дома врага Артур добирался вечность. Но все-таки дошел. Попытался выломать запертую дверь. И дальше не помнил ничего.

Очнулся уже в вертолете. Над ним склонялись три страшных лица в очках-консервах.

Потом то выныривал из забытья, то снова в него проваливался. А когда уже после Нового года кризис миновал и температура спустилась, Артур с удивлением понял: он больше не хочет убивать Глеба.

За что мстить придурку? Кристи никто в машину к нему не затачивал. Аварию Артур спровоцировал сам. Убивать за то, что мозглик с управлением не справился?..

Спортсмен резко сел в постели. Горько молвил:

– А ведь это я Кристину на проект затащил. Мы столько сил положили, чтобы туда попасть... Кто, черт возьми, виноват, что все так кончилось?! Правда, Полуянов, скажи мне: кто?! Кто всех нас подставил?! Я запутался.

Дима вздохнул:

– Официально считается – Международная террористическая организация. У них было две цели: опробовать биологическое оружие, а главное – напугать. Громко заявить о себе.

- Кто ее главарь?
- Арзу Юнусов.
- Где-то я слышал эту фамилию...
- Его брат Акрам Юнусов в экспедицию вместе с Петельской ездил. Вирус оспы добыл.
- Этот Арзу, конечно, живет где-нибудь в Сирии? Или в Ираке?
- Представь себе, нет. Он удачливый бизнесмен. Москвич.
- А где оба сейчас?
- Удрали из страны. По чужим документам.
- То есть выкрутились? – изумился Артур.
- Не совсем. Месяц назад оба погибли. В Мексике. Очень красивая, киногеничная авиакатастрофа.
- Это точно были они?
- Не сомневайся, наши спецслужбы работают на совесть, – усмехнулся Полуянов. – Подручных Юнусова – тех, кто вертолет сбил, – тоже достали. Дали пожизненное. Всем.
- А Петельская?
- Что с нее взять? Жертва. Несчастная влюбленная. Задурили девчонке голову. «Он тебя предал. Отомсти ему. Отомсти красиво!» Она и пошла на смерть ради любви. А помимо всех еще больше пятисот человек заразила.
- И что с ней стало?
- Умерла от черной оспы. Тут, в твоей больнице.
- А Глеб?
- Тоже. И Толик. Остальные выкарабкались.
- Может, еще и поженился кто-нибудь? –sarcastically спросил Артур.
- Представь себе, да. Прасковья с Александром. И Василиса с Николаем. А блогер, который снял и в Интернет выложил, как вертолет сбили, теперь звезда неописуемая. Подписчиков сотни тысяч, на улице автографы просят. – В голосе Димы прозвучало нечто похожее на зависть.
- Но Артура не слишком интересовало мирное.
- А кто убил того доктора, что в Селютино приезжал? – спросил он.
- Парни из команды Юнусова-младшего. Им приказано было жить поблизости от Селютина, болтаться рядом с деревней. Наблюдать. При любом форс-мажоре действовать решительно и без жалости. Они узнали, что психиатр приехал специально к Анатолию, ключевой фигуре. Ну и решили устраниТЬ. Просто на всякий случай. Чтобы их план не сорвался.
- А психиатр что-то знал?

– Теперь можно только догадываться. Возможно, Анатолий сказал ему, что Петельская – ходжарка и знакома с Юнусовым. Доктор начал разматывать клубок. Но не успел.

– А этот второй врач? У него правда жену и дочь похищали?

– Да. Арзу Юнусов хотел, чтобы болезнь распространилась по Селютину максимально. И еще чтобы успел выйти в эфир спецвыпуск. И участники шоу в Интернете панику раздули до сумасшествия. Поэтому делал все для того, чтобы государственный маховик – инфекционисты, эпидемиологи, МЧС – подключились как можно позже.

– И кто мне ответит за Кристину? – горько спросил Артур.

Полуянов глубоко вздохнул:

– У меня есть одна теория. Но только она абсолютно без доказательств.

* * *

По официальной версии, Арзу – по-русски имя означало «Орел» – взял оружие в одиннадцать, а первого человека убил в двенадцать. Однако воинственную биографию он не без удовольствия выдумал сам. А в реальности до семнадцати лет был обычным московским школьником.

Детство провел в Ходжарии.

А когда ему исполнилось десять, родители развелись. Отец со старшим братом остался в республике. Но семья, пусть и мусульманская, повела себя современно. Бывший муж не стал чинить препон жене, когда та решила переехать в столицу. Позволил женщине воспитывать младшего сына.

Мама – хотя по национальности тоже ходжарка – правил домостроя никогда не придерживалась. Окончила институт, увлеченно работала, хозяйство домашнее ненавидела. Сыну хотя и разрешала ходить в секцию рукопашного боя, но куда ревностнее заставляла заниматься литературой, математикой, искусствами. Любила повторять:

– С кинжалом бегать любой дурак может.

Арзу поначалу противился учебе, но уже лет в двенадцать понял: когда к твердой руке прилагается светлая голова, популярности у тебя больше. И чем показательно отлынивать от тоскливых школьных мероприятий, куда лучше в них побеждать.

В десятом классе он решил выиграть конкурс чтецов. Выбрал Маяковского.

Текст «Облака в штанах» выучил легко. Репетировал перед зеркалом. Сам себе нравился, когда стягивал губы в нить, говорил:

— А самое страшное видели —
Лицо мое, когда я абсолютно спокоен?

Бабуля, которая ради любимого внучка тоже решилась покинуть родную Ходжарию, однажды подглядела. Улыбнулась.

Он обиделся:

— Ты чего?

Старушка взъерошила ему волосы:

— Забавно, когда ты так серьезно произносишь: «У меня в душе ни одного седого волоса».

Быть забавным — самое страшное в жизни. Ни с кем советоваться Арзу не стал. Отправился в театральный кружок при дворце пионеров. Педагог, красноносый и желчный, выслушал, снисходительно улыбнулся:

— Не верю.

Арзу сначала хотел вцепиться алкоголику в горло. Но спокойно спросил:

— Что делать?

— Выбери что попроще. «Колобок» тебе в самый раз.

— Нет. Я хочу Маяковского!

— Тогда читай «Историю Власа, лентяя и лоботряса». Что ты, мозглияк, понимаешь в *пожаре сердца*?

Арзу попросил:

— Научите меня.

— Бесполезно, — драматическим жестом воздел руки педагог.

Но из театральной студии гнать не стал.

Парень ходил туда целый месяц. Многое узнал, многое понял.

Накануне конкурса снова подошел к зеркалу. Вспомнил недавние жалкие кривляния. Усмехнулся. Теперь не сомневался: конкурентов у него не будет.

Когда читал — тишина в зале обволакивала. Девочки не сводили глаз, пожилая завуч на словах про *обугленный поцелуишко* вытерла слезинку. Потом долго хлопали, жюри оживленно переговаривалось.

Но следующим на сцену вышел очкастый задохлик Клычко-Желяев из параллельного. Ждать, пока утихнет шум, не стал. Ласково улыбнулся. Спокойно произнес:

– Прощай, письмо любви! Прощай: она велела^[8].

Руки по швам, сутулится. Голос не поставлен, не громок. Но зал мгновенно умолк.

– Минуту!.. Вспыхнули. Пылают...

Обычные слова. Ничем не примечательный парень. Но завуч вцепилась в поручни кресла – костяшки пальцев побелели. А литераторша почти завистливо вздохнула:

– Талант.

И он готов был убить ее за эти слова.

Победу в конкурсе в итоге присудили никчемному Клычко-Желяеву. Второе место конъюнктурно отдали стихотворению про Ленина – времена еще были социалистические. Ему досталось позорное третье. В мечтах он резал конкурента на ремни. Но в реальности подошел и поздравил.

Потому что понимал уже тогда: талант уничтожать неразумно. Куда лучше поставить его себе на службу.

* * *

Поступать в институт Арзу не стал.

Мама с бабушкой причитали про армию, про цинковые гробы из Афганистана. А он считал дни, когда можно будет наконец взять в руки оружие. Своими глазами увидеть кровь и смерть.

Как ни пытались мама превратить сына в столичного интеллигента, голос крови победить не смогла.

Учебки, дедовщины, тягот Арзу не боялся. Благо был безжалостно и умело. А иногда достаточно было просто взглянуть, и парни, которые нагло клянчили в подворотне сигаретку, отступали.

Но если до службы Арзу боготворил свободных, как воздух, убийц-одиночек, то после года в Афгане флер рассеялся. Да, лишать жизни оказалось чрезвычайно приятно. Но расстрелять одного, двух, даже сорок человек – это мало, ничтожно мало.

Арзу уже знал, чего хочет. Поставить на колени весь мир. А для этого – он теперь понял – нужны были не навыки снайпера. И, конечно, не знания, что старательно вбивала в него мамуля. Но в первую очередь деньги.

В стране очень кстати повеяло переменами. Арзу – собранный, жесткий, отчаянно смелый – легко и умело вцепился в падаль, в умирающий Советский Союз. Однополчане пили водку и нанимались в охрану, но он очень скоро сам завел себе телохранителей. Продавал и

перепродаивал – как все удачливые и беспринципные в те времена, *вагонами и теплоходами*. Предавал. Запугивал. Мошенничал. И ждал.

Старший брат оставался в Ходжарии. Увлекался биологией. Поступил в университет, писал диссертацию. Убивать не умел, даже на охоту не ходил. Но Арзу не сомневался: когда понадобится, он заставит ученого брательника понюхать пороха.

Мир то и дело потрясали масштабные акты террора.

Арзу до глубины души потрясли жизнь, деяние и смерть американца Тимоти Маквея^[9]. Атаку самолетов на Нью-Йорк, случившуюся в день рождения оклахомского террориста, он пересматривал как любимый фильм.

Но все равно масштаб любых, пусть считавшихся ужасными терактов казался ему жалким, мелким. Ну что такое даже 270 пассажиров, погибших во время взрыва «Боинга» над Шотландией в декабре 1988 года!

К середине нулевых Арзу стал мультимиллионером. По крупице собрал, вымуштровал, вышколил команду – беззаветно преданных, безбашенных. Оброс нужными связями, в том числе вступил в контакт с международной террористической организацией. Щедро финансировал структуру и фактически верховодил в ней. Но официально лидером не значился. А еще – никому и ничего *не был должен*.

Арзу ждал идеи. Ждал просветления.

Он знал: небо благосклонно к терпеливым.

И Аллах его вознаградил.

Вскоре, почти одно за другим, случилось два знаковых события.

Брат рассказал ему, что коллега из Америки зовет его в экспедицию. В давно покинутый город Зашиберск.

– Зачем? – удивился Арзу.

– Он вирусолог. Хочет штамм черной оспы попробовать отыскать.

– И есть шансы?

– Сомнительно, – пожал плечами брат. – Да лично мне и неинтересно.

– Достань этот вирус – для меня! – потребовал Арзу.

– Зачем мне это делать? – запротестовал Акрам.

Он, слегка сумасшедший учений, всегда был равнодушен к деньгам. Но Арзу посулил ему абсолютно сумасшедшую сумму в случае, если экспедиция закончится удачно.

А буквально на следующий день после этого разговора Арзу узнал, что его старого школьного приятеля Клычко-Желяева только что поставили во главе перспективного телеканала «Просто the best».

И мужчина наконец понял, каким образом ему удастся потрясти и

уничтожить окружающий, насквозь прогнивший мирок.

* * *

Когда в столице закрыли все казино, Клычко-Желяев не расстроился ни капли. Успел уже понять: слишком много на них уходит времени. И денег, конечно. Мир, по счастью, велик. Поездок много. Он будет предаваться азарту, когда путешествует.

Так и шло, пока однажды сама Анна Борисовна Усачева – с ней много лет были на короткой ноге – не позвала вместе поехать за город. Ждал обычной ярмарки тщеславия и шашлыков из мраморной говядины, но особняк за трехметровым забором оказался подпольным казино.

– Анечка, хоть бы предупредила! Я без денег, – упрекнул он.

Звезда царственno отмахнулась:

– С людей *нашего ранга* они не берут.

И точно. Халдей – словно в сказке! – вынес фишек на пять косарей. Да еще услужливо поклонился. Они с Усачевой пошли в зал. Певица отправилась к горячо любимой рулетке, ему лег на сердце покер.

Приумножить капитал в этот вечер не удалось. Но оставшиеся фишки – полторы тысячи – безропотно поменяли на доллары.

Теплый прием запоминается надолго. Очень скоро ему захотелось вернуться. Приехал один. На сей раз играть бесплатно не предложили. Но везло отчаянно. Пришел с тысячей, а ушел с десяткой.

Когда через неделю явился снова, Фортуна оскалилась. Проиграл. Пока одевался, дал себе зарок: больше сюда ни ногой. Но на выходе догнал менеджер. Улыбнулся, вручил три зеленых куска – половину проигрыша. Заворковал:

– Мы не любим, когда от нас уходят расстроеными.

А дальше Клычко-Желяев привык. Приезжал стабильно раз в неделю. Выигрывал. Проигрывал. Если денег вдруг не хватало, давали в долг. Безо всяких процентов.

Но однажды, как случается с каждым игроком, его понесло. Сел играть в покер по сотне за вход – слил. Начал ставить по двести – та же обида. Шарахнулся по пятьсот – взял флеш^[10]. Раскрылился, поставил по тысяче – проиграл. Повысил до полторашки – мгновенно пришел стриток^[11].

Так и тянулось. Деньги то появлялись, то кончались. От злости, что вроде везет, а столбики фишек редеют, он заказал джин с тоником.

Алкоголя в коктейль плеснули щедро, в голове поплыло. Ему бы понять, что ловушка, уйти! Но решил поставить в последний раз. Пять тысяч. Выпало три двойки^[12]. И ему снова показалось: вот она, улыбка фортуны!

Часов нет, окон нет. Музыка, улыбки, шорох карт, боль стрельнула в висок. Уже потом он узнал, что провел в казино тридцать семь часов. И проиграл триста пятьдесят тысяч долларов.

Для офисного планктона – катастрофа. Для человека богатого – досадная, однако всего лишь неприятность. Возьмет кредит, за полгода рассчитается.

Подписал долговую расписку, буркнул:

– Век бы вас не видеть!

И вдруг услышал из-за спины:

– Но полно, час настал. Гори, письмо любви.

Резко обернулся – с ума сойти, он! Арзу! Незадачливый чтец Маяковского. Его покровитель в школе и на темных улицах предперестройки. Не виделись больше двадцати лет. Некогда черноволосый красавец поседел, постарел, обрюзг. Глаза – холодные, наглые.

Обниматься не стали. Школьный приятель шутливо представился:

– Я хозяин этого чудесного места.

Ответ сам сорвался с губ:

– Решил отомстить за давний проигрыш?

– Я? Мстить? С ума сошел!

– Тогда расписку возвращай.

– Сейчас принесут.

Однако никого звать не стал. Вместо этого приобнял:

– Пошли ко мне в кабинет.

А там – сразу быка за рога:

– Хочешь больше никогда в жизни не работать?

– Можешь помочь?

– Могу.

И план изложил.

– Ты сумасшедший? – ласково спросил Клычко-Желяев.

Школьный друг не растерялся:

– Зато в каждом доме будут только *о тебе* говорить. Везде. Сначала наши сто сорок семь миллионов узнают. Потом остальные семь с половиной миллиардов. Всю планету взорвешь!

– Мне не нужна такая слава.

– Хорошо. Тогда говори, сколько тебе нужно денег.

Клычко-Желяев фыркнул. Изdevательски произнес:

– Давай пять. Как аванс. А потом еще пятьдесят дашь.
– Нет проблем, – хладнокровно кивнул Арзу.
И немедленно вынул из шкафа, протянул «дипломат»:
– Держи. Ровно пятерочка. Только в казино с ними сейчас не ходи.
Любопытство пересилило. Клычко-Желяев открыл, заглянул –
настоящие деньги. Доллары.

Повторил:

– Ты сумасшедший?

Старый друг усмехнулся. И старательно, но, как и тогда, без изюминки
процитировал:

– Меньше, чем у нищего копеек,
У вас изумрудов безумий.

И спокойно сказал:

– Ты деньги возьми. Отнеси домой. Подумай. А решишь, что не
нужны, – вернешь.

Гипнозом, что ли, научился владеть? Или после тридцати семи часов
игры любой превращается в воск, из которого плавь, что хочешь?

Потом, когда подумал ипротрезвел, Клычко-Желяев, конечно, начал
жалеть. Но деньги были уже потрачены.

Когда вернулся домой, он не лег спать. Сначала рассыпал купюры по
кровати, ласкал их, лелеял. А потом немедленно взялся покупать.

Апартаменты в Майами.

Небольшое шале в Швейцарии.

Пусть все удавятся.

Идея Арзу абсолютно безумна. Но есть в ней и польза – лично для
него. Рейтинг у шоу получится сумасшедший. А доказать злой умысел
продюсера – каким образом? Он себя выставит безвинной жертвой.
Человеком, который ничего не знал. А когда понял, что случилось,
искренне старался остановить беду.

* * *

Клычко-Желяева с должности выкинули быстро и без шанса на
оправдание. А вот уголовное дело, как ни старались, пришить не смогли.
Почему взял в шоу вне всякого конкурса журналиста Полуянова? Хотел

пиара бесплатного. Историю про черную оспу и его маму вообще не знал – это редакторы накопали.

Каким образом в «Свадьбу навылет» Анатолий попал?

Тоже редакторы посоветовали. Интересное фактурное лицо. Плюс историю с брошенной невестой-истеричкой весь театр знал. Хорошо можно было обыграть. Кто мог подумать, что Петельская на такое сумасшествие решится?

Адвокаты Клычко-Желяева бились, аки львы, и смогли убедить следствие: затея Людмилы – чистой воды самодеятельность. (Умело, впрочем, направляемая Международной террористической организацией.) Сам же продюсер, оказавшись в критических обстоятельствах, наоборот, проявил себя героем и молодцом. Приложил все силы, дабы прекратить панику. Что не смог автобус с беглецами остановить – не его вина. Уговаривал, как мог.

Ну, а за то, что протащил провокационную передачу в эфир, его уже наказали – лишением должности.

«Хотя любой продюсер поступил бы на моем месте точно так же», – говорил во всех интервью Клычко-Желяев.

Он в отличие от Артура не скрывался от журналистов. Черная оспа прошла у него в крайне лёгкой форме, поэтому делегации писак (страшно возбужденных тем, что их одели в противочумные костюмы) Клычко-Желяев принимал чуть не каждый день.

Активно каялся, что допустил нечестную игру в отношении журналиста Полуянова. Показательно печалился, что не увидел в Петельской роковой фигуры. Публично бичевал себя, что выпустил ее видеобращение в эфир, даже предварительно не просмотрев. Красиво страдал, что стал виновником паники – не только в Селютине и Грибовске, но в целой стране.

Впрочем, Россия, как когда-то Советский Союз, всегда умела выживать в особо сложных условиях.

Во время вспышки оспы – той, что случилась почти шестьдесят лет назад, – только за январь 1960 года создали три с лишним тысячи прививочных пункта и больше восьми тысяч передвижных бригад. Привили – меньше чем за тридцать дней! – почти десять миллионов человек.

Сейчас задача чрезвычайно усложнялась из-за отсутствия вакцин. Да и масштабы эпидемии оказались мощнее.

Петельская заразила множество людей, пока ехала через всю страну на съемки. А когда в Селютине случился бунт, двадцать восемь

инфицированных и активно больных смогли доехать до районного центра Грибовска и рассеяться по городу. И Василиса – виновница паники – даже умудрилась сесть на поезд, доехать до Сочи и заразить немало народу там.

Но государство наше умеет мобилизовать. В прошлом веке над ликвидацией хаоса работало около тридцати тысяч врачей – сейчас втрое больше. Подключили армию, ФСБ, полицию, МЧС.

На Западе раздували панику, многие страны закрывали в России свои представительства, прекратили авиасообщение. Но уже к Новому году президент объявил: все инфицированные и потенциально контактные взяты на карантин. Миру больше ничего не угрожает.

В середине января Клычко-Желяева выпустили из больницы. И практически немедленно последовало приглашение от американцев – прочесть в университетах Калифорнии курс лекций под условным названием «Голодные игры в реальности».

Заняться здесь, в России, бывшему продюсеру было ничем. Смотреть, как на его детище – канале «Просто the best» – бездарно хозяйничают другие? В его кресле теперь восседала Анастасия, шеф-редактор «Свадьбы навылет», и это было вдвойне обидно.

Поэтому он предложение американцев с радостью принял.

* * *

От Лос-Анджелеса до Лас-Вегаса – час лету. Или четыре часа космически красивой дороги. Клычко-Желяев, конечно, дал себе слово воздерживаться от азартных игр. И – кто бы сомневался – зарок не выполнил.

Но всячески подавлял, ограничивал, контролировал свою страсть. В том числе обязательно каждый час, как бы ни везло, вставал из-за игрового стола. Шел на воздух. Перекусить. Пощекотать нервы на роллер-костере. Посмотреть на Моне.

Прежде, когда оказывался в Лас-Вегасе, частенько нарывался на наших. Его узнавали. Просили автограф. Сфотографироваться. Или попробоваться в роли ведущих. Сейчас русских в Америке почти не было, и Клычко-Желяев расслабился абсолютно.

Во время одиноких своих прогулок часто вспоминал разговор в подпольном казино под Москвой. И бесконечно пытался понять: вознес его старый школьный друг или, наоборот, *бросил в пропасть*?

С одной стороны, он теперь никто, безработный.

С другой – его имя действительно прогремело на все семь с половиной миллиардов. На всю планету!

Но истинной его роли, по счастью, никто не знал.

Ничего криминального в том, что он лично летал в Новосибирск приглашать Анатолия, нет.

И никто не выведал, что подсказку сценаристам – где когда-то работала мать журналиста Полуянова – дал именно он.

Смерть психиатра из Грибовска, а также похищение жены и дочки главного врача городской больницы взяла на себя Международная террористическая организация и лично его бывший одноклассник Арзу Юнусов.

О том, что Клычко-Желяев тоже был в курсе, никто не ведал.

Никому не было дела до того, что сумасшедший террорист и известный телепродюсер когда-то учились в параллельных классах. И соперничали на школьном конкурсе чтецов.

...Безработный продюсер шел по Стрипу, улыбался всегда яркому солнцу Невады. Ему даже в голову не приходило заволноваться, обернуться. Задуматься, почему спортивного вида парень в темных очках идет за ним от самого «MGM»?

Днем на улицах Вегаса малолюдно – народ прячется от жары, ждет прохладного вечера. И когда хорошо одетый мужчина вдруг зашатался, схватился за горло и упал, бросились к нему не сразу. А человека в темных очках, который метнулся прочь, и вовсе никто не заметил.

Клычко-Желяев лежал на спине, в мертвых глазах отражалось небо. Зеваки с явным запозданием подняли визг.

Артур в это время уже садился в машину. Страха не было – только блаженство. Из-за того, что безжалостная игла впервые после смерти Кристины прекратила терзать его сердце.

Тем же вечером об убийстве Клычко-Желяева в Лас-Вегасе сообщили по всем телеканалам.

Надя отреагировала простодушно:

– И поделом ему.

Полуянов промолчал.

У него не было никаких доказательств, что Клычко-Желяев причастен к случившемуся злу.

Дима выяснил единственное: террорист Арзу Юнусов и продюсер когда-то учились в одной школе.

Но высококлассный наемный убийца Артур и не потребовал у него подтверждающих документов. Ему просто нужна была достойная жертва.

* * *

Спустя месяц в субботу утром Дима получил по электронной почте фотографию. В объектив беззаботно улыбался атлет. Рядом с ним стояла очень красивая, очень спортивная и очень похожая на Кристину девушка.

Подпись гласила:

«Благодарю тебя. Теперь все сначала!»

Диму раздирали противоречия. Он ненавидел, когда побеждает зло. И, по совести, нужно, конечно, было принять все меры, чтобы наемный убийца получил по заслугам.

Но разве черная оспа – не достаточное наказание? А смерть любимой?! Да и кто, кроме Артура, мог покарать Клычко-Желяева? Раз уж закон оказался бессильным?!

Полуянов еще раз посмотрел на симпатичную пару. Поставил комп в спящий режим. Вышел на кухню.

Надя, как всегда, хлопотала. Скворчит на сковороде лук, в кастрюле бешено кипит картошка, сама девушка с видом снайпера работает блендером.

– Митрофанова! – Полуянов с трудом перекрикнул кухонные звуки. – Выключай тут все!

– Зачем?

– Бери паспорт и пойдем прогуляемся.

– Куда?

– Как куда? В загс. Сколько можно откладывать!

Авторы горячо благодарят замечательного врача Дениса Александрова (клиника «Медика Менте», город Королев) и потрясающую Оксану Тыртычную, редактора-консультанта телеканала «Культура», за ценные советы, которые чрезвычайно помогли в работе над романом.

Также большое спасибо нашему любимому редактору Анне Антоновой и всем читателям, кто любит Надю с Димой и желает им скорейшей свадьбы и счастья в семейной жизни.

notes

Примечания

1

См. об этом: А. и С. Литвиновы, «Одноклассники смерти».

2

См. об этом: А. и С. Литвиновы, «Ледяное сердце не болит».

3

О том, что случилось с мамами Димы и Нади, читайте в романе А. и С. Литвиновых «Эксклюзивный грех».

4

От латинского *senilis* – старческий, относящийся к старости.

5

Никогда! Я его ненавижу (*франц.*).

6

На самом деле республики Ходжарии, ходжарцев и ходжарского языка в России не существует, вышеперечисленные названия и термины – абсолютный авторский вымысел.

7

А.С. Пушкин, «Пир во время чумы».

8

А.С. Пушкин. «Сожженное письмо». Написано в 1825 году.

9

Американский террорист-одиночка. Организовал взрыв правительственного здания в Оклахоме. Погибли 168 человек, более 500 были ранены. Собственную смертную казнь превратил в шоу, просил транслировать ее по телевидению, в последний день жизни выглядел абсолютно спокойным, напевал строчку из «Богемской рапсодии» группы Queen «Mama, I just killed the man».

10

Покерная комбинация, пять карт одной масти. В казино оплачивается один к пяти.

11

Покерная комбинация, пять карт без учета масти подряд по старшинству. В казино оплачивается один к четырем.

12

Оплачивается один к трем.